ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 1 (22)

Серия
«Исторические науки»

Москва
2008

Адрес редакционно-издательского отдела ГОУ ВПО МГПУ:
129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп. 1.
Телефон: 181-55-14.

Первая задача истории — воздержаться от лжи,
вторая — не утаивать правду,
третья — не давать никакого повода заподозрить
себя в пристрастии или предвзятости.

Марк Тулий Цицерон

СОДЕРЖАНИЕ

От главного редактора

Уважаемые читатели, наши подписчики!

Выход в свет первого номера новой серии «Исторические науки» «Вестника» ГОУ ВПО «Московского городского педагогического университета», можно считать важной вехой в развитии исторического факультета. Но это явление не случайно, а закономерно. Оно связано с тем, что в современную эпоху многократно возрастает роль науки, в России формируется общество знания. За 13 лет существования университета факультет накопил для этого вполне достаточный научный и научно-методический потенциал. Более 85% штатных преподавателей факультета имеют научные степени и ученые звания. Их монографии, учебники и учебно-методические пособия (как вузовские, так и школьные) издаются крупнейшими издательствами страны, в научной печати регулярно публикуются специальные научные статьи. На факультете успешно работают аспирантура и докторантура, а также диссертационный совет по защите докторских диссертаций, в котором в течение десяти лет защищено более 80 диссертаций.

Необходимый для издания журнала научный потенциал не ограничивается силами исторического факультета, но весомо дополняется общеуниверситетской кафедрой истории (почти треть материалов первого номера журнала составляют работы ученых этой кафедры). Кроме того, на факультете успешно трудятся специалисты ведущих педагогических и гуманитарных вузов Москвы, а также институтов РАН.

Журнал предполагает знакомить с результатами исследований двух научных лабораторий Научно-исследовательского института столичного образования МГПУ, которые работают на историческом факультете. Страницы журнала будут предоставлены и молодым исследователям, начинающим свой путь в науке. На историческом факультете традиционно большое внимание уделяется развитию студенческих научных исследований. Активно действует СНО, имеющее свой сайт в Интернете. Регулярно проводятся межвузовские научные конференции студентов и аспирантов, издаются сборники научных работ молодых ученых.

Первый номер журнала в целом посвящен проблемам российской истории ввиду того приоритетного значения, какое имеет в любой стране и в любую эпоху отечественная история. Диапазон представленных статей охватывает историю нашей Родины от XVI века до наших дней. В публикуемых статьях и научных сообщениях рассматривается ряд актуальных в науке вопросов.

Разумеется, в начатой этим номером серии «Исторические науки»

предполагается печатать труды и по всеобщей истории, а также археологии, другим вспомогательным историческим дисциплинам, да и по всему спектру исторических наук. Отдельные разделы будут посвящены актуальным проблемам преподавания истории и обществознания в вузе и школе.

Планируется публиковать научные статьи и другие труды (рецензии, переводы, архивные материалы и т.д.) специалистов и аспирантов нашего вуза, а также специалистов других учебных заведений и научных организаций.

Редколлегия отказалась от традиционной для ряда научных журналов рубрикации по жанру публикуемых материалов (статьи, сообщения, рецензии), а также от деления на традиционные разделы истории (всеобщая, включающая Древний мир, Средневековье, новое и Новейшее время, отечественная история различных периодов). Рубрикация журнала более свободна, хотя не исключается присутствие постоянных рубрик, например таких, как «Исторический очерк», «Исторический портрет», «Критика. Рецензии. Библиография» и т.п. Так постоянным предполагается сделать раздел «Научная жизнь», поскольку в университете регулярно организуются межвузовские научные конференции, проходят научные круглые столы, на кафедрах заслушиваются и обсуждаются научные доклады и сообщения. В первый номер помещен обзор Всероссийской научной конференции «1917 год: революции в России».

Таким образом, журнал не ограничивает своих авторов в выборе тем и жанров научных работ. Редколлегия надеется, что издание журнала будет способствовать реализации научного потенциала преподавателей гуманитарных дисциплин, поможет объединить не только интеллектуальные силы университета, но также стать притягательным центром для представителей российской отечественной науки.

Главный редактор журнала,
ректор ГОУ ВПО МГПУ,
доктор исторических наук,
профессор *В.В. Рябов*

Военная политика

В.А. Корнилов

Рекрутская повинность и внутреннее состояние русской армии в первой половине XIX века

В истории России армия всегда играла очень большую роль. Практически все политические действия царизма опирались на поддержку вооруженных сил. В свою очередь, русская армия была важнейшим объектом политики правительства. Об этом и идет речь в статье.

В первой половине XIX века в правящих кругах России был широко распространен взгляд, высказанный еще А. Смитом, что постоянная армия — «удобное средство соединения народных сил для достижений целей государства» [33: с. 50]. Обоснование приоритета армии в государственной жизни осуществлялось не только военными. Господствовавшие тогда официально экономические концепции рассматривали армию как один из источников общественного богатства. Примером может служить точка зрения российского министра финансов Е.Ф. Канкрина, который на протяжении многих лет определял экономическую политику правительства. Он писал:

«Многим, пожалуй, покажется странным, что говорим мы о трудах сословия военного, т.е. об ученьях, экзерциях, парадах, постовой, сторожевой службе и т.д., но все это — нет никакого сомнения — входит в сферу производства, все это — работы, хотя и не прямо, но все-таки производительные, ценность которых обнаруживается в полном блеске, когда наступает война» [14: с. 45]. Аргументы Канкрина довольно показательны. Развитие армии наиболее губительно отражалось на состоянии финансов. Канкрин это прекрасно понимал и тем не менее отстаивал точку зрения о необходимости сильной армии.

В первой половине XIX века военные и правительственные круги России наиболее благоприятным условием внешней безопасности страны оценивали «вооруженный мир». Позднее смысл этой формулы удачно выразил известный военный теоретик А.Ф. Редигер: «…настоящая война ведется в мирное время» [31: с. 2]. Это означало, что безопасность страны, успех любой войны предопределялся прежде всего наращиванием военных сил в

мирные годы. Подобная позиция получила широкое развитие во всех крупнейших европейских странах, но в каждой из них отличалась своеобразием трактовки.

Среди русского военного командования преобладала точка зрения, что военная подготовка в мирное время главным образом должна быть направлена на поддержание высокой численности войск, превосходящей состав армий даже не одного, а нескольких потенциальных противников. Такой взгляд сформировался в значительной степени под влиянием опыта Отечественной войны 1812 года, во время которой русская армия не имела достаточной численности своего состава и не смогла сколько-нибудь его значительно увеличить вплоть до изгнания наполеоновский войск из России. Но по данным Главного штаба 1812 года, в результате трех крупных наборов было собрано 446,5 тыс. рекрутов, но, что удивительно, ни один их них не был использован в сражениях Отечественной войны [19]. Победа обошлась очень дорогой ценой — разорением страны. Из этого можно было сделать вывод о необходимости многочисленной армии не только во время войны, но и в период относительного мира.

Действовавший в России способ комплектования армии считался дешевым для государства. При этом во внимание принимались только прямые расходы на привлечение к службе солдат. Рекрутская повинность действительно требовала значительно меньше государственных затрат, чем, например, вербовка, принятая в ряде европейских стран. Поэтому последствиям от постоянного наращивания численности войск царизм практически не придавал никакого значения. Понимание военной мощи у правительства и генералитета было односторонним, как систематическое увеличение штатного состава армии.

Рост численности армии в первой половине XIX века прослеживается по следующим данным (тыс. человек)[1] (табл. 1).

---

[1] В исторической литературе встречаются разнообразные данные о численности русских войск. Это объясняется особенностями источников. Во-первых, Военное министерство оперировало тремя видами статистики: «по штату», «по списку» и «налицо». Например, в начале 1833 г. «по штату» предусматривалось 840,4 тыс. нижних чинов, «по списку» числилось 863,6 тыс., а «налицо» было 742,5 тысячи [38]. Во-вторых, даже в мирное время в течение года происходили большие колебания численности войск. В том же 1833 г. на конец года «налицо» было уже 675,7 тыс. нижних чинов [38: л. 228]. В-третьих, подсчеты производились, включая офицерский корпус и без него. В 1833 г. на службе числилось 22,0 тыс. офицеров. В-четвертых, исследователи не всегда учитывают, что сухопутные вооруженные силы подразделялись на регулярные и иррегулярные, основную массу которых составляли казачьи части. Как правило, Военное министерство пользовалось данными без учета численности казачьих войск. С учетом особенностей казачьей службы численность нижних чинов иррегулярных войск в начале 1833 г. была следующей: «по штату» — 71,2 тыс., «по списку» — 185,0 тыс., «налицо» — 142,5 тысячи [38: л. 229]. В таблице приводятся данные «по штату» на начало года без казачества и офицерства.

Таблица 1

Численность русской армии

Год	1802	1812	1822	1832	1842	1852
Тыс. чел.	416,8	576,6	856,7	795,4[1]	930,3	1142,1

Возрастание численности регулярной армии сопровождалось общим увеличением числа лиц, находившихся на военной службе. В первой половине XIX века заметно повышалась потребность в хозяйственном обслуживании армии. При отсутствии рынка вольнонаемной рабочей силы все отрасли военного хозяйства комплектовались принудительно, путем рекрутства. Кажущаяся дешевизна рекрутской повинности служила своеобразным оправданием использования низших чинов для вспомогательных служб и даже для военного производства. Рекруты и нижние чины направлялись в качестве мастеров, подмастерьев и их учеников на полки, занимались хозяйственным обслуживанием арсеналов и крепостей, были служителями госпиталей, типографий, военных канцелярий, таможен, использовались на различных работах пороховых и оружейных заводов, несли полицейскую службу в городах и т.п. Все это лишь условно могло быть отнесено к военной службе и служило для непосредственного обеспечения безопасности страны. Развитие вспомогательных видов службы скорее показывает процесс натурализации военного хозяйства в условиях крепостничества. Неблагоприятные явления в экономике России сказываются и на ее военном потенциале, правительство пыталось нейтрализовать путем дальнейшего обособления армии и военного хозяйства. В результате заметно возрастал состав нестроевых военнослужащих.

Обычно в официальных отчетах не приводилась общая численность военнослужащих. Лишь в некоторых расчетах Комиссариатного департамента Военного министерства, ведавшего довольствием армии, можно встретить данные о полной численности военнослужащих. Так, например, в 1812 году на военном довольствии находилось 770,3 тыс. человек, а через 10 лет, к началу 1822 года, на довольствии Комиссариатского департамента состояло уже 1160,8 тыс. [2: л. 1]. С учетом смертности, дезертирства и злоупотреблений чиновников эти данные были несколько завышенными, но все равно общее количество военнослужащих намного превышало численность строевого состава армии. Таким образом, возрастание боевой части армии в условиях крепостничества сопровождалось еще более значительным ростом вспомогательных служб и, следовательно, общей численности войск. Означала ли высокая численность военнослужащих рост боевой мощи армии и военного потенциала страны в целом?

---

[1] По признанию Инспекторского департамента Военного министерства, данные 1832 года неточны. Более достоверны данные 1833 г. — 840,4 тыс. [34: с. 61–62].

Комплектование армии осуществлялось на основе рекрутской повинности. Она распространялась на все податные сословия христианского населения России. Рекрутская повинность предполагала полный разрыв поступающего на военную службу со своим сословием, а в большинстве случаев и со своей семьей, местом жительства и традиционными занятиями. На протяжении первой половине XIX века срок военной службы составлял двадцать пять лет[1]. Это означало, что численный состав армии был постоянным и существенно не менялся по условиям военной или мирной обстановки [9: с. 120].

Длительный срок службы — один из важнейших принципов рекрутской повинности. Определялось это прежде всего внутриполитическими соображениями. Рассматривая вопрос о продолжительности службы в армии, общее собрание Государственного совета 6 июля 1831 года особо подчеркивало, что «правила для рекрутских наборов и времени службы» основаны на «крепостном праве на людей». С этой точки зрения сокращение срока службы было нежелательно. Специально оговаривалось, «чем менее будет возвращаться солдат в селения, тем удобнее сохранять в них простоту нравов, желаемое благоустройство и тишину» [28]. Как видно из приведенного мнения Государственного совета, внутриполитические проблемы довлели над правительством и решение стратегических задач государственной безопасности происходило с крепостнических позиций, мало учитывало объективные потребности развития армии.

Военно-политический курс царизма, направленный на поддержание постоянно высокой численности воинского персонала имел отрицательные последствия прежде всего для военного потенциала России. Рекрутская повинность исключала возможность оперативного вовлечения в военные действия дополнительной людской силы, плохо влияла на качественный состав армии, морально-психологическое состояние войск и подготовку унтер-офицерского и офицерского состава. Рекрутская повинность истощала экономику и людские ресурсы страны.

В первой половине XIX века основная часть государственного бюджета России шла на военные нужды (табл. 2).

---

[1] В 1818 г. срок действительной службы для гвардии был сокращен до 22 лет, а в 1829-м г. до 20 лет. Для армии в 1829 г. срок действительной службы был сокращен до 22 лет, а в 1834-м, так же как и в гвардии, — до 20 лет. При этом общий 25-летний терминал сохранялся. Предусматривалось, что после 20-летней «бессрочной службы» нижние чины по их желанию увольнялись в бессрочный отпуск на 5 лет. Во время бессрочного отпуска они в любой момент могли быть призваны на действительную службу. В 1840-х гг. в бессрочный отпуск увольнялось незначительное число военнослужащих, ежегодно около 20 тыс. [34: с. 120]. Это не создавало достаточного резерва. В 1848–1849 гг. во время революционных событий в Европе бессрочноотпускные были призваны на действительную службу. Всего удалось собрать 176,5 тыс. бессрочноотпускных [34: с. 138].

Таблица 2

Рост военного бюджета [22: Т. 1, с. 2][1]

Год	Государственные расходы в целом	Расходы на содержание сухопутной армии	
	млн руб. (100%)	млн руб.	%
1805	127,8	45,2	35,4
1810	241,5	32,0	38,8
1815	382,2	208,0	54,4
1820	504,2	179,9	35,6
1825	392,0	151,8	38,7
1830	403,1	163,8	40,6
1835	490,7	193,9	39,5
1839	525,9	196,8	37,4

В 40-х годах XIX века доля военных расходов существенно не изменилась и составила в 1840 году 37,7%, в 1849 г. 40,4 % [22: Т. 1, с. II].

Приведенные данные показывают, какими были военные расходы в годы относительного военного затишья. Их доля в государственном бюджете менялась незначительно. Абсолютные показатели затрат на содержание армии из года в год возрастали даже с учетом падения курса ассигнационного рубля.

Высокий уровень военных расходов всегда обременителен для страны, но их последствия могут быть различными. Использование части военного бюджета для финансирования военного производства может в отдельные периоды стимулировать развитие производительных сил. Напротив, высокие непроизводительные затраты для нужд армии могут оказывать парализующее влияние на экономику. Чтобы ответить на вопрос о последствиях от высокого уровня военных расходов для экономики России первой половины XIX века необходимо выяснить, как выглядела структура использования средств.

---

[1] Расчеты о размерах военных расходов часто страдают большой неточностью, особенно в первой четверти XIX в. Организационная неразбериха возникла из-за того, что часть средств отпускалась из Государственного казначейства непосредственно в армию, другая часть очень нерегулярно перечислялась через департаменты Военного министерства, где задерживалась на неопределенное время. Нередко Военное министерство в обход финансовых органов государства использовало свободные средства для валютных операций и выгодных коммерческих сделок. Получаемая прибыль также шла на военные нужды, но официально не учитывалась. Бюрократические хитрости различных ведомств создавали дополнительные разночтения. Например, суммы во всеподданнейших отчетах министра финансов, отчетах Государственного казначейства и военных отчетах во все годы сильно отличались друг от друга. Отсутствие четкой системы в расходовании средств на военные нужды приводило к тому, что правительству так и не удавалось установить подлинную картину расходов. Особенно это проявлялось в военные годы. Так, в 1819 г. правительство задалось целью выяснить, во что обошлась Отечественная война 1812 г. и последующие заграничные походы. Подсчеты велись восемь лет. Выяснилось, что с 1812 по 1817 г. на войну было истрачено 494,7 млн. руб. [35: л. 21].

Из этой фантастической по тем временам суммы так и не удалось подтвердить достоверными сведениями использование более 200 млн. руб. [35: Т. 44, д. 472, л. 17–18].

Военное министерство расходовало деньги через четыре основных департамента: *Комиссариатский, Провиантский, Артиллерийский* и *Инженерный*. Через комиссариат средства шли на жалованье, обмундирование, содержание госпиталей и военных сирот, а также на приобретение строевых лошадей. Следовательно, основные расхода этого департамента были связаны с текущими расходами на содержание личного состава армии. Никаких стратегических запасов не создавалось. Исключение составляет приобретение лошадей, но в общих расходах по Комиссариатскому департаменту это составляло ничтожно малую сумму, не превышавшую даже в военные годы 0,4 %.

Средства по Провиантскому департаменту шли исключительно на продовольствие войск и фураж для лошадей. Следовательно, и здесь в своей основе расходы носили текущий характер и полностью зависели от численности личного состава. Стратегических запасов по линии провианта практически не создавалось.

Провиантский и Комиссариатский департаменты безвозвратно поглощали огромное количество товарной продукции, производимой в сельском хозяйстве и кустарной промышленности. В районах сосредоточения армий[1] поглощалась практически вся товарная продукция, а во время войн у населения принудительно, в долг (выдавались особые квитанции), изымалась даже жизненно необходимая часть продукции. С учетом слабого развития производительных сил страны и низкой товарности сельского хозяйства такое непроизводительное поглощение наиболее массовой продукции серьезно ограничивало расширение рынка.

Иная картина с расходами по Артиллерийскому и Инженерному департаментам. Здесь тоже часть расходов были текущими — отопление казарм и госпиталей, содержание личного состава немногочисленных инженерных войск и артиллерии. Основные расходы по этим двум департаментам шли на содержание оружейных и пороховых заводов, арсеналов, на ремонт и строительство крепостей, дорог, мостов, организацию военного транспорта, на приобретение оружия и боеприпасов. Таким образом, в сфере деятельности Артиллерийского и Инженерного департаментов создавались стратегические запасы, которые существенно влияли на боевой потенциал армии и косвенно способствовали развитию производительных сил страны.

Как складывалось соотношение расходов по всем четырем департаментам? Для этого обратимся к сметам расходов Военного министерства:[2] (табл. 3).

---

[1] В первой половине XIX в. основными районами расквартирования войск были юг Украины, Кавказ, западно-белорусская и литовская губернии, а также окрестности Петербурга.

[2] Сумма расходов по сметам была ниже фактических затрат на армию, поэтому цифры данной таблицы не совпадают с предыдущей, где приводятся суммарные данные по казачеству. Отчеты показывают более достоверную картину, но они не позволяют выявить структуру расходов, так как деньги отпускались не только через департаменты Военного министерства, но и непосредственно из казначейства войскам без указания статей расхода. Было бы более достоверно проследить структуру военных расходов России на основе полковых документов, но этот вид источников на сегодняшний день не поддается обработке в полном объеме.

Таблица 3

Структура расходов Военного министерства в первой половине XIX века (млн руб.)[1]

Год	Общая сумма военного бюджета (100%)	Комиссариатский департамент		Провиантский департамент		Артиллерийский департамент		Инженерный департамент		Департамент военных поселений		Военные учебные заведения[2]		Содержание аппарата Военного министерства	
		Сумма	%	Сумма	%	Сумма	%	Сумма	%	Сумма	%	Сумма	%	Сумма	%
1804	42,7	22,2	52,0	16,4	38,4	2,7	6,3	1,4	3,3						
1805	42,6	22,5	52,8	16,8	39,4	1,9	4,5	1,4	3,3						
1806	49,7	27,6	55,6	16,4	33,0	3,1	6,2	2,6	5,2						
1807	62,1	33,0	53,1	22,2	35,8	4,2	6,8	2,7	4,3						
1830	135,7	77,1	56,8	48,5	35,7	4,2	3,1	5,9	4,4						
1831	146,0	76,6	52,5	57,9	39,7	5,0	3,4	6,5	4,4						
1832	140,0	74,9	53,4	52,0	37,1	4,5	3,2	5,2	3,7			3,7	2,6		
1833[3]	149,3	78,1	52,4	57,5	38,5	4,4	2,9	5,6	3,7			3,7	2,5		
1847	64,5[4]	28,7	44,5	28,5	44,1	2,3	3,6	1,4	2,2	2,3	3,6	1,3	2,0		
1848	72,1	34,0	47,2	29,2	40,5	3,0	4,1	1,6	2,2	2,3	3,2	1,5	2,1	0,5	0,7
1849	77,3	34,0	44,0	34,3	44,4	3,1	4,0	1,8	2,3	2,1	2,7	1,6	2,1	0,4	0,5
1850	68,4	29,1	42,6	31,0	45,3	2,4	3,5	1,5	2,2	2,3	3,4	1,6	2,3	0,5	0,7

[1] В 1804–1833 гг. — в ассигнациях; в 1847–1850 гг. — по курсу серебряного рубля.

[2] К концу 1840-х гг. военные поселения существенно сокращались, расходы по ним заметно уменьшались. По данному департаменту главным образом стали проводить средства на ремонт казарм, складов, полковых церквей; содержание отдельных небольших воинских команд, на оплату домов высших военных чиновников, а также для оплаты части долгов военного ведомства.

[3] В 1833 г. существовала еще дополнительная смета на содержание войск, находившихся в Польше на военном положении [36].

[4] В 1847 г. дополнительно планировалось израсходовать для потребностей военного ведомства 5,7 млн руб., но через Министерство финансов [37: л. 304]. Источники: Ф. I. Оп. I. Д. 774 (л. 190). Д. 934 (л. 307). Д. 1067 (л. 259). 1830 г.-ф. I. Оп. I. Д. 7603. Л. 415–416. 1831 г.-д. 7835. Л. 287. 1832 г.-д. 8404. Л. 53, 61, 76–77, 98–100, 208–209. 1833 г.-д. 9083, Л. 56, 133, 203, 220, 306. 1847 г.-ф. I. Оп I. Т. 44. Д. 19. Л. 42, 74, 153, 212, 271, 292. 1848-1849 гг.-д. 1870. Л. 54–55, 101–102, 124–125, 242–243, 290–296, 311–317, 319–322. 1850 г.-д. 1976. Л. 16–17.

В начале 30-х годов структура расходов несколько расширилась. Выделены отдельно средства на содержание военных учебных заведений и военных домов. Эта статья условна, так как сюда включались расходы и по некоторым другим учебным заведениям, например Царскосельский лицей (в 1832 году — 161,5 тыс. руб.). Сюда же скрывались расходы, которые не имели никакого отношения к учебным заведениям. Например, различные доплаты к жалованью генералитета и высшего офицерства.

На протяжении первой половины XIX века структура расходов несколько менялась, но главное соотношение оставалось практически постоянным. Комиссариатский и Провиантский департаменты поглощали около 90% всех военных расходов. Иными словами, армия «проедала» военный бюджет. На развитие военного производства, всякого рода стратегические накопления средств просто не оставалось. Доля военных заказов в промышленном секторе экономики относительно других военных расходов за пятьдесят лет сократилась примерно на 40%. Это означало, что в отношении промышленности стимулирующая роль военных заказов падала. Главная причина этого явления скрывалась в способе комплектования войск — рекрутской повинности. Военная стратегия, основанная на поддержании высокой численности войск, обрекала Россию на военно-техническое отставание от более развитых стран, что особенно наглядно проявилось во время Крымской войны.

Расточительное использование военного бюджета еще больше обостряло дефицит свободных капиталов в стране. В свою очередь, это сковывало рост деловой активности и являлось одной из важнейших причин нарастания застойных явлений в экономике России к середине XIX века. Упорство, с которым правительство осуществляло нерациональное использование значительной части государственного бюджета, было ярким проявлением кризиса политики царизма.

Огромные затраты на содержание личного состава армии диктовали необходимость жесточайшей экономии средств. Не касаясь главного — рекрутской повинности, — правительство экономило за счет приобретения провианта по более низким ценам. Армия была плохо обеспечена казармами и продолжала квартироваться на основе постойной повинности. Солдаты, находившиеся на постое, разделяли и без того скудный стол хозяев, усиливая скученность в жилищах и были лишены медицинского обслуживания. Жесткие меры по экономии средств на содержание войск не приводили к улучшению структуры военных расходов. С другой стороны, они не позволяли сколько-нибудь заметно улучшить материальные условия и быт армии. Тяжелейшие условия солдатской службы описаны во многих документах, исторических работах и мемуарах. Здесь уместно привести некоторые сопоставительные данные. По подсчетам Военного министерства, сделанным сразу после окончания Крымской войны, в 1846 году содержание одного

солдата обходилось в 66 руб. 46 коп. в год[1], что составляло около 30% аналогичных затрат в ведущих европейских странах [18]. Это отражалось на нравственном и физическом состоянии войск, снижало их боевые возможности [15].

Постоянно возраставшая численность армии означала прогрессирующий процесс отвлечения значительной части населения от производительного труда. В первой половине XIX века этот процесс превышал все допустимые пределы. Для наглядного представления могут быть использованы подсчеты числа военнослужащих, приходящегося на тысячу душ мужского населения. Если воспользоваться данными ревизий и учитывать только строевой состав армии (как уже отмечалось, общий состав был значительно выше)[2], то на одну тысячу мужского населения приходилось следующее число военнослужащих: 1811 год — 27,8; 1833 год — 32,9; 1850 год — 38,9 [12: с. 5]. Эти подсчеты показывают, что рост численности армии в первой половине XIX века происходил не только в абсолютных размерах, но и относительно численности населения.

Число военнослужащих, приходящихся на тысячу душ мужского населения, в России было очень велико. Для сравнения приведем сведения Военного министерства о соотношении на тысячу душ мужского населения в европейских странах: Франция — 20, Австро-Венгрия — 14, Пруссия — 12 [18]. Сравнивая эти показатели, нетрудно прийти к выводу, что высокая численность армии в мирное время наносила наибольший экономический ущерб России. Учитывая, что уровень развития российской экономики серьезно уступал западноевропейским странам, то ущерб от отвлечения работоспособного населения от производительного труда был еще более значительным.

Посредством рекрутской повинности армия поглощала значительную часть прироста мужского населения. Это видно из следующих данных: с 1802 по 1825 год прирост мужского населения составил около 4 млн человек. За это же время было собрано 2 млн рекрутов. На протяжении трех десятилетий, с 1826 по 1855 год прирост населения составил 5,1 млн человек; одновременно было собрано 2,8 млн рекрутов [5].

Рекрутская повинность не была всеобщей. От нее освобождались привилегированные сословия, население ряда окраин (например, Кавказа), нехристианские народы, казачество, колонисты, ссыльные переселенцы и другие. В результате рекрутская повинность распространялась только на часть населения. По официальной статистике, в 1800 году из 19,5 млн. человек мужского населения рекрутскую повинность несло 15,9 млн, или 81,5%. В 1850-х годах количество жителей, несущих рекрутскую повинность натурой, несколько снизилось. По 10-й народной переписи 1857 года, мужское население России составляло 29,6 млн, а рекрутскую повинность выполняло 23,6 млн, или

[1] По другим источникам затраты на одного солдата были еще ниже и составляли 57 руб. в год [39].

[2] По данным Военного министерства в середине XIX в. «на продовольствии казны» находилось до 50 человек на тысячу душ мужского населения.

79,7% [20]. Прямые последствия от рекрутской повинности сказывались на трудящемся населении русских, украинских, белорусских губерний и Прибалтики. Здесь в армию попадало 60–70% естественного прироста населения. В отношении некоторых сословий, особенно крепостного крестьянства, это приводило к необратимым последствиям: так, рекруты из крепостных навсегда теряли крепостную зависимость и существенно снижали прирост крепостного населения.

Вопрос об экономических последствиях от содержания многочисленной армии на протяжении первой половины XIX века вставал неоднократно. Известный русский экономист, хорошо разбиравшийся в вопросах военной администрации, Н.С. Мордвинов многократно высказывал свою точку зрения об огромном вреде от «отделения многочисленной части народа по летам, красоте и крепости сил телесных составляющей изящный цвет государства». Являясь членом Государственного совета, Мордвинов регулярно при обсуждении государственного бюджета возвращался к вопросу об ущербе от содержания огромной армии постоянного состава. В своих записках он прямо указывал: «Россия по числу народонаселения своего не может содержать число войск, в списках военных министерств ныне находящихся» [17: с. 37]. Точка зрения Мордвинова была хорошо известна в правительственных кругах, но все его аргументы игнорировались как в начале века, так и в 30-х годах.

Нельзя сказать, что экономический ущерб от высокой численности войск оставался совсем незамечен. При неизменности подхода к этой проблеме среди русских военных специалистов сложился взгляд, будто экономический ущерб от высокой численности армии Россия терпит меньше, чем другие европейский страны. Объяснялось это тем, что в аграрной стране, со сравнительно невысокой интенсивностью труда, такой ущерб был много ниже, чем в более развитых странах с высокой интенсивностью трудовой деятельности населения [5]. При этом делались подсчеты о количестве рабочих дней в году, о производстве продукции в единицу времени в России и других странах. Получалось, что в суммарном выражении отвлечение рабочих рук в армию даже в больших масштабах не имело таких последствий, как в Англии, Франции и Пруссии. Подобные выводы действовали успокаивающе на правительство. Что касается более далекоидущих выводов о том, что армия поглощала большую часть прироста населения и тем самым способствовала консервации в России экстенсивных форм организации хозяйства, то они тогда просто не возникали.

В экономике России первой половины XIX века господствовали экстенсивные формы крепостнического хозяйства. Вместе с тем к середине века становится заметен и некоторый прогресс. Рост интенсивности труда и квалификации населения хотя и медленно, но повышались. Это особенно было заметно в промышленности и всякого рода промыслах. Поэтому последствия от рекрутской повинности и связанных с ней массовых, как правило, необратимых отвлечений населения от производительного труда на протяжении первой половины XIX века были различны. В начале XIX века это не оказы-

вало столь угнетающего воздействия на экономику, как накануне и особенно в годы Крымской войны. В конечном итоге отрицательные последствия от малообоснованных массовых отвлечений наиболее трудоспособной части населения от хозяйственной деятельности предопределяли общее снижение военного потенциала страны.

Рекрутская повинность не была личной. Рекрут отбывал службу не за себя, а за свое сословное общество. Сложности расчетов рекрутских очередей внутри общины, равно как и стремление помещиков избавиться от нежелательных крестьян, часто приводили к тому, что в рекруты попадали люди самых разных возрастов. По действовавшим правилам, рекрутов принимали в возрасте от 17 до 35 лет, но официальная статистика фиксировала случаи приема рекрутов и в возрасте до 40 лет. В 1804–1809 годах было проведено пять рекрутских наборов. Всего было принято 403, 6 тыс. рекрутов. Из них 117,6 тыс. [25] были в возрасте от 25 до 40 лет (41,1%). К середине XIX века положение с приемом рекрутов более старших возрастов изменилось мало. С 1840 по 1855 год было произведено 19 наборов, во время которых было принято 1,5 млн рекрутов. Из них 423,5 тыс. [32] были в возрасте от 25 до 40 лет (38,5%). Учитывая двадцатипятилетний срок службы, невысокую продолжительность жизни народа в первой половине [32] XIX века и особые тяготы военной службы, поступление рекрутов старших возрастов практически обрекало их на смерть в армии[1].

Крайне тяжелые условия службы приводили к тому, что основная масса солдат старше 30 лет была не в состоянии служить в действующей армии и переводилась во вспомогательные части, войска внутренней стражи или инвалидные роты. Данные о рекрутских наборах показывают, что часть принятых рекрутов по своему возрасту изначально не могли пополнить действующие армии и направлялись в запасные и вспомогательные подразделения. Например, в 1815 году в Военное министерство шел поток рапортов командиров полков, которые с тревогой доносили, что поступали рекруты не только старших возрастов, но среди них было немало 50- и даже 60-летних. Большинство из них были приняты из имений помещиков по 85-му набору (конец 1813 года). В фондах Инспекторского департамента Военного министерства только по 5-му набору сохранились списки более чем на тысячу таких рекрутов [24]. Прием рекрутов старших возрастов создавал мнимую картину роста боевого потенциала армии. Такое численное увеличение войск лишь формально создавало большую армию. Практически же это приводило к наличию в армии большого числа рядовых, которые не могли быть использованы в серьезных боевых операциях. Другой стороной этого явления были дополнительные затраты на содержание войск, то есть бесполезное расходование военного бюджета на непроизводительные цели.

[1] По данным Рекрутского комитета, в середине XIX в. в России в среднем из 1029 тыс. умерших было только 167 тыс. в возрасте старше 50 лет (16,2,%); все остальные не доживали до этого возраста [32].

Комплектование армии на основе рекрутской повинности содержало целую систему мер, направленных на изменение человека. Из рекрутов старательно изгонялись принятые в народе индивидуальные качества, традиционные обычаи и нормы поведения. Еще в начале XIX века один из крупнейших деятелей военной администрации николаевской эпохи И.И. Дибич, рассуждая о качествах солдата, выделял два важнейших качества: в физическом отношении — «здоровье и крепкое сложение», в нравственном — «исполнение должного Богу» [6: с. 2, 129]. На практике это означало полное игнорирование индивидуальных качеств солдата. Более того, индивидуальные склонности и черты рекрутов, недостаточно закаленных в сложных жизненных ситуациях, изначально подрывались.

Прежде всего рекрутов стремились оторвать от привычных условий жизни. В официальных документах подчеркивалось, что солдат должен быть лишен «всех связей семейных и родственных». Только при этих условиях он может с «самоотвержием переносить все нужды, труды и опасности военные» [15]. Практически это достигалось путем перемещения рекрутов из одних губерний в другие, более удаленные от мест приема. Во всех наборах это соблюдалось неукоснительно. Например, незадолго до 82-го набора в Военном министерстве было составлено секретное предписание всех рекрут отправлять в «батальоны внутренних губерний, а именно: из Вильны — в Тверь, из Гродны — в Калугу, из Минска — в Москву…» [27]. Этот пример особенно показателен, так как весной 1812 года главная потребность в людях была в западных и юго-западных губерниях, где сосредоточивались основные силы русской армии. Каждый рекрутский набор сопровождался составлением сложных расписаний следования рекрутских партий. Каждая партия не превышала 50 человек. Нередко были партии по 10–15 человек. Путь партии от дома до места службы был не менее 700–750 верст, или 19–20 дней в дороге. Основная масса рекрутских партий проделывала путь в 1000–1400 верст, или 40–50 дней в дороге. Составлялось много встречных маршрутов. Отрыв от родных мест, тяжелые многодневные переходы, новая обстановка подрывали у рекрутов типичные крестьянские взгляды, вырабатывали отчужденность по отношению к гражданскому населению. Для многих рекрутов это сопровождалось глубоким душевным надломом. После вступления на службу рекруты, как правило, испытывали общую безысходность и равнодушие даже к собственной судьбе.

Подъему морального духа армии в первой половине XIX века большого значения не придавалось. Примеров действий военной администрации по общему воодушевлению войск очень немного. Поэтому особенно показателен случай, подробно описанный Мордвиновым. В конце XVIII века из однодворцев было сформировано десять мушкетерских полков по условиям 15-летней службы. Как отмечал Мордвинов, только лишь одно ощущение перспективы вернуться домой делало эти полки по боевым качествам много выше по сравнению с полками, сформированными по традиционной рекрутской системе. Он приводил такие факты: если в обычных полках «выводили во фронт не

более 500, тогда из однодворческих по 1200 и по 1300 человек; когда в тех находилось в больных до 400 человек, тогда в сих не свыше 70 человек, когда там бежавших в течении одного года счисляемо было по 100 и более человек, тогда здесь впродолжение 4 лет ни одного не было…» [17]. Приведенный пример показывает, насколько губительно сказывалось рекрутство на моральном и физическом состоянии армии.

Высокая численность войск, поддерживаемая за счет большой продолжительности службы, неустроенность солдатского быта, а также гнетущая атмосфера армии были главными причинами большой смертности солдат. По данным Военного министерства, за 1800–1809 годы умерло 221,8 тыс. солдат. Это намного превышало потери от боевых действий. В эти годы, во время больших войн, число убитых, взятых в плен и пропавших без вести составляло 101,1 тыс. человек [30]. К середине XIX века положение практически не изменилось. За четверть века, с 1826 по 1850 год, в армии умерло 1,1 млн человек, а погибло на полях сражений — чуть больше 30 тыс. [10: с. 328].

Только единицы солдат могли выслужить полный 25-летний срок. По данным Инспекторского департамента Военного министерства, на 1820 год из 826,1 тыс. солдат 25-летний срок выслуживало не более 3,5 тыс. в кавалерии это составляло соотношении 1 на 380 человек, в пехоте — 1 на 210 человек, в артиллерии — 1 на 564 чел. [23].

Постепенно смертность в армии сокращалась, но изменения происходили крайне медленно. По подсчетам слушателей Николаевской академии Генерального штаба, высокий уровень смертности сохранялся даже накануне Крымской войны [8: с. 363] (табл. 4).

Таблица 4

Уровень смертности накануне Крымской войны

Год	1841	1842	1843	1844	1845	1847	1850
Число умерших на 1 тыс. солдат	42,0	39,5	33,5	34,5	37,1	41,0	40,6

Подсчеты сделаны по годам, когда не было активных военных действий и армия не имела боевых потерь. Главная причина высокой смертности заключалась в системе рекрутской повинности. Как уже отмечалось, из-за продолжительной службы в армии было много солдат старших возрастов, среди которых смертность была особенно высока. Стабильно высокая численность войск создавала огромные бюджетные трудности. Средств на улучшение бытовых условий армии не хватало. Во время постоя питание солдат вообще не было организовано. Как отмечали военные историки, «при своей усиленной работе солдаты должны были вместе с жителями терпеть лишения в неблагоприятное для довольствия нашего крестьянина время, а именно весной» [2: л. 1]. Наибольшее число смертных случаев приходилось именно на весенний период.

Принудительный характер рекрутства создавал в армии гнетущую атмосферу. Особенно болезненно это переживалось вновь принятыми рекрутами. Было большое число самоубийств (табл. 5).

Таблица 5

Статистика трагических случаев в армии [9: с. 364]

Год	Скоропостижно умершие	Убийства	Самоубийства	Несчастные случаи	Гибель по неизвестным причинам	Всего
1841	1267	109	344	461	101	2282
1842	1231	141	263	274	131	2040
1843	1178	160	179	332	168	2017
1844	631	129	152	179	53	1144
1845	942	72	166	326	106	1612
1846	1308	57	185	463	174	2187
1847	1407	51	186	342	137	2123

Таблица 5 составлена по данным традиционных пунктов отчетов командиров частей. Приведенная статистика очень формальна, так как очень трудно понять разницу между самоубийством и несчастным случаем или скоропостижной смертью. Обычно случаи, обозначенные словом «удавился», записывались как самоубийства. Если солдат утонул или застрелился, то это фиксировалось как несчастный случай. Скоропостижная смерть, несчастные случаи, гибель по неизвестным причинам часто скрывают также самоубийства. С учетом этих пояснений становится ясно, что самоубийств было много и они характеризуют обстановку безысходности, в которой пребывали военнослужащие низших чинов.

Высокая смертность не только сокращала численность армии и требовала новых значительных пополнений за счет рекрутов. Она деморализовывала армию. По мнению офицеров той эпохи, «вероятность умереть на службе имеет последствием равнодушие при исполнении служебных обязанностей». Уровень смертности является важнейшим показателем качества армии. Оценивая с этих позиций русскую армию середины XIX века, приходится констатировать крайне медленное улучшение ее морального состояния и боевых качеств рядовых военнослужащих.

Непомерная тяжесть и непопулярность в народе рекрутской повинности порождали многочисленные случаи дезертирства рекрутов и солдат. В годы, когда наборы были значительными и рекрутская повинность была особенно непопулярной, дезертирство возрастало. Наиболее заметен этот процесс в начале XIX века (табл. 6).

Таблица 6

Дезертирство рекрутов [29]

Год	Принято рекрутов	Из них дезертировало	Число дезертиров на 1 тыс. рекрутов
1798	32 104	118	3,7
1799	45 564	212	4,6
1802	52 090	141	2,7
1803	55 512	231	4,1
1804	25 848	54	2,1
1805	105 659	1345	12,7
1806	149 260	3144	21,1
1807	200 374	3918	19,6
1808	48 009	1599	33,3
1809	83 696	1935	23,1
1810	36 645	1086	12,5

Ближе к середине XIX века дезертирство рекрутов сильно сократилось. За десятилетие, с 1840 по 1849 год, бежало менее 1 тыс. рекрутов [34: с. 224–228]. В этом свою роль сыграли жесткие карательные меры не только по отношению к беглым рекрутам, но и их родственникам, а также лицам, заподозренным в пособничестве им.

Дезертирство получило широкое распространение и непосредственно в армии. За четверть века, с 1826 по 1850 год, из армии дезертировало около 156 тыс. человек [11: с. 328][1]. Высокий уровень дезертирства в войсках предопределялся тоже рекрутской повинностью. В большинстве случаев бегство солдат было проявлением отчаяния, стремлением любой ценой вырваться практически из пожизненной военной службы. С точки зрения состояния войск дезертирство было показателем неблагополучного положения в русской армии.

Бегство солдат имело и другую сторону. Дезертиры не могли возвратиться домой. По действовавшему законодательству укрывательство беглых рекрутов и солдат жестоко каралось. Преследованиям за укрывательство подвергались даже помещики[2]. Вернуться к своим традиционным занятиям дезертиры не могли. Чаще всего они занимались бродяжничеством, перебивались случайными заработками, промышляли мелкими воровством и грабежами. Тем самым они увеличивали и без того большое число людей, не занятых произ-

---

[1] Сюда не входит число бежавших, которые были пойманы и возвращены на службу. По отдельным годам количество пойманных дезертиров почти равнялось числу не пойманных. Например, в 1850 г. официальное число бежавших было 3,6 тысячи. Кроме того, 3 тыс. бежали, но были пойманы, и поэтому они не входили в статистику бежавших [34: с. 140]. Следовательно, фактические масштабы дезертирства намного превышали официальные цифры.

[2] Согласно высочайше утвержденному мнению Государственного совета, 12 марта 1812 г. за укрывательство дезертиров помещики подвергались штрафу в 2 тыс. рублей [40].

водительным трудом, являлись одним из источников люмпен-пролетариата в России.

Для ведущих держав Европы период наполеоновских войн стал начальным рубежом в развитии массовых армий. В России этот процесс происходил в условиях господства старевшего, феодального в своей основе способа комплектования войск на основе рекрутской повинности. Неуклонное возрастание численности армии в первой половине XIX века оказывало отрицательное влияние на военный потенциал страны в целом. Армия в качественном отношении постепенно разрушалась, что особенно наглядно проявилось в годы Крымской войны.

В обстановке кризиса феодально-крепостнической системы расширение армии на феодальных основах серьезно сдерживало развитие производительных сил общества. Тем самым вызревание нового способа производства приобретало затяжной характер. Систематическое рекрутирование большой массы населения ломало социальную структуру феодального общества, являлось одной из важнейших причин сокращения крепостного населения. Разрушались основы патриархального уклада жизни народа. Вместе с тем, поглощая значительную часть потока социальной миграции, армия порождала большую прослойку населения, не занятого производительным трудом. В результате процесс вызревания новых социальных групп населения осложнялся и затягивался.

Литература

1. О невыгодах существующей в России военной системы… Л. 15.
2. Ведомость об ассигнованиях на расходы Военного министерства с 1808 по 1822 г., РГВИВ. Ф. ВУА. Д. 695.
3. Военно-статистический сборник. Вып. IV. Отд. II. С. 40.
4. Военно-статистический сборник. — СПб., 1871. Вып. IV.
5. *Гулевич А.* Война и народное хозяйство. — СПб., 1898.
6. *Дибич И.И.* Мысли о солдате в различных по званию его отношениях, рассматриваемых в воинском и нравственном виде. — СПб., 1802. Т. 1.
7. *Зайончковский А.М.* Восточная война. — СПб., 1908. Т. 1.
8. *Ильяшевич Л.* Статистическое исследование смертности в нашей армии // Военный сборник. — 1863.
9. Историческое обозрение военно-сухопутного управления с 1825 по 1850 г. // Сборник РИО, Т. 98.
10. Историческое обозрение военно-сухопутного управления с 1825 по 1850 г.
11. *Кабузон В.М.* Изменения в размещении населения России в XVIII — первой половине XIX в. — М., 1971.
12. *Кабузон В.М.* Народонаселение России в XVIII — первой половине XIX вв. — М., 1963.
13. *Канкрин Е.Ф.* Очерки политической экономии и финансии. — СПб., 1894.
14. Материалы общего собрания Государственного совета. 6 июля 1931 г. // РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7993. Л. 2.

15. Мнение адмирала Мордвинова о комплектовании армии и флота. 1811 г. // РГИА. Ф. 1167. Оп. XVI. Д. 29. Л. 3.
16. *Мордвинов Н.С.* Записки для памяти и соображения. // Архив графов Мордвиновых. — СПб., 1903. Т. IX.
17. О невыгодах существующей в России военной системы и средствах к устранению оных. 29 марта 1856 г. // РГВИА. Ф. I. Оп. I. Т. 46. Д. 1985. Л. 16.
18. О преобразовании системы рекрутского набора. Российская национальная библиотека // Отдел рукописей (РНБ ОР). Ф. Поступлений 1974 г. №37. Л. 6.
19. О существующих системах рекрутских наборов и возможности их применения в России // РНБОР им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Ф. 637. Д. 1117. Л. 40.
20. Отчеты о расходах Военного министерства за 1805 г. // РГВИА. Ф. I. Оп. I. Д. 948. Л. 2–4.
21. *Печерин Я.И.* Исторический обзор росписей государственных расходов и доходов с 1803 по 1843 г. — СПб., 1898. Т. I.
22. Рапорт дежурного генерала от 18 мая 1820 г. // РГВИА. Ф. BVA. Д. 682. Л. 45.
23. РГВИ. Ф. 395. Оп. 174. Д. 87, 97, 101.
24. РГВИА. Ф. 1164. Оп. XVI. 1810 г. Д. I. Л. 153.
25. РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 309. Л. 31. Там же: Ф. ВУА. Д. 690. Л. 2.
26. РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Т. 4. Д. 2497. Л. 5.
27. РГВИА. Ф. I. Оп. I. Т. 4. Д. 7993. Л. 2.
28. РГВИА. Ф. 395. Оп. 119. Д. 326. Л. 8.
29. РГИА. Ф. 1164. Оп. XVI. 1810 г. Д. 1. Л. 152.
30. *Редигер А.Ф.* Комплектование и устройство вооруженной силы. — СПб., 1982. Ч. 1.
31. РНБ ОР им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Ф. 637. Д. 150. Л. I.
32. *Сидоренко Г.* Рекрутская повинность. Значение в ряду систем формирования и комплектования войск и историческое развитие в России. — Киев, 1869.
33. Столетие военного министерства. — СПб., 1907. Т. IV. Ч. II. Кн. I. Отд. II.
34. РГВИА. Ф. 35. Оп. 5. Д. 2296.
35. РГВИА. Ф. 1. Д. 9084.
36. РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Т. 44. Д. 19.
37. РГВИА. Ф. 395. Оп. 27. Д. 217. Л. 224.
38. Русский инвалид. — 1862, №67.
39. ПСЗ. Т. 32. №25029.

О.Г. Фирсова

Соотношение традиций и новаций в хозяйственной деятельности крупных вотчинников XVIII — первой половины XIX века

Вопрос о соотношении традиций и новаций в хозяйственной деятельности крупных землевладельцев XVIII — первой половины XIX века является интересным и важным, потому что для менталитета русских людей характерно настороженное отношение к новшествам. Проблема традиций и новаций становится вдвойне актуальной в такое сложное и переломное время, каким для России явился XVIII век. Не случайно историки и публицисты делят дореволюционную историю России на допетровскую Русь и новую Российскую империю.

Реформы Петра I обострили проблему традиций и новаций, нарушили обычное для русского общества соотношение старых и новых черт в общественно-политической, экономической и культурной сфере.

Естественно, что общие тенденции эпохи отражались на хозяйственной деятельности и методах хозяйствования землевладельцев. В связи с этим нашей задачей будет проследить, в какой степени Петровские реформы оказали влияние на методы хозяйствования крупных помещиков и как в целом изменялось соотношение традиций и новаций на протяжении XVIII — первой половины XIX века.

Реформаторская деятельность Петра Великого в экономической области отразилась на ведении хозяйства, методах хозяйственной деятельности и хозяйственных взаимоотношениях в помещичьих имениях только в конце XVIII века. Это наглядно видно по помещичьим наказам и письмам.

В инструкциях конца XVIII века некоторые землевладельцы называют своих приказчиков «бурмистрами» на европейский манер. Обращает на себя внимание тот факт, что слово «бурмистр», которое ввел в словарный оборот еще Петр I, появляется в помещичьих наказах только к концу XVIII века, и то его употребляют лишь близкие к царскому двору вотчинники. Своих приказчиков в наказах именовали бурмистрами в XVIII веке И.И. Шувалов, фа-

ворит царицы Елизаветы Петровны, который продолжил свою активную политическую деятельность и в царствование Екатерины II, и граф В.Г. Орлов. Следовательно, можно сделать вывод о том, что реформы Петра Великого практически не нашли своего отражения в экономической деятельности и хозяйствовании землевладельцев XVIII века. Даже внешние проявления Петровских реформ, такие как переименование приказчиков в бурмистров, отразились в хозяйственной деятельности только близких к царскому двору людей.

И.И. Шувалов и В.Г. Орлов, называя своих приказчиков на европейский манер бурмистрами, по сути, не меняют их функций. Бурмистр занимался в вотчине теми же делами, что и обычный приказчик XVIII века. Вот что пишет И.И. Шувалов по поводу обязанностей бурмистра: «Разбирательство бурмистр между крестьянами должен делать со всевозможною справедливостью; без точных же и ясных доказательств, кого-либо сильно не отягощать» [6: с. 232]. Требования И.И. Шувалова к своему бурмистру полностью совпадают с требованиями, которые выдвигали помещики по отношению к своим приказчикам на протяжении всего XVIII века.

В наказах первой половины XIX века помещики стали называть бурмистрами приказчиков гораздо чаще, но их обязанности, положение и статус в вотчине от этого опять нисколько не изменились. Приведем пример. Мещерский в своей инструкции 1820 года пишет о должности бурмистра следующее: «Он (бурмистр) определяется, к сей должности, господином из крестьян… Вотчинный бурмистр… должен всеми делами, до вотчины касающимися править и распоряжаться, руководствуясь установленным порядком» [12: л. 8 об.].

Требования к личным качествам бурмистра тоже не изменяются. У. Карпович в своем наказе 1837 года пишет: «Новый бурмистр, выбранный в это звание, должен быть богобоязен, трудолюбив, расторопен, деятелен, предан своему господину, трезвой жизни, одним словом ему надлежит быть примером для всех прочих» [9: с. 9].

Сами приказчики тоже не ощущали себя по-европейски оттого, что их переименовали в бурмистров. Они продолжали считать себя русскими холопами своих господ. Об этом красноречиво свидетельствует письмо бурмистра своей барыне, относящееся к самому концу XVIII столетия, в котором он подписывается так: «нижайший раб ваш, сельца Глибень — бурмистр» [15: л. 1].

Влияние Петровских реформ, кроме переименования приказчика в бурмистра, проявилось еще в одной области хозяйственной жизни вотчин крупных землевладельцев XVIII века. Это забота помещиков о мерах пожарной безопасности. Вслед за Петром I, который издавал указы, направленные на предотвращение пожаров, об этом пишут вотчинники XVIII века.

П.А. Румянцев предлагает своим приказчикам для борьбы с пожарами в конце каждой деревенской улицы и в переулках держать бочки с водой, а также иметь всякие инструменты, чтобы можно было растащить горящий дом.

И.И. Шувалов, чтобы не распространялся огонь с одной крестьянской избы на другую, предлагает крестьянам строить дома на расстоянии друг от друга, делать прямые, широкие улицы: «так, чтобы со временем село дворами было друг от дружки в довольном расположении, с пространными переулками и широкою улицею» [6: с. 234]. Из наказа И.И. Шувалова видно, что он не просто хочет предотвратить распространение пожаров, но и заботится о красоте деревенских улиц. Во второй половине XVIII века стали модными не только сады с регулярной планировкой, но и регулярная застройка. Таким образом, вотчинники XVIII века пытались внести элемент европейской культуры в жизнь русской деревни.

Европейские новшества приживались крайне медленно на русской почве, сталкиваясь с традиционной русской культурой и глубоким почитанием старины и древних обычаев. Именно поэтому те новшества, которые ввел еще Петр Великий, вошли в повседневную жизнь только в конце XVIII столетия, и то только в вотчинах крупных землевладельцев, близких к царскому двору. Помещики помельче так и продолжали вести свое хозяйство по старинке, руководствуясь в своей деятельности древними обычаями и традициями.

Помещик Г.И. Шипов, так же как и И.И. Шувалов, в определенной степени заботился о красоте деревенских улиц. Он приказал крестьянам сразу вывозить навоз в поля, а не складывать его вместе с другим мусором возле изб. Г.И. Шипов пишет: «чтоб от сего их помету в улицах нынешнего безобразии не было» [5: с. 242].

Несмотря на то что вотчинники второй половины XVIII века заботились о красоте сельских улиц и хотели иметь регулярную застройку в своих деревнях, они не разрешали крестьянам строить новые дома без крайней необходимости, так как постройка нового дома требовала больших материальных затрат и могла разорить крестьянскую семью.

В.Г. Орлов в своем наказе 1796 года пишет: «Всем домам быть в одну линию» [7: с. 272], но при этом он запрещает крестьянам без необходимости строить новые дома. В.Г. Орлов разрешает строиться только тем крестьянам, у которых сгорели или пришли в ветхость их старые избы. Из наказа В.Г. Орлова видно, что вотчинники XVIII века желали ввести новшества в хозяйственную жизнь своих вотчин, но они не хотели расходовать на это денежные средства. В этом и заключалась еще одна причина того, что новации так медленно и сложно приживались на Руси.

Лучше всего новшества проникали в чисто экономическую жизнь вотчин. Помещики XVIII — первой половины XIX столетия с удовольствием заводили в своих деревнях новые породы скота, выписывали из заграницы новые сорта плодовых деревьев и кустарников, начинали применять на своих полях удобрения, использовали последние достижения в области сельскохозяйственной науки.

Граф А.Р. Воронцов писал в своем указе приказчику, чтобы тот купил для его садов новые сорта плодородных деревьев: «Персиков англицких, вишен

английцких, вишен французских, ананасов трех сортов, клубники англицкой» [10: л. 7].

Даже такие чисто практические, не касающиеся, казалось бы, нравственности и духовных ценностей новации с трудом приживались на русской почве. Об этом в своих мемуарах свидетельствует А.Т. Болотов, которого можно считать основоположником русской сельскохозяйственной науки. В своих воспоминаниях он пишет: «Не могу и поныне надивиться тому, как имел я столько духа, что мог пуститься на такое великое предприятие, то есть на уничтожение всего старинного конопляника и превращение его в большой и обширный регулярный сад, дело, которое в старину почтено было бы за великое законопреступление, а предприятие сие беспримерною героическою отвагою!» [2: с. 216]. Из рассуждений А.Т. Болотова видно, что даже в XVIII веке помещики с трудом решались на какие-либо изменения традиционного уклада своих вотчин и только самые смелые из них отваживались на такие поступки.

Соблюдение традиций и почитание старины, столь характерные для русского человека Средневековья, пусть не в полном объеме, но сохранили свое прежнее значение в XVIII и отчасти даже в первой половине XIX века. Недаром даже такой «передовой» человек своего времени, как А.Т. Болотов, с трудом решается на уничтожение старого конопляника и создание на его месте регулярного сада на европейский манер.

В своих воспоминаниях А.Т. Болотов обращает внимание на то, что его предки преклонялись перед стариной: «...от излишнего уважения и почтения к старине старики наши так мало и делывали дел» [2: с. 216]. Данная ситуация начинает потихоньку меняться только во второй половине XVIII века и затрагивает в основном только верхушку русского общества.

Подавляющие большинство мелких помещиков продолжают вести свое хозяйство по старинке. Этот факт также подтверждает А.Т. Болотов в своих мемуарах: «Не хотя вести домоводства своего так слепо и с таким небрежением, как ведут его многие, а желая основать оное колико можно порядочнее и лучше, завел я всему порядочные записи, переписал все замышляемые дела» [2: с. 241].

Таких помещиков, как А.Т. Болотов, было немного в XVIII веке, и в основном это были члены Вольного экономического общества, которые серьезно занимались улучшением, рационализацией и внедрением новшеств в сельское хозяйство. Они читали зарубежную литературу, посвященную проблемам сельского хозяйства, и сокрушались по поводу того, что в России сельскохозяйственная наука только зарождается и что еще нет русских сочинений на эту тему. Русские вотчинники отлично понимают, что зарубежные издания о сельском хозяйстве и экономии хотя и полезны, но не все, что они предлагают, можно использовать в России с ее особенностями хозяйствования, основанными на крепостном строе, и специфическими климатическими условиями.

Граф Р. Воронцов, член Вольного экономического общества, пишет о том, что «многие чужестранные издатели трудились в описании разных средств к

облегчению домостроительства, коих сочинения, хотя не вообще всем, однако некоторым образом и нам пользу приносят» [4: с. 1].

Далее он рассуждает о том, что русским помещикам в связи с отсутствием отечественных изданий, посвященных сельскому хозяйству, ничего не остается, как читать зарубежную литературу и перенимать у европейцев те идеи, которые могут прижиться на русской почве.

«Нам, Россиянам, яко недавно начавшим вникать с прилежностью в деревенское хозяйство, остается только, читая их экономические предания, подражать тем предписаниям, кои в наших странах удобно произвести можно» [4: с. 1–2], — пишет Р. Воронцов. Из его слов можно сделать вывод о том, что русские вотчинники XVIII века не слепо подрожали Западу, а принимали только те новшества, которые были полезны и выгодны для России и отечественного сельского хозяйства.

Многие члены Вольного экономического общества в проектах наказов пишут о том, что сочинения, посвященные ведению сельского хозяйства, должны быть в каждой вотчине и что помещики должны не только сами регулярно их читать, но и обеспечивать данной литературой своих приказчиков.

П.И. Рычков считал, что все помещики и их приказчики должны читать «Труды Вольного экономического общества» и применять на практике советы, которые там публикуются и относятся к рациональному ведению хозяйства.

А.Т. Болотов в мемуарах пишет о том, что только благодаря созданию Вольного экономического общества и появления его Трудов, которые он стал читать, у него возрос интерес к сельскохозяйственной науке и он стал заниматься этим серьезно.

«Труды Вольного экономического общества» регулярно приобретали и другие вотчинники XVIII века. Об этом мы можем судить по мемуарам крупного курского помещика И.П. Анненкова, в которых он пишет, на какие книги и сколько он потратил денег.

Анализируя список приобретенных И.П. Анненковым книг, можно сделать вывод о том, что в XVIII веке покупка религиозных книг постепенно уступает место покупке книг светского содержания. Приобретаются также книги научного содержания. И.П. Анненков в 60-х годах XVIII века купил «Вольфианскую экспериментальную физику», «Роленову древнюю историю», «Универсальную историю», сочинения Платона, Цицерона, Квинта, «Историю Сибирскую» и другие сочинения [1: с. 791, 797, 781, 742].

Землевладельцы XVIII века не только гораздо меньше времени уделяют чтению религиозной литературы, которую вытесняет светская, но и в отличие от своих отцов и дедов значительно реже упоминают о Боге в своих наказах и письмах.

Упоминания о Боге встречаются только в наказах первой четверти XVIII века. Помещики второй половины XVIII века уже не пугают своих крестьян и приказчиков нарушением христианских заповедей, преступлением против христианской веры и Страшным судом. В инструкциях они прописывают

конкретные наказания за определенные проступки, как для крестьян, так и для приказчиков. Упоминание о Страшном суде мы встречаем только в наказе А.А. Виниуса 1709 года.

Землевладельцы XVIII — первой половины XIX века подходят к делам более рационально. В своих наказах они не просто пугают приказчиков Страшным судом и Божьей карой в случае нечестного ведения дел, но и указывают на реальные наказания, которые последуют за провинность приказчика.

П.А. Румянцев в инструкции прописывает конкретное наказание управляющему за притеснение крестьян: «...без всякой пощады как не призначен до своего долгу, но жестоком наказании с последними людьми в доме сравнен будешь» [8: 1904 – 6 – с. 34]. Так же, как П.И. Румянцев, поступают и другие вотчинники. Таким образом, приказчик начинает чувствовать реальную ответственность за доверенную ему вотчину. В том, что приказчик несет личную ответственность за дела, происходящие в вотчине, проявляется рациональный подход помещиков XVIII — первой половины XIX века в области управлении своим хозяйством.

Некоторые вотчинники даже не считаются с церковными праздниками и заставляют самых ленивых крестьян работать и в эти дни. Вот что пишет по этому поводу Р. Воронцов: «...таких ленивцев употреблять в работу и в праздничные дни; ибо Бог требует от людей добродетели, правды и трудов, а не праздности» [4: с. 1–12]. Постепенно на протяжении XVIII века добродетель становится не отвлеченным понятием, связанным исключительно с нравственными качествами человека, а вполне ощутимым деятельным добром, которое проявляется в конкретных добрых делах и трудолюбии.

Деятельное добро, которое творили крупные землевладельцы XVIII века, в основном выражалось в приверженности к храмостроительству и украшению церквей. Например, курский помещик И.П. Анненков свои ежегодные записи в дневнике каждый раз начинает с того, сколько денег он пожертвовал церкви: «Подрядчику за церковное строение отдано денег 25 рублей» [1: с. 682]. И.П. Анненков успешно сочетает богоугодные дела с точным денежным расчетом, в чем и проявляется его стремление к рационализму.

Свой дневник И.П. Анненков начинает с 1745 года. Это год смерти его дедушки и начало самостоятельного хозяйствования самого И.П. Анненкова. Первая запись этого дневника как раз относится к смерти дедушки И.П. Анненкова, но внук пишет не столько о покойнике, сколько о деньгах, которые он оставил. «По кончине его (дедушки) осталось денег: монет 700 р., червонцев иностранных 31, российских 4, итого 35, по российской цене на 70 р.» [1: с. 677]

Для И.П. Анненкова вообще характерен рациональный подход к ведению хозяйства и в том числе к рациональной трате денег. Именно поэтому он никогда не забывает записать в своем дневнике, на какие нужды и сколько он потратил денег.

В первой половине XIX века резко увеличивается по сравнению с XVIII столетием количество сельскохозяйственной литературы. Появляются газеты

и журналы, посвященные сельскому хозяйству, по всей стране открываются новые земледельческие общества, также выпускавшие периодические издания. Но несмотря на это, к сельскохозяйственным новациям, описанным в научной литературе, большинство русских помещиков и их приказчики продолжают относиться скептически. Об этом в предисловии к печатному изданию своей инструкции метко написал У. Карпович: «Конечно, в нынешнее просвещенное время много издано полезных книг, по всем отраслям сельского хозяйства; но я в проезды по разным губерниям заметил, что в конторах имений нет вообще таких, чтением которых малознающие сельские начальники могли бы приобретать познания. Всякое нововведение, даже самое полезное, почти всегда встречает неодолимые препятствия со стороны сельских начальников» [9: с. 7–8]. Получается, что даже просвещенные и передовые помещики своего времени, пытаясь ввести новации в свою сельскохозяйственную деятельность, наталкивались на сильное сопротивление со стороны своих же сельских начальников, которые уже по одной своей принадлежности к крестьянскому сословию были более консервативны и нетерпимы к новшествам, чем их хозяева.

Новые черты проглядываются в просвещенческой деятельности землевладельцев XVIII — первой половины XIX века. Большинство помещиков этого времени в своих наказах пишут о необходимости обучения грамоте хотя бы части крестьян, которые будут участвовать в управлении вотчиной и работать в должностях бухгалтеров, писцов, старост и.т.п. В архиве Голицыных из усадьбы «Вяземы» даже сохранилась ведомость «Показаний учеников с означением, чему учились и чему теперь обучаются» [11], датированная 1798 годом. В своей инструкции П.А. Румянцев по поводу обучения крепостных писал: «...малолетних всякого звания дворовых обучать от шести лет читать и писать» [8: 1903 №12 – с. 18].

П.И. Рычков, в отличие от П.А. Румянцева, не просто говорит о том, что необходимо обучать дворовых людей и крестьян, но и объясняет, для чего это нужно. Он пишет, что: «малолетние крестьян наших дети, шатаясь по деревням от осьми лет и далее, привыкают только к праздности и лености» [13: с. 16]. Таким образом, чтобы крестьянские дети с малых лет привыкали к труду, их нужно обучать грамоте. Для этих целей П.И. Рычков рекомендует, чтобы приказчики или управляющие имели «в каждом селе и во всякой деревне по самой меньшей мере одного человека, знающего читать и писать» [13: с. 16]. Этот человек должен был выбрать от лучших крестьян детей мужского пола от 6 до 8 лет и обучать их грамоте и нужнейшим христианским молитвам. Только самых способных из учеников П.И. Рычков рекомендует обучать письму, таким образом он ограничивает количество крестьян, умеющих писать.

П.И. Рычков пишет: «...обучать письму, однако столько, чтоб в деревне сто душ имеющей писать умеющих крестьян более двух или трех человек не было; ибо примечается, что из таких людей научившиеся писать знание свое употребляют сочинением фальшивых паспортов и тому подобного» [13:

с. 16]. Таким образом, мы еще раз убеждаемся, что благие намерения помещиков XVIII — первой половины XIX века по отношению к своим крестьянам прежде всего сочетались с их личной выгодой. Даже такое, казалось, благородное дело, как просвещение крестьян, оборачивалось выгодой помещиков, которые обучали крестьян только для нужд своих вотчин, делая из грамотных крестьян выборных, старост, писцов, бухгалтеров и даже приказчиков. Получалось, что вотчина XVIII века обеспечивала себя не только всем необходимым для жизни, но и сама для себя подготавливала управленческий аппарат.

В.В. Селиванов в воспоминаниях делает очень интересные выводы по поводу обучения крепостных крестьян. Он пишет: «...всякий дворовый мальчик, которого готовили для домашнего письмоводства, живший постоянно в барском доме, в умственном и нравственном развитии шел в уровень с детьми своих господ. Как для того, так и для других учителями были если не старый домашний земский, то приходской дьячок» [14: с. 135]. Это утверждение В.В. Селиванова свидетельствует о том, что реформы Петра I оказали не столь существенное влияние на раскол русской культуры и разделение ее на дворянскую и крестьянскую. Безусловно, верхушка дворянского общества после реформ Петра серьезно изменила свой быт, но подавляющее большинство провинциальных дворян продолжали жить и хозяйствовать по допетровским меркам.

Даже такой «передовой» вотчинник своего времени, как Вольф, в проекте наказа пишет: «Но прежде обыкновенного времени не должно сеять, а надлежит ему (приказчику) о том спрашивать соседов, старост и пожилых крестьян, которые уже много лет оное изведали самим делом» [3: с. 9]. Таким образом, мы видим, что даже Вольф в решении многих хозяйственных вопросов полагается на опыт предков, древние обычаи, а не на сельскохозяйственную науку.

Другой член Вольного экономического общества П.И. Рычков тоже во многих вопросах руководствовался не научными знаниями, а древними традициями. Решая проблему лечения крестьян, П.И. Рычков предлагает использовать традиционные народные средства. Вот что он пишет по этому поводу: «...стараться, чтобы знать и у себя иметь таких стариков и старух, кои по долговременной своей практике в случающихся болезнях разными изведанными травами и деревенскими домашними способами действительно помогали» [13: с. 60]. Но у П.И. Рычкова к древним традициям примешивается и рационализм. Наряду с использованием народных лечебных средств он предлагает помещикам снабдить каждого своего приказчика «Домашним лечебником Г. Пекина».

Осуждение древних обычаев мы встречаем только в наказе П.А. Румянцева, который почему-то связывал грубость манер, насилие и драки с древними традициями. Вот что он пишет: «При рекрутских наборах по прежнему обычаю с насильством не поступать» [8: 1903. №12: с. 1–32; 1904. №6: с. 33–64].

Но в то же время П.А. Румянцев сам следует тем же древним обычаям, которые осуждает. Тех крестьян, которые не хотят в свою очередь идти в рекруты и сопротивляются этому, он приказывает сечь плетьми. В итоге П.А. Румянцев, пытаясь искоренить грубость и насилие в своих вотчинах, которые он связывает с древними обычаями, действует с помощью того же насилия и грубости.

Хозяйственная деятельность крупных землевладельцев XVIII — первой половины XIX века была построена на хрупком соотношении древних традиций и нововведений. С одной стороны, что следует из источников, хозяйствование вотчинников с течением времени приобретало все больше рациональных черт, но, с другой стороны, древние обычаи и традиции продолжали занимать важное место в ведении хозяйства. Во-первых, осталась неизменной сама система крепостного права, в рамках которой землевладелец должен был производить какие-то преобразования и улучшения своего хозяйства. Во-вторых, практически не изменились способы управления крестьянами, потому что изменить их не позволяла все та же система крепостного права.

Несмотря на введение в XVIII — первой половине XIX века многочисленных практических новшеств в области сельского хозяйства, таких как удобрение почвы, использование новых сельскохозяйственных орудий (литовской косы и грабель), покупка европейских сортов фруктовых деревьев, внедрение многопольной системы севооборота, выращивание новых пород скота, широкое распространение теплиц, парников и оранжерей, многие помещики, руководя сельскохозяйственными работами, продолжали полагаться на обычаи предков и древние традиции.

На протяжении исследуемого периода происходили сложные изменения в хозяйствовании землевладельцев. Эти изменения, в свою очередь, отражают перемены характерные для всего русского общества того времени.

Помещики XVIII — первой половины XIX века, являясь прежде всего людьми своего времени, отразили в своей конкретной хозяйственной деятельности и методах хозяйствования веяния эпохи. Идеалы, стереотипы, модели поведения, характерные для данного исторического периода, оказали непосредственное влияние на хозяйственные представления и методы хозяйствования крупных землевладельцев.

Литература

1. *Анненков И.П.* Журнал курского помещика Володимирского драгунского полка капитана Ивана Петрова сына Анненкова с 1745 года // Материалы по истории СССР. — М., 1957. Т. 5.
2. *Болотов А.Т.* Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. В 2 тт. — М.; Л. Т. 2.
3. *Вольф.* Наказ управителю или приказчику, как управлять деревнями в отсутствие помещика // Труды ВЭО. — 1769. Ч. XII.
4. *Воронцов Р.О.* О способах к исправлению сельского домостроительства // Труды ВЭО. — 1769. Ч. V.

5. *Довнарь-Запольский М.В.* Материалы для истории вотчинного управления в России. Инструкция Григория Ивановича Шипова приказчику села Любашевки // Университетские известия. — 1910. №11.
6. *Довнарь-Запольский М.В.* Материалы для истории вотчинного управления в России. Инструкция оберъ-камергера Ивана Ивановича Шувалова для управления вотчиною его селом Мыть с деревнями // Университетские известия. — 1909. №7.
7. *Довнарь-Запольский М.В.* Материалы для истории вотчинного управления в России. Уложение для Поречья, графа Владимира Григорьевича Орлова // Университетские известия. — 1910. №11.
8. *Довнарь-Запольский М.В.* Материалы для истории вотчинного управления в России. 1. Учреждение гр. П.А. Румянцева // Университетские известия. — 1903. №12; 1904. №6.
9. *Карпович У.* Хозяйственные опыты 30-летней практики, или Наставление для управления имениями. — СПб., 1837.
10. Отдел письменных источников Государственного Исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф. 60. Воронцовы. Оп. 1. Д. 196. Л. 7.
11. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 64. «Вяземы». Т. 1. Картон №37. Д. 24.
12. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1378. Мещерские. Оп. 1. Д. 739. Л. 8 об.
13. *Рычков П.И.* Наказ для деревенского управителя // Труды ВЭО. — 1770. Ч. XVI.
14. *Селиванов В.В.* Сочинения. Изданные под редакцией А.В. Селиванова. В 2 т. Т. 1.
15. Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ). Ф. 1469. А.Н. Исаева Оп. 1. Д. 4. Л. 1.

Т.В. Ершова

Экономическая деятельность Рябушинских в годы Первой мировой войны (1914–1917)

В работе поднимается такая актуальная проблема, как экономическая деятельность одной из предпринимательских династий — Рябушинских в годы Первой мировой войны.

В финансовом мире Москвы во время Первой мировой войны сложилось несколько типов предпринимательских династий, среди которых наиболее заметное место занимала семья Рябушинских. Накануне Первой мировой войны деловая практика клана Рябушинских привела к мысли, что банкирский дом нуждается в серьезной реорганизации. Он, несмотря на значительный рост финансовых операций, не подходил для этого. Потребностям в финансировании не отвечал находившийся под их контролем Харьковский земельный банк. Необходимо было создать акционерный коммерческий банк, чтобы привлечь русский капитал [18: с. 78]. Именно в это время финансовые средства Рябушинских стали перерастать из промышленного капитала в финансовый. Семья Рябушинских превратилась в финансовых деятелей всероссийского масштаба.

К лету 1914 года Московский банк Рябушинских по объему финансовых операций занимал третье место в Москве, уступая Купеческому и Соединенному банкам. В России банк находился на 12–13-м месте. В Петербурге было открыто отделение банка. Для филиала было приобретено за 1 млн рублей здание на Невском проспекте. Филиал Московского банка Рябушинских финансировал торгово-промышленные фирмы братьев Нобелей, Путиловский завод и др. [24].

Создав мощный финансовый центр — Московский банк, братья Рябушинские вступили в схватку за захват новых отраслей производства. Они развернули борьбу за монополизацию торговли льном. Из России вывозилось в Англию, Францию и Германию до 80% льняных волокон, причем главным образом нечесаный лен, а русские предприниматели на этом теряли многие миллионы рублей. Для того чтобы выиграть конкурентную борьбу у иностранных фирм, Рябушинские вступили в соглашение с С.Н. Третьяковым.

Клан Рябушинских, чтобы укрепить свое положение в торговле льном и в производстве льняных изделий, предпринял попытку скупить льноперерабатывающие фабрики. В 1913 году они приобрели Общество Гаврилов-Ямской мануфактуры А.А. Локалова, сделали попытку приобрести контрольные пакеты акций Нижегородской льняной мануфактуры и Товарищества Меленков-

ской льняной мануфактуры во Владимирской губернии. Однако приобрести эти предприятия не удалось [11: с. 172]. Лишь накануне Февральской революции 1917 года Рябушинские сумели купить одну из лучших льняных фабрик в России — Романовскую льняную мануфактуру [15: с. 618].

Расширение торговых операций со льном, создание РАЛО, стремление скупить многие льняные предприятия вызвали настороженность среди фабрикантов, производящих льняные изделия. Противодействие русских фабрикантов заставило Рябушинских установить торговые связи с иностранными фирмами. Главным посредником в отношениях с фабрикантами Англии и США стала фирма «Джон Престон» в Белфасте. Во Франции и Бельгии — «Леви, Фарино и К°» в Лилле [11: с. 172]. Торговые операции с французскими и английским партнерами принесли определенную выгоду. Уже в 1913 году РАЛО получило чистой прибыли в размере 420 тыс. рублей [15: с. 617]. В 1916 году прибыль РАЛО составила 2,1 млн рублей [15: с. 624].

Особое внимание клан Рябушинских уделял добывающей промышленности. Они обратили внимание на нефть, уголь, лес [15: с. 614] и т.д. М.П. Рябушинский в брошюре «Цель нашей работы» писал: «При всех наших делах и начинаниях мы никогда не рассчитывали на ближние результаты нашей работы. Только что окончив одно дело, мы немедленно брались за еще более крупное предприятие. Нашей главной целью была не нажива, а само дело, его развитие и результат, и мы никогда не поступились ни нашей честью, ни нашими принципами и на компромисс с нашей совестью не шли» [15: с. 633].

Следующим шагом в коммерческой деятельности Рябушинских стало приобретение лесопильных заводов и поставка леса на отечественные и зарубежные рынки. Россия была самой богатой страной в области запасов леса. На ее долю приходилось до 60% мирового вывоза леса. Потребность в лесе по окончании войны, считали Рябушинские, будет громадной. «По окончании войны, — писал М.П. Рябушинский, — намечается усиленный спрос на лес для восстановления построек. Свободным для экспорта, оборудованным, с громадными запасами леса остается Север — Архангельск, Кемь, Мезень и т.д. Мы решили туда пойти» [15: с. 625].

В годы Первой мировой войны клан Рябушинских приобрел на сумму 4834 тыс. рублей (из 5 млн рублей основного капитала) Товарищество беломорских лесопильных заводов «Н. Русанов и сын». Рябушинские стремились приобрести лесные массивы для вырубки леса в районе Котласа, чтобы вывозить за границу готовые к употреблению лесные материалы. Предполагалось перерабатывать опилки и стружки в целлюлозу и приобрести собственные морские пароходы, для того, чтобы развернуть борьбу с иностранными конкурентами. Рассчитывали вложить в лесное дело не менее 100 млн рублей [1: с. 123].

Опираясь на собственный банк, Рябушинские наметили в годы Первой мировой войны широкий план проникновения в различные отрасли горно-

добывающей промышленности, в нефтяную, угольную, минеральное сырье [15: с. 614]. Основное внимание они сосредоточили на том, чтобы «добиться доверия и, получивши его, утилизовать полученный капитал на создание здоровых предприятий» [15: с. 611]. Рябушинские заявляли, что они отвергают банковскую спекулятивную работу. С помощью собственного банка и газеты «Утро России» они начали кампанию против петербургских банков, которые выпускали ценные бумаги для биржевых дел, выбрасывали их на рынок и «уже более ценой этих бумаг не интересовались» [19]. Деятельность Рябушинских в финансовой и торговой политике ничем не отличалась от деятельности петербургских банков и их европейских коллег. Рябушинские, опережая свое время, использовали в своей деятельности новейшую форму финансового контроля — это холдинг-компания. В 1916 году М.П. Рябушинский отметил, что «при основании и покупке предприятий почти с первых же шагов встретилась настоятельная необходимость основания подручного при банке предприятия, которое могло бы прийти вновь создаваемым предприятиям на помощь и явиться общим их объединителем и руководителем» [15: с. 628–629]. Таким финансовым заведением стало учрежденное в 1915 году с капиталом в 1 млн рублей Средне-Российское торгово-промышленное акционерное общество (РОСТОР). Акции РОСТОРа принадлежали Московскому банку. РОСТОРу принадлежали акции РАЛО, фабрики Локалова, лесопильного завода Русанова [11: с. 174].

Вместе с Русско-Азиатским банком Московский банк Рябушинских стал финансировать железнодорожное строительство в России. Они стремились создать Национальный банк Монголии, отслеживали котировку цен совместных англо-русских кампаний, действовавших в нефтяной, горнорудной и других отраслях промышленности [23].

Рассчитывая на свои финансовые возможности, семья Рябушинских сделала попытку накануне и особенно во время Первой мировой войны установить контроль над петербургским «Русским для внешней торговли банком» (акционерный капитал 60 млн рублей) и Волжско-Камским банком, то есть создать супербанк из двух петербургских и одного московского банка с основным капиталом 120 млн рублей [1: с. 126].

В годы Первой мировой войны доходы семьи Рябушинских, опиравшихся на Московский банк, быстро росли. Во время войны Рябушинские усилили свое влияние в льняной и лесной промышленностях. В начале 1917 года ими было создано общество «Русский Север» для разработки месторождений торфа и производства писчебумажных материалов. М.П. Рябушинский по этому поводу писал: «Котлас соединен с Вяткой железной дорогой. От Вятки — с Россией. Три могучие реки обслуживают колоссальную неиспользованную площадь. С Архангельском связь через Северную Двину. Сухона снабдит нас мясом, часть для Котласа для писчебумажной фабрики, крупный лес пойдет в Архангельск по Северной Двине для распилки на наших заводах и экспорта...» [1: с. 123].

Во время войны Рябушинские собрали до 50 млн рублей, чтобы приступить к разработке ухтинского нефтеносного района, где хозяйничали англичане [8: с. 226]. В 1915 году они создали Московское военно-промышленное товарищество на паях 1915 года, совместно с А.И. Кузнецовым организовали Российское горнопромышленное товарищество, эксплуатировавшее свинцово-серебряные рудники в Карачаеве на Северном Кавказе [12: с. 66]. Московский банк приобрел паи на 2 млн. рублей у товарищества Нобеля в нефтяной промышленности [2: с. 11]. Наконец, в годы войны Московский банк осуществлял финансирование «Российского хлопкопромышленного товарищества», сделавшего попытку монополизировать всю торговлю хлопком [8: с. 212].

В годы войны Рябушинские уделили достаточно много внимания Московскому военно-промышленному товариществу на паях 1915 года, где, получив крупный заказ, стали производить снаряды для фронта [5: с. 88]. В начале 1916 года клан Рябушинских приступил к проникновению в машиностроительную промышленность.

В условиях Первой мировой войны обнаружилась технико-экономическая отсталость промышленности России, не способной обеспечить фронт снарядами, патронами, артиллерией, автомобилями, самолетами и другими видами вооружения и снаряжения. Особенно острой была проблема с транспортом. В армии не хватало автомобилей, необходимых для доставки боеприпасов на передовые позиции. В начале 1916 года Главное военно-техническое управление разработало план строительства ряда автозаводов [3: с. 147–169].

Еще в августе 1915 года был создан авиационно-автомобильный отдел при Центральном военно-промышленном комитете, который выступил с предложением создать отечественную автомобильную промышленность. В специальном докладе, направленном в Особое совещание по обороне государства, было предложено построить в России несколько государственных и частных автомобильных заводов [13]. Осенью 1915 года в Особое совещание по обороне была подана заявка от созданного «Товарищества Рябушинского и Кузнецова АМО» на строительство автомобильного завода в Москве [3: с. 150].

Особое совещание предложение не отвергло. Оно рассмотрело вопрос о ценах. Было решено, что автомобиль с запасными частями будет стоить: малый и большой — 18 тыс. рублей; 1,5-тонный и 3-тонный грузовой и санитарный — по 19 тыс. рублей. 29 января 1916 года Совет министров России постановил выдать военному министру кредит на строительство автозаводов более 140 млн рублей. 18 февраля 1916 года ГВТУ Военного министерства получило разрешение заключить контракт на строительство автомобильного завода с торговым домом «Кузнецов, Рябушинский и К°» в Москве [5: с. 72].

Получив информацию о решении Военного ведомства заключить контракт на строительство автомобильного завода в Москве, Рябушинские, Кузнецов, Строганов, Трегубов и другие предприниматели нашли необходимые средства. 27 февраля 1916 года торговый дом «Кузнецов, Рябушинский и К°» заключили первый договор на поставку Военному министерству 1500 авто-

мобилей (750 легковых и 750 грузовых трехтонных) с комплектом оборудования, по цене — легковые 11 тыс. 500 руб. за автомобиль и грузовые — 13 тыс. 500 руб. за автомобиль, всего на 27 млн рублей. Согласно контракту торговый дом обязывался поставить все автомобили в течение двух лет, а завод пустить в ход 7 октября 1916 года [22]. За основу выпускаемых машин был взят автомобиль марки «Фиат» [22].

Из отпущенных 27 млн рублей 5 млн предназначалось для строительства заводских зданий, примерно треть суммы предоставлялась на покупку оборудования за границей и треть суммы оставалась на непредвиденные расходы. Совладельцами фирмы являлись Сергей и Степан Рябушинские и А.И. Кузнецов. На основе Торгового дома они получили разрешение учредить компанию «Товарищество Московского автомобильного завода» [22].

Учредители Московского автомобильного завода преследовали далекоидущие задачи. В уставе товарищества, утвержденного императором 18 мая 1916 года, о цели учреждения говорилось: «Торговый дом Кузнецов, Рябушинский и К°» ставит перед собой задачу по изготовлению автомобилей, моторов, аэропланов, машин, механизмов и других изделий, равно для оборудования и эксплуатации такого рода предприятий и самих автомобилей, а также для разработки залежей полезных ископаемых» [25].

Учредители товарищества «Автомобильный Московский завод» купили на берегу Москвы-реки Тюфелеву рощу за 4 млн 2 тыс. рублей [26] и заказали оборудование в Англии на 1 млн 320 тыс. долларов и в европейских странах на 470 тыс. долларов [25]. Основной капитал товарищества определялся в 10 млн рублей [25], значительная часть которого оказалась в руках учредителей Торгового дома.

У итальянской фирмы «Фиат» был приобретен патент сроком на 10 лет на право изготовления трех типов шасси, легковых, полуторных и трехтонных автомобилей [25]. Так как заказ являлся срочным и очень важным для обороны, в правление был введен представитель Военного ведомства, заведующий автомобильными заводами Главного военно-технического управления (ГВТУ) генерал-майор Г.Г. Кривошеин. После введения в состав правления представителя ГВТУ фирма получила дополнительную казенную ссуду в размере 5,7 млн рублей [25].

Для успешного строительства завода, а затем его эксплуатации семья Рябушинских приступила к строительству рабочего поселка примерно на 2,5 тыс. человек. Согласно договору с ГВТУ был отпущен кредит в размере 10% от общей стоимости заказа, т.е. 2,7 млн рублей. Однако этих денег не хватило. Тогда Степан и Сергей Рябушинские профинансировали строительство поселка в размере 3 млн рублей из личных средств. Одновременно торговый дом заказал в Лондоне у фирмы «Де Джерси» аппаратуру для кузнечного и прессовочного цехов [3: с. 176].

На строительстве завода было занято более 2 тыс. рабочих [25]. К осени основные здания были построены. Правительственный чиновник, наблюдав-

ший за ходом строительства, доносил, что все здания площадью более 3 десятин построены чрезвычайно быстро, создан рабочий городок, затрачено за 6 месяцев 8 млн рублей [25]. Представитель ГВТУ генерал-майор Г.Г. Кривошеин доложил в сентябре 1916 года, что основные здания построены и можно устанавливать оборудование. Однако заказанные станки не поступили. Г.Г. Кривошеин писал, что товарищество до настоящего времени не может добиться разрешения от английского правительства разместить заказы на необходимое оборудование, не получено право на вывоз из Англии и Америки произведенного оборудования, не получена необходимая валюта для оплаты сделок. Администрация не виновата, что станки, машины, прессы, аппараты до настоящего времени не прибыли в Россию. Завод может быть «пущен в ход немедленно, так как правление обеспечило себя электрическим током от «Общества 1886 года» [25].

Только в феврале 1917 года началось поступление оборудования для завода АМО. В Архангельск поступило 298 тонн груза, во Владивосток 900 тонн и Новый Порт 443 тонны. Однако из-за кризиса железнодорожного транспорта груз не был полностью привезен в Москву. Большая часть оборудования оказалась в соседних государствах, значительная часть не была сдана в портах для погрузки в странах-изготовителях из-за отсутствия финансов у заказчиков [25]. Рябушинским не удалось запустить завод из-за расстройства народного хозяйства и двух революций в 1917 году в России. В марте 1918 года фабзавком автомобильного завода просил советское правительство национализировать предприятие. В августе АМО перешел в собственность РСФСР [25].

В годы Первой мировой войны представители семьи Рябушинских принимали активное участие в общественно-политической жизни страны. Особую роль играл П.П. Рябушинский. Его роль в деле мобилизации московской промышленности особенно проявилась весной и летом 1915 года.

Катастрофическое положение, сложившееся весной 1915 года в результате поражения русской армии, вызвало сильное недовольство в среде отечественной буржуазии. Военная промышленность оказалась неспособной обеспечить армию боеприпасами и снаряжением. Частная военная промышленность была не в состоянии обеспечить фронт патронами, гранатами, обмундированием и проч. [27: с. 17–23] Кризис снабжения действующей армии приобрел угрожающие размеры. К весне 1915 года в стране сложился всеобщий кризис военного производства [5: с. 41].

Первые попытки привлечь частную промышленность к делу обороны государства не удовлетворили московских предпринимателей. Созданные органы снабжения армии артиллерийскими снарядами, работающие под руководством военного министра В.А. Сухомлинова, опирались на петербургскую финансово-промышленную группу. Это означало, что московские и провинциальные предприниматели не могли не только распределять военные заказы, но и получать их в достаточном объеме. Московские предприниматели долж-

ны были найти способ давления на царя, чтобы подключиться к получению в неограниченном количестве военных заказов [5: с. 43].

24 мая 1915 года газета «Утро России», издающаяся на средства Рябушинских, выступила с предложением создать «правительство национальной обороны». Это программная статья, в которой были изложены взгляды московской буржуазии на идею мобилизации промышленности и рабочего класса. Газета писала: «Речь идет не о простом выполнении казенных заказов разрозненными заводами и фабриками, — эти заказы выполняются, а о мобилизации промышленных сил страны, о мобилизации соответствующих предприятий, которые дали бы возможность получить все необходимое для армии в кратчайшие сроки» [20]. Московские предприниматели предложили образовать центральный орган всероссийской промышленности, в распоряжение которого должны поступить списки всех предприятий, которые могут выполнять военные заказы, сведения о необходимых материалах для них и о количестве рабочих. Эта организация должна взять на себя следующие обязательства: 1) прием работ и распределение их по соответствующим предприятиям; 2) надзор за выполнением их и заботу о снабжении работающих предприятий материалами и техническими силами; 3) доставку на места вырабатываемых предметов [20].

Эта статья была опубликована в день открытия в Петрограде съезда представителей промышленности и торговли. Владельцы фабрик и заводов поставили на этом съезде вопрос перед царским правительством о мобилизации промышленности, о привлечении к делу обороны государства крупной российской буржуазии. С большой программной речью на съезде выступил П.П. Рябушинский, который приехал с фронта, где он был свидетелем разгрома русских армий. П.П. Рябушинский призвал предпринимателей взять дело мобилизации промышленности в свои руки, выступил с идеей создания военно-промышленных комитетов (ВПК). В поддержку П.П. Рябушинского высказались М.М. Федоров, Ю.И. Поплавский, председатель Государственной думы М.В. Родзянко [21]. Идея создания ВПК была одобрена съездом [17: с. 22].

2 июня 1915 года, вернувшись со съезда в Москву, П.П. Рябушинский выступил на собрании выборных Московского биржевого комитета. Он рассказал о положении на фронте, о постановлении торгово-промышленного съезда о создании военно-промышленных комитетов и призвал присутствующих активно выступить на защиту России. По предложению П.П. Рябушинского собрание решило организовать в Москве Московский областной военно-промышленный комитет (МВПК) [16: с. 262]. Оперативное решение о создании МВПК московской буржуазией привело к открытию в России местных военно-промышленных комитетов.

25 июня 1915 года в Москве состоялось торжественное открытие Московского областного военно-промышленного комитета [9: с. 114]. В его состав было избрано 50 человек от 29 общественных учреждений. Председателем

МВПК был избран П.П. Рябушинский, его заместителями А.И. Коновалов, М.В. Челноков и Г.Е. Львов. В состав Московского областного военно-промышленного комитета вошли видные представители московской буржуазии: Г.А. Крестовников — председатель Биржевого комитета, Кузнецов, Третьяков, Поплавский, Гужон, Бурмакин и др. [10: с. 37–42, 44]

По своей партийной принадлежности члены МВПК в основной массе принадлежали к партии прогрессистов. Членами партии были П.П. Рябушинский, Н.С. Третьяков и др. Создание ВПК было основной задачей экономической части Программы партии прогрессистов — привлечение к решению государственных вопросов широкой части российской буржуазии. Среди членов военно-промышленных комитетов были октябристы, кадеты, эсеры и меньшевики, т.е. членство в той или иной партии не было препятствием для работы в военно-промышленных комитетах, так как эти организации были чисто деловыми [17: с. 29].

Положение о военно-промышленных комитетах и их съездах было принято съездом представителей военно-промышленных комитетов как органов, способствующих содействию снабжения «армии и флота всеми необходимыми предметами снаряжения и довольствия». Согласно положению Центральный и местные военно-промышленные комитеты имели право «приобретать движимое и недвижимое имущество. Вступать во все договоры как с частными лицами, так и с казенными и общественными учреждениями, принимать на себя всякого рода обязательства, в частности поставки, подряды по заказам казны, организовывать по соглашению с Военным и Морским ведомствами приемку и сдачу нужных для армии и флота предметов, искать и отвечать на суде и т.д.» [14] Самым большим из военно-промышленных комитетов был Московский, в который входили представители 12 губерний Центральной России и Козловский уезд Симбирской губернии [14].

Осенью по инициативе П.П. Рябушинского в составе Московского областного военно-промышленного комитета была создана «рабочая группа», используя которую московская буржуазия хотела привлечь к своей работе трудящихся Москвы [7: с. 34–35].

В условиях Первой мировой войны деятельность МВПК приняла довольно большие размеры. Практически все заказы Главного интендантского управления на текстильные предприятия Центрального промышленного района России шли через Московский областной военно-промышленный комитет. Руководили распределением заказов председатели: хлопчатобумажного отдела П.П. Рябушинский, льняного — С.Н. Третьяков, шерстяного — Н.П. Каштанов. В отчете МВПК отмечалось: «...текстильная промышленность под руководством комитета развила быстро деятельность колоссальной мощности и с излишком покрыла все потребности Интендантского ведомства в тканях для нужд армии» [4: с. 11]. Так, только заказов на хлопчатобумажные ткани МВПК во второй половине 1916 года исполнил на 400 млн рублей [6: с. 175].

Таким образом, семья Рябушинских сумела использовать в своих интересах заказы Военного ведомства, заработав в условиях войны огромные капи-

талы. Клан Рябушинских сформировался в начале XX века в типичную финансовую олигархию, выросшую из отраслей текстильной промышленности. Создав в 1912 году Московский банк, опираясь на его средства, семья Рябушинских довольно успешно стала внедрятся в лесопильное дело, стекольную, автомобильную, нефтяную, угольную промышленности. К 1917 году сформировался концерн Рябушинских. И только Октябрьская революция 1917 года не дала им возможности развивать свою деятельность. М.П. Рябушинский в декабре 1916 года писал: «...я глубоко убежден, что Россия получит возможность широко развивать свои производительные силы и выйти на широкую дорогу национального расцвета и богатства» [15: с. 632]. После Октябрьской революции Рябушинские оказались в эмиграции.

Литература

1. *Ананьич Б.В.* Банкирские дома в России. 1860–1914. — Л., 1991.
2. Война и промышленность. 1916. — №4.
3. *Воронкова С.В.* Строительство автомобильных заводов в России в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.) //Исторические записки. — М., 1965. Т. 75.
4. Деятельность Московского Военно-промышленного комитета и его отделов. — М., 1916.
5. *Ершова Т.В.* Москва — фронту: производство военной продукции в годы Первой мировой войны. — М., 2004.
6. Известия Московского Военно-промышленного комитета. 1916. — №23–24.
7. *Касаров Г.Г.* Борьба пролетариата Москвы против «рабочей группы» Московского областного военно-промышленного комитета // Вестник Московского университета. Серия IX. История. — 1974. №3.
8. *Лаверычев В.Я.* Монополистический капитал в текстильной промышленности России. — М., 1961.
9. *Лаверычев В.Я.* По ту сторону баррикад. — М., 1967.
10. Личный состав военно-промышленных комитетов. Сведения, полученные Центральным военно-промышленным комитетом по 24 июня включительно. — М., 1915.
11. *Петров Ю.А.* Московская буржуазия в начале XX века: предпринимательство и политика. — М., 2002.
12. Производительные силы России. 1916. — №2.
13. РГВИА. Ф. 369. Оп. 1. Д. 54. Л. 53.
14. РГВИА. Ф. 369. Оп. 1. Д. 566. Л. 22, 22 об.
15. *Рябушинский М.П.* Цель нашей работы // Материалы по истории СССР. — М., 1959. Т. VI. Вып. IV.
16. *Селецкий В.Н.* Прогрессизм как политическая партия и идейное направление в русском либерализме. — М., 1996.
17. *Сергеева С.Л.* Военно-промышленные комитеты в годы Первой мировой войны. — М., 1996.
18. Торговое и промышленное дело Рябушинских. — М., 1912.
19. Утро России. — 1911. 17 октября.
20. Утро России. — 1915. 26 мая.

21. Утро России. — 1915. 30 мая.
22. ЦИАМ. Ф. 1082. Оп. 1. Д. 26. Л. 1а; Ф. 51. Оп. 1. Д. 66. Л. 9.
23. ЦИАМ. Ф. 253. Оп. 1. Д. 238. Л. 398.
24. ЦИАМ. Ф. 254. Оп. 1. Д. 41. Л. 7–8.
25. ЦИАМ. Ф. 861. Оп. 1. Д. 179. Л. 37, 37 об., 132.
26. ЦИАМ. Ф. 51. Оп. 1. Д. 66. Л. 9.
27. *Шацилло К.Ф.* Государство и монополии военной промышленности России (конец XIX в. – 1914 г.). — М., 1992.

А.В. Ушаков

Революция и интеллигенция

О трактовке термина «интеллигенция», о ее роли в годы революции; о различных подходах к определению проблемы интеллигенции и ее значении в жизни общества — суть данной статьи.

Интеллигенции посвящена обширная литература. Обстоятельный и глубокий анализ историографии интеллигенции проводит в своих трудах Е.И. Самарцева [38, 39]. В большинстве работ авторы пытаются дать определение термина «интеллигенция». К настоящему времени имеется уже более 300 таких дефиниций [39: с. 72]. Приводятся десятки критериев, раскрывающих это понятие. Но проблему еще нельзя считать закрытой.

Основную часть подходов к ней следует разделить на два вида: социально-классовый и морально-этический. Сторонники первого называют интеллигенцию социальным слоем, прослойкой и даже классом. Классовый подход был свойственен В.И. Ленину, А.В. Луначарскому, В.В. Воровскому, Н.И. Бухарину, Г.Е. Зиновьеву. В.И. Ленин писал, что «состав интеллигенции обрисовывается так же ясно, как и состав общества, занятого производством материальных ценностей» [23: Т. 1, с. 305]. Е. Лозинский считал, что интеллигенция «это класс привилегированный и эксплуататорский, питающийся внетрудовым доходом, неоплаченным трудом ручных рабочих» [26: с. 258]. В советские годы интеллигенцию называли прослойкой. В «Кратком философском словаре» 1952 года говорится: «Интеллигенция — общественная прослойка, состоящая из людей умственного труда…» [20: с. 153] Сторонники второй позиции (Р.В. Иванов-Разумник, Н.А. Милюков, Н.А. Бердяев и др.) акцентируют внимание на высоком умственном уровне развития интеллигенции и ее высоких моральных качествах. В наше время близких взглядов придерживаются В.О. Храмов [52: с. 59], В.Н. Шевченко [53], К.Г. Барбакова, В.А. Мансуров [3: с. 72] и др.

Мы склонны придерживаться точки зрения В.И. Ленина, который считал, что к интеллигенции следует относить «всех образованных людей, представителей свободных профессий вообще, представителей умственного труда… в отличие от представителей физического труда» [23: Т. 8, с.309]. Подобно-

го же мнения придерживаются Л.К. Ерман, С.А. Федюкин, В.Р. Лейкина-Свирская, В.Л. Соскин, А.Д. Степанский, М.Е. Главацкий, О.Н. Знаменский и другие крупные специалисты. К ленинскому определению следует лишь добавить, что люди, относимые к интеллигенции, умственным трудом должны заниматься профессионально. Кроме того, они должны окончить среднее или высшее учебное заведение, в отдельных случаях получить домашнее образование (Е.К. Брешко-Брешковская), изредка достигнуть его самообразованием (А.М. Горький).

Среди исследователей нет единого мнения о профессиональном составе интеллигенции. Нам представляется, что по роду занятий интеллигенцию можно разделить на следующие группы: 1) интеллигенция, занятая в промышленности, сельском хозяйстве и на транспорте (инженеры, техники, агрономы, бухгалтеры, управляющие и др.); 2) интеллигенция, работающая в области культуры и здравоохранения (учителя, медицинские работники, творческая интеллигенция); 3) интеллигенция, служащая в государственных учреждениях; 4) военная интеллигенция — начальствующий состав армии, флота и пограничной стражи; 5) духовенство; 6) учащиеся высших и старших классов средних учебных заведений.

Помимо профессионального состава интеллигенции историки отмечают и ее социально-классовое и политическое деление. Вслед за В.И. Лениным [23: Т. 1, с. 305, 441] они считают, что интеллигенция делилась на четыре группы, соответствующие классам российского общества: дворянско-помещечью, буржуазную, мелкобуржуазную и пролетарскую.

Остановимся на двух последних группах. К мелкобуржуазной интеллигенции В.И. Ленин и его сторонники относят основную массу работников умственного труда: учителей, врачей, фельдшеров, статистиков, артистов и др. В.И. Ленин считал, что по своему положению они приближались к зажиточным мелким хозяевам или находились на уровне беднейших мелких хозяев [23: Т. 3, с. 506]. Но жизненный уровень этой интеллигенции часто был ниже, чем у мелких хозяев, иногда и ниже, чем у рабочих (например, у народных учителей). Кроме того, относить ее к буржуазии, даже мелкой, неправильно: она не имела орудий и средств производства и не применяла наемный труд, (а продавала свой интеллектуальный). Взгляды ее также большей частью не были буржуазными. Думается, что эту интеллигенцию следует называть народной или демократической. Во-первых, она вышла из народа. Во-вторых, по условиям своего труда была очень близка к народным массам. В-третьих, как было сказано, условия ее жизни были такими же, как у последних.

Термин «пролетарская интеллигенция» ввел В.И. Ленин [23: Т. 4, с. 269, 316; Т. 6, с. 389; Т. 19, с. 411; Т. 20, с. 120; Т. 48, с. 172]. К ней он относил вожаков рабочего класса, участников социал-демократических организаций из рабочих. Такими людьми были широко известные И.В. Бабушкин, Ф.А. Афанасьев, М.И. Калинин, Г.И. Петровский, В.А. Шелгунов, В.П. Ногин, Н.Е. Вилонов, С.Я. Аллилуев, П.А. Заломов, А.С. Шаповалов, А.В. Шот-

ман, И.И. Ставский, М.А. Багаев и др. Но их было мало. И они не имели даже среднего образования, профессионально занимались не умственным, а физическим трудом и, следовательно, даже исходя из ленинского определения интеллигенции, к ней не принадлежали.

В нашей исторической литературе наблюдался слишком упрощенный прямолинейный подход к вопросу о социальном, профессиональном и политическом составе интеллигенции. Некоторые авторы политическую ориентацию интеллигенции обязательно ставили в зависимость от ее социальной принадлежности, материального положения, места в иерархической лестнице, квалификации, профессии и т.д. Такая схема неверна, так как сводит сложные явления к простым, игнорирует богатейшую гамму политических, профессиональных и других различий внутри интеллигенции. В жизни работников умственного труда все было сложнее. И это отмечали С.А. Федюкин, В.Л. Соскин [43: с. 5–8], П.А. Амелин [2]. С.А. Федюкину первому принадлежит мысль о том, что политический раздел в среде интеллигенции проходил не между различными социальными и профессиональными группами, а внутри их [50: с. 57].

На политическую позицию интеллигента влияла вся сложность российской действительности (в экономической, социально-политической, культурной, национальной и других областях жизни). Политическая ориентация интеллигента определялась также особенностями судеб каждого индивидуума, многообразием условий формирования его взглядов, различиями в объеме и характере социального опыта, индивидуальной неповторимости структуры сознания отдельных людей.

Нередко сама сущность высокообразованных мыслящих людей, их стремление к познанию действительности, к истине, а также демократические традиции русской интеллигенции приводили представителей привилегированных классов в демократический лагерь. Это было отмечено еще А.В. Луначарским. Он писал: «Внутренняя сущность интеллигента как врача, как инженера, как художника, как ученого требует от него, чтобы он честно ставил проблемы в интересах всего человечества на земле» [27: с. 45]. Примеров этому можно привести много. Граф Л.Н. Толстой ненавидел самодержавие и неустанно разоблачал его. Крупный фабрикант С.Т. Морозов оказывал большую материальную помощь революционным организациям. Владелец фабрики, студент, близкий к социал-демократам Н.П. Шмит был замучен во время первой российской революции в Бутырской тюрьме. Жена хозяина фабрики И.Ф. Арманд была крупным деятелем международного рабочего движения, соратницей В.И. Ленина. Генерал барон фон Таубе командовал советскими войсками в Сибири и был убит белыми. Офицера-революционера А.А. Костюшко-Валюжанича в 1906 году расстреляли каратели во время подавления вооруженного восстания в Сибири. Дворянами по происхождению были В.И. Ленин, М.С. Ольминский, Ф.Э. Дзержинский, М.И. Мещеряков, Г.В. Чичерин, Э.Э. Эссен и многие другие деятели партии большевиков.

С другой стороны, известны случаи, когда люди, вышедшие из неимущих слоев населения, являлись верными защитниками самодержавия и реакции. Рабочие Афанасьев и Слепов стояли во главе зубатовских обществ в Москве. Организаторами и руководителями «желтых» полицейских монархических организаций были рабочие М.А. Ушаков и В.И. Смесов. Член ЦК РСДРП и руководитель большевистской фракции в IV Государственной думе рабочий Р.В. Малиновский был агентом охранного отделения, провокатором.

Говоря о наличии среди российской интеллигенции различных политических групп, следует отметить, что происходило постоянное увеличение численности и доли неимущей демократической интеллигенции: детей крестьян, мещан, рабочих, служащих, народных учителей, сельского духовенства и др. Это объясняется тем, что с развитием капиталистического хозяйства и ростом потребностей страны в образованных людях эти нужды удовлетворялись главным образом за счет выходцев из среды непривилегированных слоев населения. Этот процесс подтверждается анализом социального состава учащихся высших учебных заведений, которые после ряда лет учебы становились учителями, врачами, агрономами, инженерами, техниками, артистами, чиновниками, журналистами, художниками и т.д.

Происходила демократизация студенчества. В Петербургском университете в 1900 году детей дворян, чиновников и духовенства было 72,6%, а в 1916-м — 46,6%; детей крестьян соответственно — 3% и 13,7% [22: с. 14]. Только с 1900 по 1904 год доля мещан среди студентов Московского университета увеличилась с 20,7 до 23,4%, а ремесленников и крестьян — с 4,9 до 5,6% [5: с. 126]. В Томском технологическом институте 60% студентов были детьми мещан, крестьян, казаков и духовенства [30: с. 21]. Следует также учитывать, что само по себе наличие дворянского звания не свидетельствовало о зажиточности студента, интеллигента. Значительная часть дворян к тому времени была разорена и деклассирована [21: с. 125]. Мелкие чиновники, гоголевские Акакии Акакьевичи, влачили жалкое существование. Сельское духовенство было плохо обеспечено. Жизненный уровень многих офицеров оставался невысоким. Все они не могли оказывать достаточную материальную помощь своим сыновьям-студентам. Еще в 1892 году студенческая перепись установила, что в Московском университете 70% студентов были остро нуждающимися [44: с. 16]. Следовательно, ошибаются те исследователи, которые считают, что в период трех революций «по своему происхождению интеллигенты в абсолютном большинстве были выходцами из господствующих классов» [12: с. 25].

Увеличение численности и доля работников умственного труда, вышедших из непривилегированных сословий, имело очень большое значение для развития революционного движения, так как демократическая интеллигенция играла в нем важнейшую роль.

Жизненный уровень основной массы интеллигенции был крайне низок. А.В. Луначарский писал, что среди интеллигенции «наблюдается повальное

голодание и существование, приближающееся к существованию люмпен-пролетариата» [39: с. 140]. В журнале «Театр и искусство» за 1917 год говорилось: «90% пишущей братии получают меньше наборщика, врач — меньше водопроводчика, судья — меньше пильщика» [46: с. 435]. В.И. Ленин писал о народных учителях: «Им платят жалкие гроши. Народные учителя голодают и мерзнут в нетопленых и нежилых избах. Народные учителя живут вместе со скотом, который крестьяне берут зимой в избу. Народных учителей травит любой урядник, любой деревенский черносотенец или добровольный охранник и сыщик, не говоря уже о придирках и преследованиях со стороны начальства» [23: Т. 23, с. 129]. Одна из статей В.И. Ленина носит название «Нищета народных учителей» [23: Т. 24, с. 195–197]. А.П. Чехов называл сельского учителя одним из несчастнейших людей в России [14: с. 647]. О бедственном положении учителей рассказал А.С. Серафимович в рассказе «Народный учитель» [41: Т. 8, с. 8]. В 1901 году газеты писали о печальной участи 18-летней учительницы одной из сельских школ Новгородской губернии А.М. Еремеевой, которая получала 7 руб. 50 коп. в месяц и скончалась от голода. Один из делегатов учительского съезда в 1902 году говорил: «Ее смерть выяснила, что таких голодающих еще 11 000» [40, 56, 13].

Условия труда, жизни и материальная обеспеченность большинства врачей были неудовлетворительными. В журнале «Русский врач» в 1902 году писалось о земском враче: «Врач — наемник, с которым в некоторых земствах совсем не церемонятся. Поводы для увольнения врача бывают часто самые ничтожные, а иногда и прямо возмутительные» [36: с. 142–143]. Жалованье городского врача составляло 100–200 руб. в год. Многие врачи могли длительное время работать, совсем не получая заработной платы. В.В. Вересаев в книге «Записки врача» рассказывал: «В каждой больнице работают даром десятки врачей; те из них, которые хотят получать нищенское содержание штатного ординатора, должны дожидаться этого до пяти, десяти лет… Учреждения, особенно город, широко пользуются таким положением вещей и эксплуатируют врачей в невероятных размерах» [7: с. 79].

Тяжелым было положение актеров. Делегаты II Всероссийского съезда сценических деятелей, состоявшегося в 1901 году, говорили, что жалованье выходного актера в провинции равнялось заработной плате дворника [37].

Актеры страдали не только от нужды, но и от произвола властей и антрепренеров. Полиция по любому поводу могла выслать артиста из города. Полицейские учреждения отбирали и держали у себя в течение целого сезона паспорта актеров [48: с. 126]. В 1886 году Департамент полиции издал циркуляр, в котором говорилось, что «антрепренеры частных театров, собрав труппы актеров, весьма часто оказывались совершенно несостоятельными уплачивать жалованье, и актеры, прибывшие в какой-либо город из более или менее отдаленных местностей, не имеют возможности не только возвратиться в прежние места жительства, но впадают в нищету…» Однако циркуляр не помог. В одном из решений Совета «Российского театрального общества» в 1901 году

говорилось, что антрепренеры продолжали бросать труппы «в крайне бедственном положении». Кроме того, они обсчитывали артистов [35]. Тяжелое положение демократической интеллигенции было существенной причиной ее революционной активности.

Интеллигенция играла важнейшую, а в XIX веке основную роль в освободительном движении. Декабристы, А.И. Герцен, петрашевцы, революционные демократы 1860-х годов, народники были интеллигентами. А.И. Куприн писал: «Вспомните декабристов, петрашевцев, народовольцев, переберите в уме весь кровавый синодик наших современников, борцов, сознательно погибших почти на наших глазах за святое и сладкое слово — свобода. Посмотрите, весь цвет и свет России, целые ряды ее молодых поколений, ее лучшие умы и чистейшие души прошли сквозь тяжкое горнило каторги, ссылки, жандармских застенков, одиночек — прошли и вышли оттуда, сохраняя твердую веру в человечество и горячую любовь к человеку…» [19: с. 249]

Декабристы были высокообразованными людьми. Московский университет из них окончили 37 человек, в том числе В. Раевский, П. Каховский, Н. Муравьев, С. Трубецкой, И. Якушкин и др. Конституционные проекты Н. Муравьева и П. Пестеля свидетельствуют об огромных теоретических знаниях их авторов. Не случайно А.С. Пушкин характеризовал П.И. Пестеля как человека умного «во всем смысле этого слова», одного «из самых оригинальных умов, которых я знаю».

Не менее образованными людьми были революционеры второй половины XIX века — Н.Г. Чернышевский, Н.А. Добролюбов, М.Л. Шелгунов, М.Л. Михайлов, А.А. Слепов, Н.А. Серно-Соловьевич, М.А. Бакунин, П.Н. Ткачев, А.И. Желябов, Н.И. Кибальчич, С.М. Кравчинский, М.Л. Натансон и многие другие. Среди них — крупные ученые П.Л. Лавров, Н.А. Морозов, П.А. Кропоткин.

Были ли интеллигентами революционеры конца XIX — начала XX века, прежде всего социал-демократы и социалисты-революционеры?

Многие авторы на этот вопрос отвечали утвердительно. Это были меньшевики П.Б. Аксельрод, Ю.О. Мартов, Г.В. Плеханов, А.Н. Потресов [1: с. 69–70; 29: с. 20, 21, 27; 32: Т. 13, с. 306; 34: с. 278–282], а также Л.Д. Троцкий и Р. Люксембург [47: с. 7, 15, 16, 22, 37–38; 28]. Такой же позиции придерживался большевик В.И. Невский [31: Т. 1]. Этой точки зрения придерживаются и зарубежные историки, например англичанин Д. Кип [16: с. 47].

Советские историки стали их упорно опровергать. Они считали, что Российская социал-демократическая рабочая партия и по составу должна быть рабочей. А меньшевикам, Троцкому и прочим, хотя они и были современниками и участниками тех событий, верить нельзя: они из враждебного большевикам лагеря. Значит, требовалось доказать обратное. И работ с подобными опровержениями появилось множество. Чтобы было убедительнее, стали считать, сколько было интеллигентов и сколько рабочих в РСДРП. Подсчеты показали, что рабочих было намного больше. Так, по данным М.С. Волина,

одного из редакторов «Истории КПСС», во время первой российской революции рабочих в партии было 64%, а интеллигентов всего 32% [8: с. 175]. Подобные же данные приводятся в книге В.В. Ложкина [24: с. 134]. М.С. Волин не раскрывает методику своих подсчетов, а В.В. Ложкин рассказывал о своей статистической работе [25]. Как уже отмечалось, в печати [9: с. 41–42; 10: с. 181–182; 11: с. 55], исследователь пользовался ограниченными данными — материалами библиографического словаря «Деятели революционного движения в России», содержащего биографии людей, фамилии которых начинаются от А до М., и составленного по непроверенным личным воспоминаниям и автобиографиям (а в советские годы все, кто мог, если нельзя было проверить, причисляли себя к членам большевистской партии, и по возможности с более ранних лет). Это позволяло зачислять в состав РСДРП всех участников рабочих кружков.

Кроме того, нельзя забывать, что не рабочие, а интеллигенты занимали ведущее положение в партии, в ее комитетах и других руководящих центрах. Анкета о личном составе VI съезда РСДРП(б) показывает, что из 171 опрошенного делегата съезда 94 (55,2%) были с высшим и средним образованием [55: с. 295]. Из 53 членов ЦК РСДРП (1898–1910) 44 (83%) были работниками умственного труда; из 63 членов большевистского ЦК РСДРП (1903–1918) интеллигентов насчитывалось 44 чел. (63%); в меньшевистском ОК и ЦК РСДРП (1912–1918) из 67 чел. интеллигентов было 39 (58,20%); в ЦК партии социалистов-революционеров, насчитывавшем 74 чел., интеллигентов было 62 (83,78%) [33: с. 768–779]. Такая же картина наблюдалась и на местах. В Центральную организационную группу петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» входили интеллигенты В.И. Ленин, С.И. Радченко, Н.К. Крупская, З.П. Невзорова, С.П. Невзорова, А.А. Якубова, А.А. Ванеев, П.К. Запорожец, Н.А. Сильвин и др. Руководителями «Московского рабочего союза» были интеллигенты А.Н. Винокуров, М.Н. Лядов, Е.И. Спонти, С.И. Мицкевич, А.И. Ульянова-Елизарова. П.Г. Смидович, Н.А. Семашко. А.Н. Орлов, М.Ф. Владимирский. В Костромском комитете «Северного рабочего союза» было шесть интеллигентов и двое рабочих; Владимирская социал-демократическая организация (комитет не был создан) целиком состояла из интеллигентов; в Донской комитет РСДРП входили пять интеллигентов и двое рабочих. Следовательно, под руководством интеллигентов велась пропагандистская, агитационная и организационная работа, готовились массы к революционным переворотам и осуществлялись революции.

В конце XIX — начале XX века вплоть до 1917 года интеллигенция оставалась одной из самых активных участников революционного движения. Демократическая интеллигенция приняла активное участие в первой российской революции.

9 января 1905 года на баррикадах Васильевского острова сражались медицинские работники, инженеры и техники. Смертельно раненная фельдше-

рица М.Л. Бердичева, умирая, сказала: «Я ни минуты не раскаиваюсь, что пошла на баррикады». Жертвам Кровавого воскресенья оказывалась помощь в старейшей Обуховской больнице, которую возглавлял талантливый ученик С.П. Боткина — А.А. Нечаев. По его инициативе работники больницы организовали санитарные отряды и направили их за Нарвскую заставу. Раненым помогали главный врач больницы Путиловского завода К.С. Лозинский и его сотрудники.

Во время Всероссийской Октябрьской политической стачки на борьбу с самодержавием поднялась большая часть демократической интеллигенции. Прекратили занятия учителя Петербурга, Москвы, Иркутска, Ташкента и многих других городов. С речами против царя выступали учителя на массовых митингах и собраниях (в Самаре, Горловке и других местах) [17: с. 168]. К забастовке примкнули фармацевты Москвы, Петербурга, Самары, Саратова, Батуми, Варшавы, Тифлиса, персонал тамбовской, самарской психиатрической и московской Ново-Екатерининской больниц [42: с. 35–37].

К всеобщей стачке присоединялись артисты Московского художественного театра. На собрании 14 октября они приняли решение о том, что в настоящее время «никакие увеселения терпимы быть не могут». В тот же день театр прекратил работу. В связи с ожидавшимися боями в фойе был создан лазарет, в котором дежурил актер Румянцев, врач по образованию, и другие артисты. Прекратились представления в театре Корша и других московских театрах. Забастовали артисты Александринского и Мариинского театров в Петербурге [17: с. 157–158].

В начале сентября на нелегальном съезде представителей студенческих организаций 23 высших учебных заведений было принято решение открыть аудитории вузов для проведения народных митингов. В октябрьские дни митинги в университетах и институтах привлекли тысячи рабочих, интеллигентов, служащих и студентов. В митинге в Петербургском университете 5 октября приняли участие 12 тыс. человек, в том числе 7 тыс. рабочих, а 11 октября — 10 тыс. чел. По подсчетам П.С. Гусятникова, только за период с 1 по 15 октября в петербургских высших учебных заведениях прошло 22 митинга [15: с. 171–172].

Во время Декабрьского вооруженного восстания интеллигенция мужественно сражалась на баррикадах. В Москве начальником боевой дружины был врач Г.А. Николаев. На баррикадах дрались врачи П.Г. Дауге. М.С. Кедров, В.А. Обух, акушерка П.И. Винокурова. Дружина московских фармацевтов численностью в 150 человек обороняла баррикады в Каретном ряду. В санитарных отрядах восставших в Москве насчитывалось около 100 врачей и несколько сотен человек среднего медицинского персонала. В Горловке командовал отрядом дружинников учитель А.С. Грачев. В Донбассе во время сражения с карателями погибли учителя П. Дейнега и Л. Доброва. В баррикадных боях участвовали учителя Е. Колобова в Ростове-на-Дону, В.Д. Сокольский, С.А. Бодинский и Е.Н. Жуков в Новороссийске, Одинцов в Сочи

и др. [17: с. 253] Во многих городах, так же как и в Москве, были созданы санитарные дружины (в Петербурге, Нижнем Новгороде, Сормове. Ростове-на-Дону, Твери, Уфе, Екатеринбурге, Калуге, Николаеве, Харькове, Горловке) [42: с. 38–42].

Активными участниками восстания были представители творческой интеллигенции. Членом боевой дружины в Москве был художник С.В. Иванов. На баррикадах видели скульптора А.С. Голубкину. Скульптор С.Т. Коненков командовал боевой дружиной на Арбате.

В борьбу с царскими войсками включились многие учащиеся высших и средних учебных заведений. В Москве сражались студенческие дружины — Университетская, Кавказская, Инженерного училища, консерватории, Высшего технического училища, Сельскохозяйственной академии, Лазаревского института [15: с. 184–190]. Студент Московского университета Н.П. Шмит, получив в наследство фабрику на Пресне, десятки тысяч рублей отдал на покупку оружия. На его деньги была вооружена одна из лучших боевых дружин Москвы — дружина принадлежавшей ему фабрики. В подготовке восстания приняла участие и его сестра Е.П. Шмит — курсистка Московских высших женских курсов. Она передала на производство бомб 5 тыс. рублей [17: с. 184–190]. Средства на вооружение собирали учащиеся средних учебных заведений Калуги, Нижнего Новгорода, Твери. Учащиеся строили баррикады, доставляли дружинникам оружие и боеприпасы, работали в качестве санитаров, разведчиков и курьеров. В Москве на баррикадах сражались воспитанники школ фабрики Прохорова и Серебрякова, Строгановского и Комисаровского училищ, училища живописи, ваяния и зодчества. Учащиеся Промышленного и Комисаровского училищ, захватив учебные заведения, организовали в них перевязочные пункты [49: с. 100].

Об антицаристских настроениях демократической интеллигенции свидетельствует издание ею во время революции 1905–1907 годов сатирических журналов. В Петербурге вышло 178 таких журналов, в Москве — 43, в других городах (Одессе, Киеве, Ярославле, Саратове, Полтаве, Владимире, Тифлисе, Харькове и т.д.) — 88. Они носили самые разнообразные названия: «Зритель», «Пулемет», «Сигнал», «Жупел», «Адская почта», «Стрела», «Светает», «Спрут» и др. Во всех этих изданиях зло и метко высмеивались царское правительство, его министры, черносотенцы.

За революционную деятельность интеллигенты подвергались жестоким репрессиям. К 1907 году от властей пострадали свыше 23 тыс. учителей. Особенно зверствовали каратели в Прибалтийском крае. За преподавание на латышском языке были убиты учителя К.К. Граудин и Р. Озел. Учителей убивали в Виндавском уезде, Кубанской области, Одессе и других местах. Только за 1906 год были подвергнуты репрессиям 1154 медицинских работника. В Тифлисе черносотенец застрелил врача Н.А. Худакова в то время, когда тот шел к больному. В Екатеринославле черносотенцы убили во время приема больных врача А.Л. Караваева [49: с. 60, 74].

Большую роль сыграла интеллигенция в подготовке и проведении Февральской революции. А.В. Луначарский писал, что интеллигенция воспринимала Февральскую революцию «как свою» [27: с. 108]. Левые политические партии, состоявшие, как отмечалось выше, в основном из работников умственного труда, вели значительную пропагандистско-агитационную и организационную работу, способствовавшую подведению масс к революции. Участниками ее только в Петрограде были 10,5 тыс. студентов, т.е. около 30% столичного студенчества [54: с. 103–104]. Начиная с 23 февраля они включились в общий поток революционного движения. Студенты участвовали в митингах, демонстрациях, вооруженных столкновениях с полицией, оказывали медицинскую помощь раненым, раздавали революционную литературу и т.д. В дни восстания погибли 6 петроградских студентов и 19 были ранены. Студенты проявляли большое мужество. Широкую известность получил поступок погибшего 22-летнего студента В.И. Хлебникова, который заслонил от пуль сестру милосердия Е. Шупп [19: с. 78].

В Москве в первый же день революции, 28 февраля, всеобщая забастовка и грандиозная демонстрация рабочих были поддержаны массой студенчества. В этот и в последующие дни в высших учебных заведениях состоялись митинги рабочих, студентов и других работников умственного труда. Студенты приняли участие в освобождении политических заключенных из Бутырской и Таганской тюрем и повели энергичную агитацию среди солдат [45: с. 127]. Забастовали и вышли на демонстрацию студенты Киева, Харькова, Казани и других университетских центров [6: Т. 1, с. 19, 33].

Большую работу развернула интеллигенция по созданию питательных пунктов. Питательные пункты и временные столовые со складами продовольствия были созданы в высших учебных заведениях. В Петрограде студенты университета создали питательные пункты также на Васильевском острове и Петроградской стороне. Всего, по неполным данным, студенты и другие представители интеллигенции столицы организовали 230 пунктов [19: с. 79–80].

Интеллигенция приняла участие в охране порядка в городе, в борьбе с погромщиками продовольственных складов и магазинов, с грабителями частных квартир. Это было вызвано тем, что преступный мир 27 февраля получил «пополнение» в лице 4000 уголовников, выпущенных из тюрем и принявшихся за грабежи. За налаживание дозорной и патрульной службы взялся Комитет военно-технической помощи (КВТП), созданный в 1915 году и объединявший научно-техническую интеллигенцию. Он обратился к студентам с призывом принять участие в поддержании порядка в Петрограде [19: с. 81–82].

Радостно встретила известие о революции городская и сельская интеллигенция провинции — народные учителя, земские врачи, агрономы и др. [19: с. 88–89]

Интеллигенция участвовала и в Октябрьской революции. По данным С.А. Федюкина, из более чем 500 участников восстания в Петрограде 40% были интеллигенты [51: с. 26]. Медицинские работники создали санитарные

отряды, состоявшие из врачей, фельдшеров, акушерок и медицинских сестер. 25 октября они были направлены к Зимнему дворцу, на Невский проспект и в другие пункты города. Под обстрелом юнкеров они оказывали помощь раненым [18]. Инженеры и техники участвовали в создании отрядов Красной гвардии и взятии Зимнего дворца. Студенты и учащиеся средних учебных заведений влились в революционные отряды. Среди красногвардейцев Урала, Поволжья и Центрального промышленного района, включая Москву, было около 2 тыс. учащихся. Студенты сражались также в составе красногвардейских отрядов Казани и Томска. Студенческая боевая дружина была создана в Харькове [4: с. 12].

После свержения Временного правительства ряд работников умственного труда поддержал советскую власть. Среди них были ученые А.Н. Бах, В.М. Бехтерев, Б.Д. Греков, И.П. Павлов, К.Э. Циолковский; литераторы А.А. Блок, В.Я. Брюсов, В.В. Вересаев, С.А. Есенин, А.С. Серафимович; художники А.Е. Архипов, А.М. Васнецов, В.М. Васнецов, И.Э. Грабарь, В.Е. Маковский; музыканты Б.В. Асафьев, С.Н. Василенко, А.Ф. Гедике, А.К. Глазунов, Н.В. Мясковский; артисты Е.Б. Вахтангов, М.Н. Ермолова, В.И. Качалов, В.Э. Мейерхольд, В.И. Немирович-Данченко, К.С. Станиславский; генералы М.Д. Бонч-Бруевич, А.А. Самойло, А.А. Таубе, полковник И.И. Вацетис, подполковник Д.М. Карбышев и многие другие.

Приведенные материалы свидетельствуют о том, что ни первая, ни вторая, ни третья революции в России стали бы невозможными без интеллигенции, так же как невозможными были бы восстание декабристов, деятельность революционных демократов 60-х годов XIX века, народников и других борцов с самодержавием.

Литература

1. *Аксельрод П.Б.* Борьба социалистических и буржуазных тенденций в русском революционном движении. — СПб., 1907.
2. *Амелин П.П.* Интеллигенция и социализм. — Л., 1957.
3. *Барбакова К.Г., Мансуров В.А.* Интеллигенция и власть. — М., 1991.
4. *Белошанкин С.С.* Деятельность петроградских большевиков по привлечению технической интеллигенции на сторону пролетариата в социалистической революции (март 1917 – июнь 1918 г.). — Л., 1972.
5. *Васина Э.* Студенчество Московского университета в революционном движении 1901–1902 гг. // Вестник МГУ. — 1955. №1.
6. Великая Октябрьская социалистическая революция. Хроника событий. — М., 1957.
7. *Вересаев В.* Записки врача. — СПб., 1901.
8. *Волин М.С.* К вопросу об изучении состава большевистской партии накануне и в период революции // Революция 1905–1907 гг. в России и ее всемирно — историческое значение. — М., 1976.
9. Вопросы истории. — 1987. №10.
10. Вопросы истории. — 1989. №1.
11. Вопросы истории КПСС. — 1990. №6.

12. *Востриков Н.И.* Борьба за массы: городские средние слои накануне Октября. — М. 1970.
13. ГАРФ. Ф. 63. Оп. 12. Д. 1304, 403 об. — Л.
14. *Гитович Н.И.* Летопись жизни и творчества А.П. Чехова. — М., 1955.
15. *Гусятников П.С.* Революционное студенческое движение в России. — М., 1971.
16. *Думный В.В.* Социал-демократическая интеллигенция на рубеже XIX–XX веков в представлении современников. — М., 1990.
17. *Ерман Л.К.* Борьба большевиков за вовлечение народных учителей в революционное движение в 1905 г. // Советская педагогика. — 1965. №4.
18. *Ерыкалов Е.Ф.* Организация медицинского обслуживания революционных отрядов пролетариата в октябре 1917 г. // Военно-медицинский журнал. — 1962. №10.
19. Цит. по: *Знаменский О.Н.* Интеллигенция накануне Великого Октября. — Л., 1988.
20. Краткий философский словарь (под ред. М. Розенталя и П. Юдина). — М., 1952.
21. *Корелин А.П.* Дворянство в пореформенной России. — М., 1979.
22. *Лейберов И.П.* Революционное студенчество Петербургского университета накануне и в период мировой войны (март 1914 – февраль 1917 г.) // Очерки истории Петербургского университета. — Л., 1968.
23. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч.
24. *Ложкин В.В.* Кагорта славных. — М., 1986.
25. *Ложкин В.В.* К вопросу об изучении состава участников социал-демократического движения в России (1883–1903). Методика обработки данных // История СССР. — 1983. №2.
26. *Лозинский Е.* Что такое, наконец, интеллигенция? — СПб., 1907.
27. *Луначарский А.В.* К 200-летию Всесоюзной Академии наук // Новый мир. 1925. №10.
28. *Люксембург Р.* Организационные вопросы русской социал-демократии // Искра. — 1904. №69. 10 июля.
29. *Мартов Л.* Вперед или назад? — Женева, 1904.
30. *Матвеев М.И.* Революционное движение студентов Томского технологического института накануне Первой русской революции (1900–1904 гг.) // Революционное движение в Сибири и на Дальнем Востоке. — Томск, 1960. Вып. 1.
31. *Невский В.* Очерки по истории российской коммунистической партии. Изд. 2-е. — Л., 1925.
32. *Плеханов Г.В.* Сочинения. — М., Л., 1926.
33. Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века. — М., 1966.
34. *Потресов А.Н.* (Старовер). Этюды о русской интеллигенции. — СПб., 1906.
35. РГАЛИ. Ф. 641. Оп. 1. Д. 1. Л. 15; Д. 24. Л. 5–6 об.; Д. 1716. Л. 1–1 об.
36. Русский врач. — 1902. №4.
37. Русское слово. — 1901. 14 марта.
38. *Самарцева Е.И.* Историографический эскиз проблемы генезиса отечественной интеллигенции (Россия. Русское зарубежье. XX век.). — Тула, 1997.

39. Цит. по: *Самарцева Е.И.* Российская интеллигенция до октября 1917 года (историографический очерк). — Тула, 1998.
40. Северный край. — 1901. 26 июня.
41. *Серафимович А.С.* Собр. соч. — М., 1948.
42. *Слонимская И.А.* Медицинские работники в революции 1905–1907 гг. — М., 1955.
43. *Соскин В.Л.* В.И. Ленин, революция, интеллигенция. — Новосибирск, 1973.
44. Студенчество в цифрах. — СПб., 1909.
45. *Тарновский К.Н.* Из истории Московского университета в годы Первой мировой войны // Вестник Московского университета. 1954. №11.
46. Театр и искусство. — 1917. №25.
47. *Троцкий Н.* Наши политические задачи. — Женева, 1904.
48. Труды Первого Всероссийского съезда сценических деятелей в Москве 9–23 марта 1897 г. — СПб., 1898. Ч. 1.
49. *Ушаков А.В.* Демократическая интеллигенция периода трех революций в России. — М.: Просвещение, 1985.
50. *Федюкин С.А.* Советская власть и буржуазные социалисты. — М., 1965.
51. *Федюкин С.А.* Великий Октябрь и интеллигенция. — М., 1972.
52. *Храмов В.О.* Философско-историческое понимание отношения интеллигенции к политике // Российская интеллигенция в отечественной и зарубежной историографии. — Иваново, 1995.
53. *Шевчено В.Н.* Кризис интеллигентского сознания: что дальше // Интеллигенция и власть. — М., 1992.
54. *Шелагинева Л.М.* Студенческое движение накануне и в дни Февральской революции // Вопросы истории КПСС. — 1967. №2.
55. Шестой съезд РСДРП (большевиков). Август 1917 года. Протоколы. — М., 1958.
56. Южное обозрение. — 1901. 26 июня.

История России советского периода

Л.А. Боева

Участие ВЧК — ОГПУ в «оздоровлении» рядов РКП(б) в начале 1920-х годов

Окончание Гражданской войны и начало строительства социализма вызвало в РКП(б) острую дискуссию о темпах развития экономики, о свободе дискуссий в самой партии. Принятая на X съезде РКП(б) резолюция о запрещении фракционной деятельности дала серьезный стимул к очищению партии от «еретиков», инакомыслящих в лице «рабочей оппозиции». В решении этой задачи принимали участие лидеры партии, опираясь на ВЧК и ОГПУ.

Активно развернулась борьба за «оздоровление» партии путем разгрома любых оппозиционных течений как в партии, так и в стране.

В феврале 1920 года в инструктивном письме партийным организациям о подготовке IX съезда РКП(б) В.И. Ленин фактически уже признает, что именно партия осуществляет функции диктатуры пролетариата. «Наша партия… — констатирует он, — должна была взять на себя и непосредственное осуществление задач диктатуры пролетариата со времени Октябрьской революции» [4: Т. 40, с. 140]. Концепция диктатуры партии, по существу, разделялась всеми ведущими деятелями РКП(б) и была единственной, адекватно отражавшей характер государственной власти и политической системы советского общества. Как полагало руководство большевиков, очень многое в развитии общества зависело от «чистоты» рядов РКП(б). Отсюда важно было держать под контролем и саму партию. Так политконтроль распространился и на членов коммунистической партии.

Основными каналами его реализации являлись партийные комитеты, военные политорганы и ВЧК — ОГПУ. Система использовала личные наблюдения и донесения партийных и военных политработников, устные и письменные сообщения добровольных и платных информаторов, материалы личной переписки граждан (перлюстрацию) и многочисленных писем-обращений в различные органы печати, учреждения и т.д. Эта система не опиралась ни на

какую правовую основу, а лишь на секретные инструкции высших партийных органов и самого ВЧК–ОГПУ.

Заметно излишнее внимание, уделенное на мартовском пленуме 1921 года оперативной службе ЧК, а также обязанности «членов партии принять активное участие в работе органов чека». Пленум обязал уездные комитеты РКП(б) требовать от коммунистов представления в губчека или политбюро «подробного письменного доклада» после каждого выезда в деревню с изложением настроения масс и подробно — лозунгов и фраз «оппонентов коммунистов». Партийные организации должны были сообщать в губчека все интересующие ее сведения, а члены партии, работавшие в профсоюзах, — еженедельно давать политсводки о настроениях «подозрительных беспартийных». Последнее требование прямо исходило из записки Ф.Э. Дзержинского от 18 марта 1921 года о создании чекистских групп при правлениях профессиональных союзов. В разгар выступлений питерских рабочих режим, отождествлявший себя с диктатурой пролетариата, этому самому пролетариату склонен был доверять менее всего [8: л. 28].

Органы ВЧК — ОГПУ периодически, в тесном контакте с контрольными комиссиями, занимались «оздоровлением» РКП(б), избавляя ее от злостных нарушителей партийной этики и дисциплины. Спецслужбы приняли активное участие в проведении чистки партии.

По решению X съезда РКП(б) она была проведена в 1921 году для сохранения идеологической чистоты, освобождения партийных рядов от случайных, неустойчивых элементов, которые, по мнению руководства, подрывали авторитет партии, снижали ее имидж передового революционного авангарда пролетариата. Чистка партийных рядов была достаточно масштабной. Так, например, партийные организации Москвы уменьшились в среднем на 15% [3: с. 449].

После завершения партийной чистки 1921 года уездные политбюро стали брать на оперативный учет всех исключенных из компартии по представлявшимся укомами материалам; снятие с учета требовало специального разрешения. Органы ГПУ сообщали в партийные комитеты компрометирующие данные на членов РКП(б). Становилось правилом запрашивать материалы из местного подразделения ГПУ при рассмотрении персональных дел. В свою очередь, парткомы партийных ячеек информировали спецслужбу о настроениях коммунистов, работе партийных ячеек и аппарата, организаций и комитетов РКСМ [7: с. 132].

Силы спецслужбы направлялись комитетами РКП(б) и на пресечение нарушений партийной дисциплины. Партийными комитетами различного уровня в течение 1920–1923 годов были переданы органам ВЧК — ОГПУ для дополнительного расследования и последующего судебного разбирательства десятки дел о должностных преступлениях и «некоммунистическом поведении» партийцев, облеченных разной степенью полномочий [6: с. 102].

Органами госбезопасности производились и расследования, выяснявшие политическое прошлое попавших под подозрение членов РКП(б). Дознания эти осуществлялись чекистами либо самостоятельно, с последующим уведомлением комитетов РКП(б), либо по заявкам партаппарата. Благодаря этой деятельности спецслужбы из партийных рядов удалялись лица, причастные к так называемой «исторической контрреволюции» — бывшие активные участники или пособники антибольшевистских движений, партий и учреждений. Так, например, 18 сентября 1923 года Секретный отдел ОГПУ испросил санкцию ЦК РКП(б) на арест и предание суду члена Бельского укома РКП(б) Тыкоцкого на основании материалов, уличающих его в контрреволюционной деятельности в 1918 году [9: л. 167].

Аппарат репрессивных органов применялся и как своеобразный фильтр, препятствующий проникновению в РКП(б) «чуждых элементов». Ставились препоны к вступлению в РКП(б) бывших членов умеренно-социалистических партий. Характерен один из эпизодов, когда бывшие эсеры-эмигранты Молотковский и Краковецкий подали заявление в ЦК РКП(б) с просьбой о приеме их в партию, из ВЧК последовало соответствующее предупреждение, что «ВЧК имеет о вышеуказанных лицах (в особенности о последнем) отрицательные сведения и поэтому прием их в партию должен считаться с этими сведениями» [16: л. 47].

Во избежание ненужных конфликтов на этой почве, а также предвосхищая массовый наплыв в РКП(б) бывших рядовых членов официально распущенной в марте 1923 года ПСР, ЦК РКП(б) 3 апреля и 8 июня издал циркуляры о порядке приема в партию выходцев из ПСР. На основании этих документов летом того же года президиумы губкомов приступили к созданию специальных приемочных комиссий, в которые обязательно входили 3 человека: секретарь губкома, начальник СО ГПУ и председатель губернской контрольной комиссии.

Также после проведения генеральной чистки партии 1921 года необходимо было, с точки зрения партийного руководства, разрядить скапливавшиеся «элементы недовольства». Для этого секретным циркуляром ЦК РКП(б) от 26 мая 1922 года предлагалось всем губкомам в отчете за июнь подробно осветить вопрос об исключенных из партии. В частности, ЦК РКП(б) интересовало, «заметно ли разлагающее влияние со стороны исключенных на отдельных членов, группы или отдельные организации… В чем это влияние проявляется и как организации с этим борются». Для более полного отчета рекомендовалось воспользоваться информацией, собранной в губотделах ОГПУ [6: с. 112].

Циркуляр ЦК РКП(б) от 8 мая 1923 года уже определенно указывал на то, что за последнее время сложились группировки из бывших членов партии, как исключенных, так и добровольно вышедших из нее, враждебно относящихся к РКП(б) и советской власти. С этими группировками, перешедшими в лагерь противников пролетарской революции, отмечалось в документе, нуж-

но вести беспощадную борьбу. Циркуляр перечислял некоторые неотложные меры такой борьбы с «отступниками»: 1) разоблачение и дискредитация их в глазах рабочих и крестьянских масс; 2) снятие с ответственных постов; 3) пресечение их контактов с членами РКП(б) [10: л. 48].

По всей вероятности, влияние добровольно вышедших и исключенных в партийной среде оказалось гораздо меньшим, чем ожидалось. Розыскные мероприятия спецслужбы не обнаружили наличия угрозы режиму со стороны выбывших из РКП(б). Во всяком случае, в докладах губкомов сообщалось либо о полном отсутствии таких группировок, либо о наличии одного-двух фактов антиправительственной агитации бывшими партийцами, в отношении которых через органы ВЧК — ОГПУ принимались соответствующие меры.

Расширение функций ГПУ по политконтролю проявилось и в том, что к расследованию дел коммунистов кроме Центральной контрольной комиссии (ЦКК) начинают привлекаться органы ГПУ. Об этом сообщил на XII съезде РКП(б) член Президиума ЦКК партии М.Ф. Шкирятов: «Мы согласовали свою работу с органами, близко соприкасающимися по характеру деятельности с Контрольной комиссией: это — судебные органы и органы ГПУ… Мы поставили дело так: в ГПУ имеется наш следователь, и, как только поступает туда дело о коммунисте, он ведет его сам как следователь Контрольной комиссии» [2: с. 243–244]. Тесное смыкание в работе контрольного партийного органа с карательным государственным органом ставило партию под контроль ГПУ.

Это проявлялось и в проверке на благонадежность кадрового состава комитетов РКП(б) органами спецслужбы. Проверке на благонадежность в первую очередь подвергался технический персонал комитетов РКП(б), в особенности те, кто имел соприкосновение с секретным делопроизводством. Соответствующие справки запрашивались в учреждениях ВЧК — ОГПУ. Лица, поступавшие на работу в секретно-директивные части комитетов РКП(б), помимо прочего, давали подписку, в которой обязывались хранить в строжайшем секрете доверенные им сведения, при увольнении или отстранении от должности в течение двух лет сообщать в партком о месте своего пребывания, а в случае нарушения подписки — отвечать перед партийными органами и судом РСФСР «как совершившие чрезвычайно большое и важное политическое и уголовное преступление» [6: с. 255].

Обильная информация, исходившая из «недр» ВЧК — ОГПУ, с одной стороны, способствовала лучшей ориентации партийных функционеров в окружающей обстановке, помогая принять адекватные меры. Достоинство сведений, предоставлявшихся учреждениями ВЧК — ОГПУ, состоит в том, что они, будучи изначально ориентированы только на служебное пользование, не скрывали, а, напротив, выявляли «ненормальности» в работе партии и привлекали к ним внимание партийных руководителей. Настроения «низов» РКП(б), кроме того, запечатлены в закрытых письмах секретарей, докладных записках инструкторов комитетов, докладах комиссий по чистке партии.

В меньшей степени руководство партии могло рассчитывать на партийную печать. В то же время было бы неверно преувеличивать информативную скудость партийной печати. Притом, что надзор за ней со стороны аппарата РКП(б) был безусловен, в сознании тогдашних партфункционеров еще теплилась мысль о допустимости некоторой «незлостной» критики и самостоятельных, но «выдержанных» суждений в отношении установившегося партийного режима. Это обстоятельство послужило причиной проникновения на страницы партийных газет и журналов сравнительно откровенных высказываний коммунистов, преимущественно ответственных работников, по поводу положения дел в партии и в государстве.

Но не будем утрировать факт «демократизации» прессы. Уже 5 января 1922 года на заседании президиума ВЧК было принято решение о назначении цензоров газет «Правда» и «Известия». На этом же заседании отменялось опубликование списков расстрелянных уголовным розыском [15: л. 3, 4].

Итак, главным источником информации о положении и настроении в партии оставалось ГПУ. Но, с другой стороны, эта же информация ставила их в прямую зависимость от карательных органов. У чекистов возникало искушение фабриковать донесения с таким расчетом, чтобы вынудить партноменклатуру поступать под диктовку ЧК.

Это создавало прецедент для обвинений коммунистов, так или иначе проявивших себя нелояльно по отношению к партии, в государственной измене. А с приобретением партией политической монополии на власть становилось очень трудно проводить различия между государственным и партийным и, следовательно, было столь же трудно отличить партийный проступок от государственного преступления. После XII съезда партии в Политбюро уже обсуждался проект постановления, гласящий, что каждый член партии обязан сообщать партийным учреждениям и ГПУ о нелегальных группировках внутри партии [14: с. 173].

Чтобы не допустить раскола партии на крутом повороте к нэпу и не дать ее «взорвать» изнутри — теми многообразными и противоречивыми социальными интересами, которые большевики как монопольно правящая партия в той или иной мере вынуждены были отражать, — был взят курс на всемерное укрепление единства партийных рядов. Были запрещены фракции, начата чистка партии. Как уже отмечалось, впервые к ее осуществлению, равно как и в целом к решению внутрипартийных проблем, была привлечена ВЧК.

Попытка некоторой демократизации внутрипартийной жизни на бесфракционной основе успехом не увенчалась. Напротив, несмотря на призывы к отказу от милитаризации, от «боевых методов» и к развертыванию «рабочей внутрипартийной демократии», резолюции X съезда «О единстве партии» и «О синдикалистском и анархистском уклоне в нашей партии» способствовали в действительности дальнейшей централизации партии усилению партийного аппарата и свертыванию внутрипартийной демократии.

Немалая доля энергии репрессивной машины ВЧК — ОГПУ расходовалась на «нейтрализацию» оппозиционных течений внутри РКП(б). В общероссийском масштабе они были представлены «рабочей оппозицией», Рабоче-крестьянской социалистической партией В.И. Панюшкина, «Рабочей группой РКП(б) Г.И. Мясникова» и другими объединениями. ЦК РКП(б) санкционировал применение в отношении членов этих группировок мер, аналогичных тем, которые использовались против врагов советской власти.

В результате насилие и принуждение стали применяться не только по отношению к противникам социалистического выбора, но и к пролетариату, который был первоначально призван стать господствующим классом в новом обществе, а также непосредственно к членам РКП(б).

Уже с начала 1920-х годов ВЧК — ОГПУ в борьбе с оппозицией взял на вооружение традиционные средства из своего арсенала: слежку, перлюстрацию корреспонденции, вербовку и внедрение агентуры, провокацию, аресты, высылки и заключение в тюрьму и лагерь.

Особенно это отразилось на тех, кто высказывал какие-то сомнения в политике правящей партии. Одним из тех, кто в числе первых подвергся преследованию со стороны органов госбезопасности, был В.И. Панюшкин, в свое время работавший ответорганизатором и инструктором в аппарате ЦК РКП(б). В 1921 году в знак протеста против нэпа он и группа его сторонников вышли из РКП(б) и организовали свою партию — РКСП. Одним из лозунгов новой организации стал призыв «Власть Советам, а не партиям». По решению Центрального бюро РКСП был осуществлен взлом одной из московских типографий в целях хищения печатного станка. 7 июля 1921 года сотрудники МЧК произвели обыск в помещении клуба РКСП на Кузнецком мосту и арестовали некоторых руководителей партии во главе с В.И. Панюшкиным. Слушание дела в Верховном трибунале при ВЦИК завершилось для него осуждением к двум годам принудительных работ. Однако в декабре 1921 года он был освобожден по амнистии, после беседы с В.И. Лениным покаялся в ошибках и был восстановлен в рядах РКП(б) [5: с. 410–411].

Проявлением оппозиционной борьбы в РКП можно считать, на наш взгляд, и историю, связанную с докладной запиской в ЦК И.В. Вардина (Мгеладзе) и перепиской В.И. Ленина с Г.И. Мясниковым.

Работник Агитпрома ЦК и уполномоченный референт ВЧК И.В. Вардин в докладной записке (11 апреля 1921 года) предложил предоставить меньшевикам, эсерам, анархистам, по крайней мере левым их группам, возможность вести легальную политическую деятельность. В связи с выборами в Московский Совет, писал он, встает общий вопрос: «должны ли мы предоставить нашим политическим врагам известную «свободу выборов». Я полагаю, что на эти вопросы следует ответить утвердительно… По моему мнению, крайне важно, чтобы в выборах в Совет участвовали «все партии», а не «одна партия». В Советах нам необходима оппозиция. Когда беспартийный рабочий протестует против партийной диктатуры, он имеет в виду отсутствие в Советах

тех партий, которые часто отражают не классовые, а его профессиональные и бытовые интересы и нужды» [1: с. 35].

Предоставление меньшевикам и эсерам некоторых «свобод» И.В. Вардин считал в интересах советской власти: «свободные выборы», «конституция», когда мы это проводим в жизнь, это усиливает нашу позицию, это «ослабляет шансы нового Кронштадта». К тому же «оппозиция нам нужна для того, чтобы усилить тенденции расколов и расхождений в рядах враждебных нам партий…» Вместе с тем И.В. Вардин полагал, что, «легализуя, возжи, понятно, мы должны держать натянутыми… Нашим врагам мы должны сказать: «Господа, в пределах наших законов вы свободны. За всякую попытку призыва к гражданской войне, к забастовкам, к нарушению наших законов мы вас будем привлекать к трибуналу» [1: с. 36].

Через несколько дней, 14 апреля, Политбюро отклонило содержавшееся в письме предложение И.В. Вардина освободить арестованных меньшевиков и эсеров накануне выборов в Московский Совет.

В начале мая 1921 года еще один рабочий, коммунист с 15-летним партстажем, Г.И. Мясников направил в ЦК РКП(б) докладную записку о своих впечатлениях от «красного Петрограда». В ней он касался ряда важных политических вопросов. В частности, он предложил предоставить крестьянам больше самостоятельности. Писал он и о взаимоотношениях партии с рабочим классом, о ее отрыве от рабочего класса, о волнениях рабочих в Петрограде. Они, утверждал он, «чувствовали, что власть есть, но чужая и далекая». Во всех забастовках и «итальянках» власти «винили меньшевиков и эсеров, их зловредных агитаторов, и, желая избавить себя от крамолы, их арестовывали. Но, несмотря на спасительные меры, забастовки не прекращались, а, наоборот, обострялись, а меньшевики и эсеры из людей без всякого влияния репрессиями превращались в героев». «За разговор наверняка вышлют или посадят… Всякая попытка сказать критическое слово ведет к зачислению смельчака по штату меньшевиков и эсеров со всеми вытекающими отсюда последствиями… Если кто и дерзнет иметь свое суждение иметь — он или шкурник, еще хуже — контрреволюционер-меньшевик или эсер» [12: л. 2–3].

27 июля Г.И. Мясников передал Н.И. Бухарину для публикации в «Правде» статью «Больные вопросы». В ней он особый упор делал на необходимости свободы слова и печати, которые будут способствовать активизации рабочих и крестьян в хозяйственной работе [13: с. 3].

Оргбюро ЦК создало специальную комиссию для рассмотрения материалов Г.И. Мясникова, а также его выступлений в Петроградской и Пермской организациях РКП(б). Комиссия предложила исключить его из партии [4: Т. 44, с. 539].

В.И. Ленин ознакомился со статьей и докладной запиской Г.И. Мясникова и ответил ему на поставленные вопросы. В частности, В.И. Ленин отметил: «Свобода печати в РСФСР, окруженной буржуазными врагами всего мира, есть свобода политической организации буржуазии и ее вернейших

слуг, меньшевиков и эсеров… Дать ей еще такое оружие, как свобода политической организации (свобода печати…)… значит облегчать дело врагу… Мы самоубийством кончать не желаем и потому этого не сделаем» [4: Т. 44, с. 78–79].

Г.И. Мясников, в свою очередь, ответил на его письмо. Он продолжал настаивать на гласности в критике недостатков, считая вместе с тем, что гласность надо ввести в определенные рамки законом о свободе слова и печати. Причем его взгляды ни в коем случае не выходили за пределы утвердившихся представлений: демократия только для трудящихся — рабочих и крестьян.

Но даже такое понимание свободы слова и демократии уже было неприемлемо для большевиков. Была организована определенная кампания проработки Г.И. Мясникова. В марте 1922 года Г.И. Мясников был арестован и в административном порядке (после 19-дневной голодовки протеста) выслан; вторично подвергнут аресту 25 мая 1923 года и отправлен в «почетную ссылку» в качестве сотрудника советского постпредства в Германию; в третий раз арестован осенью 1923 года, подвергнут тюремному заключению и помещению в концентрационный лагерь [6: с. 105].

Осенью 1923 года с санкции сентябрьского пленума ЦК РКП(б) силами ГПУ были проведены аресты оппозиционеров-коммунистов, входящих в состав «Рабочей группы РКП(б)» (которую, собственно, и возглавлял Г.И. Мясников) и «Рабочей Правды». Активное участие в «изъятии» диссидентов принял секретарь Президиума ЦКК Е.М. Ярославский, осведомлявший лично Ф.Э. Дзержинского о высказываниях, намерениях и действиях членов оппозиционных группировок [11: л. 2–4].

Несмотря на вышеизложенное, необходимо иметь в виду следующее. Поскольку массовой внутрипартийной оппозиции не существовало и пресечение инакомыслия в начале 1920-х годов не имело еще приоритетного значения и было лишь одним из нескольких направлений повседневной деятельности ВЧК — ОГПУ, репрессии против диссидентов не носили широкого характера и не превратились в этот период в разнузданный кровавый террор. Жесткие меры воздействия принимались партийными функционерами в отношении тех немногих смельчаков, которые отваживались подвергать критике сложившийся в партии олигархический режим.

В последующие годы неподконтрольный рост государственного аппарата все больше приводил к разрыву между «верхушкой», занявшей ответственные посты в советских, партийных, хозяйственных и военных органах, и остальным населением. Большевики как политическая сила оказывались во все большей изоляции от враждебного их политике общества.

Поэтому процесс борьбы с инакомыслящими резко углубился, что привело к необоснованным массовым политическим репрессиям, в которых особую роль сыграли органы спецслужбы.

Литература

1. *Гимпельсон Е.Г.* Политическая система и нэп: неадекватность реформ // Отечественная история. — 1993. №2.
2. Двенадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет.
3. Краткая история советского рабочего класса. — М., 1968.
4. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч.
5. Ленин В.И. и ВЧК (1917–1922): Сб. док. — М., 1975.
6. *Олех Г.Л.* Кровные узы РКП(б) и ЧК|ГПУ в первой половине 1920-х годов. Механизм взаимоотношений. — Новосибирск, 1999.
7. *Петров М.Н.* Формирование и деятельность органов ВЧК — ОГПУ. 1917 — середина 1920-х гг. (На материалах Северо-Запада России). Дисс. докт. ист. наук. — СПб., 1995.
8. РГАСПИ. Фонд 17. Оп. 84. Д. 296.
9. РГАСПИ. Фонд 17. Оп. 84. Д. 587.
10. РГАСПИ. Фонд 17. Оп. 84. Д. 298.
11. РГАСПИ. Фонд 76. Оп. 3. Д. 314.
12. РГАСПИ. Фонд 2. Оп. 2. Д. 826.
13. Социалистический вестник. — 1922. №4.
14. *Троцкий Л.Д.* Письмо членам ЦК и ЦКК РКП (б). 8 октября 1923 г. // Известия ЦК КПСС. — 1990. № 5.
15. ЦА ФСБ РФ. Фонд 1. Оп. 6. №1.
16. ЦА ФСБ РФ. Фонд 1. Оп. 6. №116.

В.В. Кириллов

Распад СССР: историографическая парадигма

Распад СССР, бесспорно, был одним из главных исторических событий XX века. Почему это произошло? Как объяснить крах великой страны, которая занимала ведущие позиции в мировом сообществе? За 15 лет, прошедших с того времени, сложился довольно значительный историографический массив, позволяющий приблизиться к анализу этой проблемы. В настоящей статье мы постараемся проанализировать их и выстроить в определенной историографической парадигме. В последние годы у нас в стране и за рубежом появилось большое количество публикаций, где представлены различные, подчас противоположные и взаимоисключающие концепции и точки зрения, пытающиеся объяснить: почему рухнул Советский Союз.

Отечественная историография дает широкий спектр причин распада СССР. При этом пальму первенства держат отнюдь не историки, а политики, общественные деятели, политологи, социологи. Исходя из определяющей составляющей той или иной концепции краха СССР, можно их классифицировать следующим образом.

До сих пор в общественном сознании устойчивые позиции в силу обыденной простоты, некой полутаинственности и традиционной нелюбви к Западу занимает так называемая теория заговора. Распад СССР согласно этой теории произошел в результате заговора натовских спецслужб, которые сумели одолеть Советы. Эта точка зрения имеет место в мемуарах бывших руководителей госбезопасности и разведки [2, 6, 12, 24, 25], а также в остро-политических работах И.Я. Фроянова, В.В. Кожинова и А.П. Шевякина [18, 9, 23]. Как ни странно, подобную позицию поддержал и зарубежный исследователь П. Швейцер [20], которого принято относить к либералам.

На наш взгляд, несмотря на известные высказывания высокопоставленного деятеля США Дж. Вулси — «Да, это мы прикончили гигантского дракона» и Дж. Буша-старшего — это «наша победа, победа ЦРУ» [4], преувеличивать подобные заявления не стоит и учитывать их следует только в совокупности с другими факторами, приведшими к распаду СССР.

Заговор не может существовать без предательства, которое стало стержневым постулатом в других теориях, близких к заговорщицкой.

Сейчас весьма популярна в интеллигентских кругах так называемая концепция субъективных фактов. «Ее суть заключается в том, что причина гибели СССР видится в ошибках кадровой политики советского руководства. Предательство Горбачева, Яковлева, Шеварднадзе (сюда же можно отнести и Ельцина) сторонники этой концепции связывают с их морально-политическими качествами считают основной причиной разрушения СССР» [8: с. 178].

В рамках теории субъективных фактов можно выделить концепцию «номенклатурного перерождения партийно-государственной бюрократии», у истоков которой стояли известные российские историки В.П. Дмитренко и В.П. Данилов.

В.П. Дмитренко считал одной из главных причин антисоциалистического разворота власти и распада СССР трансформацию господствующего класса бюрократии в класс новых собственников, который сам «ломает общество через колено» во имя собственных интересов, выдаваемых в то же время за всеобщие [13: с. 198–210].

В более углубленном виде эти идеи развил ведущий специалист ИРИ РАН В.П. Данилов. Он писал: «Начавшиеся исторические исследования советской бюрократии и ее роли в жизни общества постепенно раскрывают карты превращения «слуг народа» в класс начальства… Когда-нибудь появятся исследования о роли аппарата в переходе от советской к постсоветской системе. Эти исследования объясняют один из феноменов происходящей «революции сверху»: из партаппарата вышла большая часть вождей и идеологов «новой демократии», из идеологов «развитого социализма» — глашатаи первоначального накопления капитала, из партийных комсомольских и советских работников — первые когорты частных предпринимателей…» [5: с. 11–27]. Общий вывод ученого: развитие событий в конце 1980 — начале 1990-х годов приобрело катастрофический характер вследствие того, что это было инициировано номеклатурной бюрократией, стремившейся сохранить власть и получить собственность.

Думается, концепции заговоров и субъективных факторов отражают поверхностный взгляд на проблему, акцентируют внимание только на одной сфере предпосылок распада СССР — субъективно-личностной, не беря во внимание другие, в том числе и объективные факторы.

Известный российский историк Р.А. Медведев [14] в своей большой статье в жанре исторической публицистики (что вообще является его творческим кредо) назвал главной причиной крушения КПСС и СССР — упадок коммунистической идеологии, ее неспособность ответить на вопросы времени. Данную концепцию можно условно назвать концепцией идеологического упадка марксизма-ленинизма.

Вместе с тем Р.А. Медведев приводит и много других факторов, ускоривших процесс распада СССР. К ним относятся: антироссийский «национализм»;

российский сепаратизм; ошибочно расставленные приоритеты развития; холодная война и давление Запада; чрезмерная поспешность демократических реформ; организационная и идеологическая слабость Горбачева как лидера партии и страны, а также слабость его команды; борьба за власть Горбачева и Ельцина.

В последние годы в связи с обострением различного рода межнациональных и конфессиональных проблем появляются концепции, выдвигающие на первый план этнофакторы в контексте причин распада СССР. Об этом много говорилось на международной научной конференции, прошедшей в Москве в сентябре 2004 года под эгидой Российского гуманитарного научного фонда. Материалы данного форума изданы и представляют большой интерес в теоретико-концептуальном плане [17]. В плане интересующих нас парадигм ряд ученых высказали позиции, которые можно классифицировать как концепции этносепаратизма и национализма.

Так, С.В. Чешко считает, что одной из главных внутренних сил, способствовавших распаду, был этнонационализм, «взращивание которого десятилетиями занималось само советское государство».

А С.М. Исхаков обратил внимание на манипулирование мусульманским населением в своекорыстных целях партийно-государственного аппарата [17: с. 467].

Весьма продуктивной с научной точки зрения представляется концепция современных уральских ученых во главе с академиком РАН В.В. Алексеевым [1: с. 3–20]. Они считают, что объяснение причин распада следует искать в теоретической плоскости, координаты которой заданы имперским и модернизационным векторами исторического развития России. Авторы выделяют три главные причины распада СССР.

Первая — историческая предрасположенность, связанная с противоречием империи и модернизации. Развитие империи теснейшим образом переплеталось с модернизацией, но она же и уничтожила традиционную империю. Незавершенность российской модернизации, неспособность Советского Союза выйти на постиндустриальный виток развития в конечном счете привели к распаду великого государства, к потере исторической возможности его трансформации в мощную современную державу [1: с. 13].

Вторая причина — внутренняя эрозия советской системы, вытекающая из противоречий имперского и модернизационного развития и связанная с нарастанием центробежных тенденций в стране по мере осложнения экономического положения государства, ослабления его политической роли, разложения центральной власти и стремления национальных элит к государственно-политическому обособлению [1: с. 14].

Третья причина — это поражение СССР в холодной войне и «мирное наступление» ее главного соперника — США.

По мнению исследователей, глубинные процессы распада СССР имели долгосрочную тенденцию, но роковую, катализирующую роль сыграла гор-

бачевская перестройка, не имевшая четкой программы и приведшая к хаосу в стране [1: с. 16].

«В ходе модернизации под влиянием демократизации, усилившейся самодостаточности регионов, атомизации общества и его региональных структур, уменьшения вероятности иноземного захвата территорий в условиях атомного противостояния узы, скреплявшие централизованное государство, ослабли. С одной стороны, это есть проявление общемировых тенденций XX столетия, а с другой — выражение системного кризиса, потери управляемости страной. В итоге вместо многовековой тенденции к централизации Российского государства, укреплению его имперского могущества в последнем десятилетии XX века произошла его дезинтеграция, и империя рухнула» [1: с. 17].

Близкую к рассмотренной выше концепции точку зрения высказал бывший помощник М.С. Горбачева — А.С. Черняев. Он считал, что распад СССР был исторически предопределен и объяснялся исчерпанностью имперского запала страны. «Россия сформировалась как нация имперская. Этот импульс был главным источником развития на протяжении пяти веков и на определенном этапе основой ее патриотизма — великодержавного. К концу XX столетия этот импульс иссяк» [19: с. 255].

На рубеже веков в общественных науках доминировала неолиберальная концепция, которую в то время можно было бы считать даже официальной. Ее суть: приход большевиков к власти и весь период советской истории это тупиковый путь развития страны и отход от столбовой дороги мировой цивилизации. Поэтому система являлась нежизнеспособной и была обречена на гибель, что и произошло в 1991 году. Эти оценки исповедовали В.В. Согрин [15], Л.Ф. Шевцова [21, 22], И.В. Стародубровская и В.А. Мау [16] и др. Правда, сейчас в связи с кризисом либеральной идеологии в нашей стране многие авторы серьезно смягчили свои прежние радикально-либеральные взгляды.

Сбывшийся прогноз распада СССР на основе геополитической теории, построенной в результате социологического обобщения исторических фактов, дал Р. Коллинз [10: с. 234–278]. Согласно его историко-социологической концепции сила и устойчивость государства зависят от трех факторов: ресурсов (чем больше, тем лучше), географического положения (окраинное положение имеет преимущество перед центральным) и стабильности границ.

В 1984 году ученый проанализировал геополитическую ситуацию в мире с помощью своей теории. Сравнив данные о геополитическом положении двух сверхдержав — США и СССР — он пришел к выводу о том, что США имеют ресурсное и окраинное преимущество и осуществляют умеренную геополитическую экспансию. СССР проигрывает США в ресурсах, в населении и доходах на душу населения, а также испытывает дефицит средств для поддержания социальной системы. Его географическое положение между странами Запада, Японией, Китаем и исламским миром вынуждает расходовать огромные ресурсы для защиты весьма протяженной границы. СССР также страдает от чрезмерной геополитической экспансии, что проявлялось в сла-

бости коммуникаций и контроля за сателлитами и в наличии вокруг центра нескольких этнических слоев, готовых к сопротивлению. На базе этих характеристик Р. Коллинз сделал прогноз о распаде Советской империи в течении 30–50 лет.

Сохраняют свое присутствие (пусть и незначительное) в историографическом поле и левоортодоксальная, или сталинистская, концепция, согласно которой главной причиной разрушения СССР стал отход реальной практики социалистического строительства от канонов марксистской теории. Эту точку зрения отстаивали апологеты коммунизма Р.И. Косолапов [11], А.В. Бузгалин [3] и др.

Позволю высказать и собственное суждение, которое можно условно обозначить как «экономический детерминизм». На наш взгляд, главная причина распада СССР — неэффективность советской экономической системы, породившей национальный сепаратизм и региональный изоляционизм [7: с. 625–626].

Приведенные в настоящей статье историографические концепции нельзя считать исчерпанными. В какой-то степени их можно считать односторонними, ибо акцентируется внимание на тех или иных факторах, игравших значительную роль, по мнению разных ученых, в распаде СССР. Но как правило, в них не раскрываются глубинно-сущностные основы происходивших процессов, что, естественно, не дает целостной картины гибели великой страны.

Видимо, речь должна идти об анализе всей совокупности концепций, приближающих к пониманию того, почему распался Советский Союз. И работа в этом направлении, конечно, должна продолжаться и продолжается.

Литература

1. *Алексеев В.В., Алексеева Е.В.* Распад СССР в контексте теории модернизации и имперской эволюции // Отечественная история. — 2003. №5.
2. *Бобков Ф.Д.* КГБ и власть. — М., 1995.
3. *Бузгалин А.В.* Ренессанс социализма. — М., 2003.
4. *Вдовин А.И., Корецкий В.А.* Распад СССР и проблемы национально-политического развития России // www.vybozy.ru / — 2000. Вып. 1.
5. *Данилов В.П.* Падение советского общества: коллапс, институциональный кризис или термидорианский переворот? // Куда идет Россия? Кризис институциональных систем: век, десятилетие, год. — М., 1999.
6. *Дроздов Ю.И.* Вымысел исключен (записки бывшего начальника нелегальной разведки). — М., 1996.
7. *Кириллов В.В.* История России. — М., 2006.
8. *Клоцваг Ф.Н.* К дискуссии о природе социально-экономической системы СССР и причинах ее разрушения // Отечественная история. — 2005. №3.
9. *Кожинов В.В.* Победы и беды России. — М., 2000.
10. *Коллинз Р.* Предсказание в макросоциологии: случай советского коллапса. // Время мира. — М., 1984. Вып. 1.
11. *Косолапов Р.И.* Истина из России. — М., 2004.
12. *Крючков В.А.* Личное дело. В 2-х ч. — М., 1996.

13. Куда идет Россия? 10 лет реформ. Заседание «круглого стола» // Отечественная история. — 1995. № 4.
14. *Медведев Р.А.* Почему распался Советский Союз? // Отечественная история. — 2003. №4–5.
15. *Согрин В.В.* Политическая история современной России. 1985–2001: от Горбачева до Путина. — М.: 2001.
16. *Стародубровская И.В., Мау В.А.* Великие революции. От Кромвеля до Путина. — М., 2001.
17. Трагедия великой державы: национальный вопрос и распад Советского союза. Сост. С.М. Исхаков. — М., 2005.
18. *Фроянов И.Я.* Погружаясь в бездну. — М., 2001.
19. *Черняев А.С.* Был ли у России шанс? Он – последний. — М., 2005.
20. *Швейцер П.* Победа и роль тайной стратегии администрации США в распаде Советского Союза и социалистического лагеря. — Минск, 1995.
21. *Шевцова Л.Ф.* Посткоммунистическая Россия: ломка развития и перспективы. — М., 1995.
22. *Шевцова Л.Ф.* Режим Бориса Ельцина. — М., 1999.
23. *Шевякин А.П.* Загадка гибели СССР: история заговоров и предательств (1945–1991). — М., 2003.
24. *Широнин В.* Под колпаком контрразведки. Тайная подоплека перестройки. — М., 1996.
25. *Широнин В.* КГБ — ЦРУ. Секретные пружины перестройки. — М., 1997.

А.Ю. Бурлинова

Записная книжка Ричарда Джемса 1618–1619 годов

Тема изучения истории культуры и культурного взаимодействия России с другими народами остается одной из актуальных в современной науке. В настоящее время мы являемся свидетелями необыкновенного возрастания интереса к такому жанру исторических сочинений, как записки иностранных путешественников о России.

В историографии традиционна тема европеизации, и многие исследователи рассматривают степень европейского влияния в России на различных этапах развития национального самосознания, причины, предпосылки и формы проникновения западноевропейской культуры, результаты и последствия европеизации. Другой стороной данной темы является изучение социальной психологии, общественных настроений, образа жизни и быта различных социальных слоев населения в России XV–XVII веков, что объясняет интерес к запискам современников, прежде всего иностранных авторов.

Особую группу источников составляют записки английских путешественников о России второй половины XVI — первой половины XVII века. Экспедиция 1553 года, открывшая для англичан Россию, была снаряжена обществом купцов, «искателей открытия стран, земель, островов, государств и владений, не известных и доселе не посещаемых морским путем» [3: с. 12]. Путь в Россию через Белое море был уже известен Западной Европе, но англичане первыми воспользовались этим путем для торговых отношений. Из трех кораблей, составлявших экспедицию, лишь один благополучно прибыл в устье Северной Двины 24 августа 1553 года под командой Ричарда Ченслера. Р. Ченслер и его свита, приглашенные в Москву, были хорошо приняты Иваном Грозным, англичанам не только разрешили торговать в России, но и пожаловали значительные привилегии. По возвращении Р. Ченслера в Англию там образовалась Московская компания, получившая монополию на торговлю с Россией.

Имея своих представителей в ряде городов страны, купцы жили в России помногу лет, как правило, знали русский язык, условия и обычаи русской жизни. Именно поэтому английские записи о России второй половины XVI — первой половины XVII века занимают особое место в качестве исторического источника[1].

[1] В отечественной историографии записки английских путешественников о России традиционно рассматривают как целостный комплекс источников, объединенных их происхождением, замыслом, условиями создания и, наконец, определенным единством традиции взгляда на Россию. См.: [4: с. 433–441]; [13]. Данный подход к проблеме характерен и для современной историографии: [5]; [1].

Ричард Джемс прибыл в Россию в составе посольства Томаса Финча в 1618 году и около двух лет жил в Холмогорах: с конца июля 1618 года до весны 1619 года, а также с августа 1619 года, когда посольство вернулось из Москвы, и до конца июля — начала августа 1620 года, когда все зимовавшие в Холмогорах члены посольства отплыли в Англию.

Биографических сведений о Ричарде Джемсе сохранилось немного. Известно, что в 1614 году он окончил Оксфордский колледж (Corpus Christ) и в 1615 году был избран преподавателем, а затем принял сан священника. К этому времени Р. Джемс успел составить Англосаксонский и Саксонско-латинский словари, объездил близкие и дальние края тогдашней Англии, побывал в Уэльсе, Шотландии, на Оркнейских и Шетландских островах и даже в Гренландии. Описание этих путешествий в четырех тетрадках сохранилось, но оно не издано и не изучено до сих пор.

Многочисленные сравнения с виденным в этих путешествиях, которые встречаются в записной книжке Джемса 1618–1619 годов, заполненной во время поездки в Россию, показывают, как живы были еще в то время в его памяти впечатления первых странствий. О пребывании в России больше всего говорит Русско-английский словарик Р. Джемса, так как свои наблюдения он вносил в записную книжку в виде словарных статей. Джон Традескант, крупный английский естествовед XVII века, приезжавший в Россию в составе того же посольства, что и Р. Джемс, называет его «ученым мужем из Оксфорда, капелланом и главным толмачом на корабле» (т.е. до начала деятельности посольства в России). Биографы Р. Джемса сообщают, что он знал немецкий, голландский, французский и испанский языки, не говоря уже о том, что был квалифицированным знатоком латинского и греческого: это и было основанием, чтобы считать его толмачом. Исключительный для того времени опыт в изучении языков позволил Р. Джемсу еще до приезда в Россию познакомиться с русским языком и письмом настолько, что с первых же дней он делает превосходные записи слов и оборотов речи, слышанных в Новых Холмогорах (Архангельск) и Старых Холмогорах.

Записная книжка Ричарда Джемса 1618–1619 годов хранится в Бодлеянской библиотеке Оксфордского университета (Bodleian Library) с 1676 года, когда вместе с другими автографами Р. Джемса она была приобретена в составе библиотеки Томаса Гривза, которому досталось все рукописное наследство Р. Джемса после его смерти в 1638 году. Под №43 (последним) в этой коллекции значилось кроме записной книжки еще и большое описание путешествия в Россию (5 тетрадей), похищенное кем-то из Бодлеянской библиотеки между 1676 и 1697 годами; эта пропажа была обнаружена при составлении нового каталога.

Записная книжка сначала была сделана из тетрадки в 72 листа, сшитой отдельно и потом пришитой тремя большими стежками к кожаному переплету поперек листа (с. 72). Получилось 144 страницы. Словарь написан на первых 73 страницах (причем 2-я страница чистая), за которыми следуют

7 чистых страниц. Последующие 56 страниц, оставшиеся чистыми, были аккуратно вырезаны; в конце оставлено 4 чистых листа (8 страниц). На последней странице вверху написано: pme knaes, а поперек нее — Ms. Dictionarioium Russico-anglicum.

Тетрадка из 8 листов (16 страниц, перенумерованных 81–95, последняя — чистая) содержит песни. Она, видимо, была вшита в переплет, когда чистые листы были уже вырезаны. Бумага этой тетрадки меньшего формата и несколько тоньше по фактуре. За текстом песен справа оставлены широкие поля.

Переплет книжки из мягкой простой черной кожи, перевязь ее — ремешок из той же кожи. По-видимому, эту записную книжку Р. Джемс сделал сам, ее никак нельзя назвать «переплетенной». Текст словаря написан отчетливой английской скорописью XVII века. Словарь написан на бумаге с водяными знаками.

На рукописи Р. Джемса обратил внимание академик И. Гамель и опубликовал первые у нас сведения о записной книжке в своей книге Tradescant der altere 1618 in Russland... Geschichtliche Beitrage, mit-getheilt von D.I.Hamel, St. Petersburg, 1847.

Лишь в 50-х годах XIX века, после новых публикаций академика И. Гамеля, русские филологи заинтересовались этой рукописью, причем основное ее содержание — Русско-английский словарь (Dictionarioium Russico-anglicum) — долго не привлекало к себе исследователей, так как все придавали тогда исключительное значение лишь второй ее части — небольшой тетрадке с записью шести русских песен. Вполне точное издание этих шести песен было осуществлено П.И. Симони только в 1907 году [9]. Одновременно с подготовкой к печати этой книги П.И. Симони много хлопотал об издании словаря Р. Джемса, которое и было начато, но не доведено до конца [6: с. 315–321].

Осенью 1934 года незадолго до своей смерти П.И. Симони разыскал в своем архиве и передал Б.А. Ларину сохранившиеся у него материалы по подготовке академического издания этого памятника [6: с. 321–322].

Однако Б.А. Ларин считал, что нельзя предпринять издание без фотографии рукописи. Профессор Боянус и профессор Лондонского университета мисс Лилиас Армстронг пришли на помощь и прислали полную фотографию словаря Р. Джемса в конце октября 1935 года.

Немалого труда стоило замечательному филологу Б.А. Ларину установить верное и полное чтение текста по фотокопии рукописи. Еще больше времени ушло на расшифровку и разгадывание множества темных или не вполне ясных строк этого сборника словарных записей. Самым трудным было обоснование принятых Б.А. Лариным чтений или истолкований — посредством подыскания параллелей, установления системы транскрипции Р. Джемса, объяснения его формальных ошибок.

В 1941 году работа была прервана и только в 1946 году появилась возможность искать ответы на оставшиеся неразрешенными вопросы при разработке данных Бодлеянской рукописи в богатой картотеке Древнерусского словаря АН СССР.

В 1946 году Б.А. Ларин подготовил к изданию словарные, этнографические, исторические и политические записи Ричарда Джемса, сделанные им в России в 1618–1619 годах. К 1959 году Б.А. Ларин в некоторых частностях исправил свою книгу, дополнил комментариями, но в основном текст ее оставил неизменным. Длительная работа над расшифровкой записей Р. Джемса, над реконструкцией записанных им слов и фраз, над историческим истолкованием этих записей и обоснованием предлагаемых автором чтений (с 1936 по 1946 год) привели Б.А. Ларина, на наш взгляд, к достоверным результатам.

Записная книжка Р. Джемса по сравнению с другими иностранными источниками имеет ряд преимуществ.

Прежде всего — это автограф, а не копия, следовательно, неточности или ошибки оригинала не приумножены копиистами, что уже значительно повышает ценность нашего источника.

Содержание, характер и порядок записей Р. Джемса не оставляют никакого сомнения в том, что он не сочинял от себя каких-нибудь русских фраз, не переводил со своего родного языка на русский, а со всей точностью, какую мог соблюсти, записывал русские слова и выражения от окружавшего русского населения непосредственно.

В самом тексте записной книжки Р. Джемса есть точная датировка записей, начатых осенью 1618 года и продолжавшихся в 1619 году.

Место записей, по крайней мере большинство их, тоже определяется точно по указаниям источника: это город Холмогоры.

Вопрос о том, пришлось ли Р. Джемсу побывать в Москве хотя бы самое короткое время (летом 1619 года), остается открытым, так как пока не удалось разыскать в ГАФКЭ посольского дела Томаса Финча 1618–1619 годов. В самой записной книжке нет такой части, которая могла бы быть заполнена в Москве.

На листе 33 приводится сумма валового дохода архангельской таможни за 1618 год, а на листе 35 рассказано о размерах дани в Холмогорах и т.д. Нет таких двух-трех страниц подряд в записной книжке, где бы не встречались локализующие запись топонимы (Холмогоры, Архангельск, Белое море, Кап-Галлант–Святой Нос, озеро Оногара и т.д.) или немосковские реалии: названия растений, рыб, ветров, одежд, утвари, судов и терминов Архангельского Поморья. Их особенно много на последних страницах записной книжки. Поэтому едва ли можно сомневаться, что подавляющее большинство записей Р. Джемса сделано в Холмогорах и Архангельске.

Что же представляли собой в те годы Холмогоры и Архангельск?

Холмогоры — очень древнее место поселения, об этом свидетельствует не только средневековая историческая документация, но — для более отдаленного времени — само его название. Еще в XVII веке оно даже в русских источниках иногда именовалось Колмогрод, или Коломогоры, а это восходит к Kalma-Kari, как называлось это место у заволоцкой чуди до появления там

новгородцев. В конце XV века в Холмогорах посажены были московские воеводы.

Архангельск — совсем молодой город по сравнению с Холмогорами. С.Ф. Платонов в книге «Москва и Запад в XVI–XVII вв.» [12: с. 17] пишет: «Только с той поры, как Москва потеряла Нарву (1581 г.), указано было всем иноземцам приходить на Сев. Двину, и для того там был поставлен новый Архангельский город (1584)».

Сначала это была маленькая крепость возле монастыря Михаила Архангела; при ней постепенно строились гостиный двор, склады и дома иноземных купцов, слободы и пристани. И называли этот город Новые Холмогоры. До начала XVII века и административным, и хозяйственным, и торговым, и культурным центром всего Поморья и Нижней Двины остаются Старые Холмогоры.

В Архангельске в период короткой летней навигации (в августе) происходил торг. Базой для него служил город Холмогоры, куда на зиму оттягивались купцы, гарнизон и администрация Архангельской ярмарки [10: с. 61].

Другой исследователь, А.А. Кизеветтер, так характеризует значение Холмогор [2: с. 42]: «Лампожня со своей ярмаркой служила главным пунктом меновой торговли мехами с самоедами и югрой. Вмененные здесь меха поморские купцы везли на большую ярмарку в Холмогоры к зимнему Николину дню. Холмогоры имели громадное значение: во-первых, объединительно-экономического центра для всего Севера, здесь был центральный узел почти всех торговых путей в северной окраине Московского государства, и, во-вторых, соединительного звена между промышленностью Севера и центральными областями Государства. На Холмогорскую ярмарку свозились все товары, какими промышлял Северный край: соль, рыба, меха, кожи, ворвань, моржовая кость, ловчие птицы, дичь, перья, пух, — и сюда же привозились с Юга для обмена товары, в которых нуждалось население Северного края, прежде всего хлеб и сукна. От Холмогор шел самый главный, так сказать, становой путь, сцеплявший Север с Москвой по Двине».

Состав населения Холмогор был очень разнородным. Древнейший слой колонизации был новгородский, но господствующим и определяющим он был только до конца XV века: «Богатства Севера манили тогда низовых людей с Верхнего Поволжья, Ростова, Суздаля, Москвы. Низовая колонизация соперничала с новгородской уже в XIV веке, а в XV веке, с политическими успехами Москвы и упадком Новгорода, она взяла верх и обратила Север в Московскую область» [11: с. 106].

По данным таможенных книг XVII века, в Архангельск и Холмогоры везли:

а) пеньку и пряжу — из Стародуба, Погара, Почепа, Трубчевска, Брянска, Рославля, Смоленска, Дорогобужа, Вязьмы и Ржева;

б) юфти — из Волхова, Калуги, Тулы, Вязьмы, Серпухова, Коломны, Дединова, Мурома, Касимова, Арзамаса, Владимира, Суздаля, Гороховца, Ярославля и Костромы;

в) воск — из Смоленска, Брянска, Ярославля, Воронежа, Симбирска, Казани, Нижнего Новгорода и Костромы;

г) клей рыбий — с Яика, Дона, из Астрахани, Саратова, [8: с. 80–81].

Уже из этого перечня мест, откуда купцы приезжали на ярмарку в Холмогоры и Архангельск, можно предположить, как пестра была речь, какое чередование диалектов мог слушать и записывать Р. Джемс за полтора-два года своего пребывания в Холмогорах. А коренное население Холмогор было невелико. По описи дьяка Мирона Вельяминова [8: с. 49–53], в 1622 году там было посадских 468 дворов, а в них 657 человек жителей. Остальные — временные и пришлые служилые люди, главным образом московские.

Приехав в Россию с некоторыми знаниями русского языка, приобретенными еще в Англии, научившись там же писать по-русски, Р. Джемс быстро и успешно освоил русский язык в Холмогорах. Об этом свидетельствует и улучшение его записей в середине записной книжки по сравнению с началом и переход от записи отдельных слов к записи целых фраз. Первые записи простейших словосочетаний появляются на 5-м листе записной книжки («нос ознобил», «река замерзла»), а до того он записывал отдельные слова с однословной передачей их по-английски или вовсе без перевода. Лишь с 15–16-го листа начинаются подробные комментарии к отдельным словам, и сразу изменяется характер записей: от предметных обозначений Джемс переходит к записи разговорных формул, услышанных реплик («это диковина», «не бесчести», «скажи», «скаска», «скоро ты помчелси» и т.д.). Перечитывая свои записи, в ходе заполнения записной книжки Р.Джемс вносил исправления: он зачеркивал повторяющиеся строки, а в первую половину записной книжки часто вносил поправки, уточняющие фонетический облик слова.

Однако наш источник имеет и свои недостатки, представляющие для исследователя свои специфические трудности. Солидная ученость Р. Джемса, позволившая ему полнее воспринимать, обстоятельнее комментировать русский материал, побуждала его не довольствоваться средствами традиционной английской орфографии его времени, а искать другие, более точные способы передачи русских слов. В своих экспериментах он очень часто отклоняется от «английской» записи и пользуется вкраплениями греческих, голландских, итальянских, португальских и прочих написаний, что, безусловно, затрудняет чтение и анализ источника.

Наиболее привычными Р. Джемсу после английской были греческая и латинская системы графики и орфографии. Он широко применяет в своих русских записях греческие буквы ввиду значительного ряда совпадений русской азбуки и греческой. Вместе с тем в своих комментариях Р. Джемс почти не прибегает к греческому языку, единичным является упоминание о византийском названии Константинополя.

Около половины комментариев Р. Джемса к его русским записям сделано на латинском языке, но он почти не пользуется им в русской части записей, что лишний раз указывает на тщательное стремление точнее, полнее и нагляд-

нее изобразить произношение русских слов.

В своих комментариях к русским словам он легко переходит с английского языка на латинский, вставляет французское выражение, приводит поясняющие параллели из греческого, немецкого, голландского языков.

Основным языком объяснений является английский (на первых 23 листах он не перебивается латынью); к латинскому Р. Джемс прибегает в описании мемориальных событий, важных наблюдений, в том, что звучало бы несколько неудобно по-английски. Но он часто вынужден прерывать свои латинские страницы английскими вставками, когда не находит в латыни нужной терминологии, например, в области хозяйственных наименований или специфических местных северных реалий.

Записная книжка Р. Джемса отличается от других иностранных источников широтой интересов автора и разнообразием его материалов. Здесь не проступает узко практическое ограничение торговой номенклатурой, названиями чинов и сословий, оружия и утвари, монет и мер. Р. Джемс тщательно собирал и наименования растений, животных, транспортных средств и орудий производства, ветров и стихийных явлений; он записывает прилагательные, глаголы, наречия, междометия, формулы разговорного языка, идиомы. Он проявляет большой интерес к омонимии. Так, например, он разъясняет совпадение трех слов в одном: *дорога* — 1) персидская ткань, 2) путь, 3) нареч. *дорого.*

Различий по месту ударения он не замечает. Сопоставляет: *муха* и *мука, грозить* и *грузить, боран* и *боранец, овца* и *овчина, локоть* — часть тела и мера ткани, *лопатка* — часть тела и инструмент, *пирог* -выпеченный из теста и монета, *сорока* — птица и женский головной убор, *стопа* — чаша и мера бумаги, *ферезь* — одежда и шахматная фигура, *холоп* — слуга и валет в картах и т.д. Синонимы тоже привлекают его внимание, он подбирает их и объединяет при случае.

Такая полнота и детальность разработки словарных данных требовали и длительных наблюдений, и хорошей лингвистической подготовки, и кропотливого труда, неутомимых поисков и пересмотра своих материалов.

Он заполняет некоторые страницы подряд, в один присест, поэтому часто отдельные словарные строчки и статьи у него тесно связаны между собой. Находя синонимы и дополнения, он приписывает их между строк или между колонок.

В первой половине книжки Р.Джемс нередко записывает русские слова группами (обычно по тематическим циклам) без перевода, без всяких объяснений. В последней части книжки встречаются и одинокие словечки без перевода, но очень редко. Без английских объяснений дается длинный перечень названий одежды (р. 7: 41–62), перечень ягод (р. 8: 15–22), перечень должностных чинов (р. 12: 10–15), названия по ряду занятий (р. 14: 9–12, 19–20), названия оружия (р. 15: 19–22), кушаний и напитков (р. 16: 29–31, р. 25: 5, 6, р. 33: 38–40). Без перевода записана в конце скоморошья прибаутка (р. 73: 23–32).

Небольшая и по своему удельному весу, совершенно незначительная часть слов могла быть записана от других англичан, например от спутников Р. Джемса, бывавших раньше в России. От них, на наш взгляд, могли попасть в записную книжку сведения об Астрахани (р. 26: 20а, 32: 6, 51: 19–20, 34: 9а, 38: 10, 39: 9, 53: 3а, 62: 15а, 63: 11), о Поволжье (р. 19: 22), о Москве времен Ивана Грозного (р. 66: 16). Многократно встречающиеся в английском тексте Р. Джемса русские слова с английским грамматическим оформлением, по мнению исследователя Б.А. Ларина, могли принадлежать разговорному языку английской колонии в Холмогорах и вообще жаргону купцов, агентов и слуг лондонской «Московской компании» [6: с. 31].

Вся записная книжка заполнялась постепенно — в долгие зимние вечера по преимуществу от русских собеседников. Об этом свидетельствует и содержание записей (календарные даты в записной книжке Р. Джемса показывают, что большая ее часть была заполнена осенью 1618 и весной 1619 года). Кроме этих дат о постепенном заполнении ее на протяжении одного года может свидетельствовать строгая последовательность описаний и упоминаний о православных церковных праздниках: описание Иордани на Крещенье (л. 46: 2), Масленицы и Великого поста (л. 54: 1–5), Страстной недели (л. 61: 15), Троицына дня (л. 66: 5), да и сам внешний облик рукописи.

В словаре содержится значительное количество ошибок, которые целиком объясняются недослышкой или неполнотой восприятия русской скороговорки, что исключает заполнение книжки под диктовку толмача и доказывает запись при случае, а иногда — при случайной беседе.

В тексте Записной книжки Р. Джемс дает многочисленные прямые указания на своих собеседников, осведомителей, на протокольно точный характер своих записей (см., например, р. 35: 5; 39: 1–4; 46: 16; 49: 4–8; 60: 1; 69: 4, 8; и т.д.).

Таким образом, можно утверждать, что все материалы источника почерпнуты из непосредственного наблюдения жизни, из бесед с русскими, из записи их разговоров и рассказов.

В материалах Записной книжки в редких случаях можно разграничить два стиля речи: *высокий,* какой был свойственен в торжественных случаях воеводе, его дьякам, священникам, царскому приставу, встречавшему посольство в Устюге, и *просторечный* — купцов, стрельцов, ярыжек и сары (сарыни), слуг и хозяев, когда приходилось останавливаться у местных обывателей.

К высокому стилю разговорной речи могут быть отнесены слова: *печальник, коръмщик, восток, трубници, Бог, судит, разум, владыка, враг (чорт), храм, чадо, сорочка* (о последних двух словах Р. Джемс сделал приписку — стилистическую пометку — inusitatius). В ироническом применении он слышал выражение *сполатъ тебе* и отметил это припиской derisor.

Просторечные слова и выражения составляют 9/10 записей Р. Джемса: *веток, кърабельщик, чорт, бес, розбитъ, раздавил, розоринъе, рудно, сором, роспоп* и т.д.

Б.А. Лавров при публикации источника дал русский перевод толкования слов и всяких пояснений к ним, сделанных Р. Джемсом на английском,

французском и других языках. Только в начале записной книжки Р. Джемс ограничивается однословным переводом русских слов. Чем дальше, тем больше он вводит обстоятельные комментарии энциклопедического характера. Стиль его (и латинский, и английский) уже в силу разнообразия тематики записей очень многогранен. То научно-сухой и точный, то бытописательно-изобразительный, то иронический или шутливый при описании нравов и воззрений, не вызывающих у него сочувствия и одобрения. Так словарь-дневник постепенно превращается в путевые заметки, краткие очерки.

Изучение Русско-английского словаря-дневника Р. Джемса, включающего 2240 слов, привело нас к заключению, что в нем содержится не только наиболее достоверная и важная информация по русскому разговорному языку начала XVII века, но и ценнейший материал исторического, историко-психологического, социального и этнографического характера.

Освоение данного источника и включение его в состав отечественной исторической науки представляется нам перспективным и потому, что записи Р. Джемса можно сопоставить с данными Парижского словаря московитов, который был составлен в Холмогорах в 1586 году капитаном Жаном Соважем, приплывшим к устью Северной Двины из Дьеппа на первом французском корабле и установившим прямые франко-русские торговые связи [7].

Литература

1. *Карацуба И.В.* Некоторые источниковедческие аспекты изучения записок английских путешественников по России (Стереотипы их восприятия и оценок российской действительности) // История СССР. — 1985. №4.
2. *Кизеветтер А.А.* Русский Север. — Вологда, 1919.
3. *Климент А.* Записки Р. Ченслера. — Архангельск, 1998.
4. *Ключевский В.О.* Исследования, рецензии, речи. Соч. — М., 1959. Т. VII.
5. *Краснобаев Б.И.* В.О. Ключевский о русской культуре XVII–XIX веков // История СССР. — 1979. №5.
6. *Ларин Б.А.* Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса 1618–1619. — Л., 1959.
7. *Ларин Б.А.* Парижский словарь московитов 1586. — Рига, 1948.
8. *Огородников С.Ф.* Очерк истории города Архангельска в торгово-промышленном отношении. — СПб., 1890.
9. Памятники старинного русского языка и словесности XV–XVIII столетий. Приготовил к печати и снабдил объяснительными замечаниями Павел Симони. Вып. II. Песни, записанные для Рич. Джемса в 1619–1620 гг. — СПб., 1907. С. 9+XII+29+15 снимков с рукописи.
10. *Платонов С.Ф.* Прошлое Русского Севера. Очерки по истории колонизации Поморья. — Л., 1923.
11. *Платонов С.Ф.* Проблема русского Севера в новейшей историографии // Летопись занятий Археографической комиссии. — Л., 1929. Т. XXXV.
12. *Платонов С.Ф.* Москва и Запад в XVI–XVII вв. — Л., 1925.
13. *Середонин С.М.* Известия англичан о России XVI в. (Ченслер, Дженкинсон, Рандольф, Боус). — М., 1884.

История культуры

Н.А. Лобанов

Образ России в европейской культуре

Каждый народ имеет свои ярко выраженные национальные особенности, которые отражаются в его многовековом жизненном укладе. Под воздействием ряда сложных явлений, внешних и внутренних причин формируется его национальный облик, на который накладывает глубокий отпечаток природа страны, в тесной связи с которой вырабатывается его физический тип. Все это влияет на материальную и духовную культуру, которая формирует уклад жизни народа, его нравы и обычаи, его умственное и физическое развитие и в особенности его религиозные верования.

В течение многих веков из поколения в поколение передается и оттачивается психологический генотип нации и ее национальный облик. Различия между народами, особенно религиозного характера, приводили к формированию негативных оценок друг друга, которые часто принимали устойчивые формы.

Взгляд русских на Запад складывался из поколения в поколение, в той или иной форме выражая свое отношение к народам и государствам, в зависимости от конкретных исторических событий. Несовпадение исторического менталитета часто приводило к возникновению неверных представлений друг о друге. Механизмы создания подобных взглядов довольно сложны, их трудно проследить, но они несомненно оставляют свой след в развитии мировой культуры. Часто отношение к определенному народу формируется на основе сложившихся стереотипов, которые, в свою очередь, напрямую связаны с этнической психологией, характеризующей общие и особенные черты в духовном облике данной нации. Отсутствие в современной науке четких, методологических определений при исследовании национальной психологии и национального характера затрудняет исследование подобных тем [1: с. 11–13].

Формирование специфических особенностей наций и народов происходило в различных географических, исторических и социальных условиях, что накладывало своеобразный отпечаток на развитие каждой из них. «…под воздействием своеобразных условий социальной среды, исторических судеб народа, культуры в его духовном облике от поколения к поколению запечат-

левается это своеобразие, складываются специфические черты и привычки, по которым в известной мере можно отличить представителей одной нации от другой» [1: с. 67]. «Черты национального характера могут быть изучены, прежде всего, по их объективным проявлениям в достижениях и ценностях подлинно национального масштаба: в искусстве народа, его фольклоре, в разнообразных сферах его творчества, традициях, обычаях, нравах, привычках» [1: с. 67]. В отношении наций друг к другу часто складываются определенные стереотипы, укореняющиеся в сознании народа как стойкие предрассудки, которые не отвечают настоящим особенностям национального характера и наносят вред международным отношениям.

Являясь водоразделом между Европой и Азией, Россия в течении многих столетий формировала свою собственную идентичность. Как огромное море, в которое вливались многочисленные, полноводные реки с Востока и Запада, Россия принимала в себя расы и народы, религии и верования, обволакивая все духовностью, терпимостью и гостеприимством. Начиная с Петра I, западное влияния начинает усиливаться. Российский писатель дворянин Ф.Ф. Вигель (1786–1856) писал: «Что сталось с самой Россией! Высшие слои общества потеряли в ней совершенно народную физиономию. Сначала против воли, потом все более и более увлекаемые, мы наконец с остервенением устремились на Запад, будто бы за познаниями, а в самом деле за всеми утонченностями роскоши и порока. Самодержавие, которому благоразумие повелевало осторожно знакомить нас с Европой и ее просвещением, потащило нас на сей опасный путь и в ослеплении своем часто требует от нас невозможного, любви к отчизне вместе с пристрастием к иноземному и таким образом ставит себя в беспрестанное с собою противоречие» [21: с. 260]. Характеризуя творчество русских писателей, Н. Бердяев не мог не отметить у них «сверхнациональный, всечеловеческий дух», что присуще нациям только с высокоразвитой культурой [3: с. 15]. Он отмечал в национальном характере русских «национальное бескорыстие, жертвенность, неведомую западным народам» [3: с. 10]. В этих характеристиках Н. Бердяева заключается таинственный смысл русской идеи, которую пытаются понять современные ученые и публицисты [2: с. 70]. «Мы живем в России и так же, как любой другой народ, мы не можем абстрагироваться от тех традиций, от тех патриотических и национальных устремлений, которые в разных исторических условиях определяли сущность национальных идеалов» [27: с. 16]. «Русский идеал — это утверждение справедливости для своего народа и всего страждущего человечества» [2: с. 71].

Образ России на Западе складывался во многом благодаря литературным произведениям, написанным современниками. Религиозная нетерпимость накладывала определенный негативный отпечаток на сообщения иностранных авторов, повествующих о русском народе. С другой стороны, они с присущим им любопытством описывали многие факты, особенно бытового характера, которые казались забавными и необычными для европейцев. Это позволи-

ло донести до нас многие интересные события, которые не фиксировались официальными отечественными источниками, так как они казались несущественными для русского человека, а для иностранцев представляли огромный интерес. Зачастую самобытность российского самодержавия приравнивалась к средневековым восточным деспотиям. В работе французского публициста А. де Кюстина Россия представлена в образе страны, в которой существует рабство. Он считал, что рабская система, процветавшая на Руси, накладывала отпечаток на национальный характер русских — «весь русский народ от мала до велика опьянен своим рабством» [15: с. 12]. Пользуясь такими необъективными произведениями, западный читатель формировал негативные стереотипы, которые впоследствии закреплялись как характеристики русского народа. «Уже тогда складывался стереотип восприятия русского народа, в котором славянская мечтательность и добродушие сочетались с азиатской жестокостью, рабской покорностью и непредсказуемой агрессивностью» [2: с. 71]. Даже К. Маркс не удержался от подобных характеристик. Это еще раз подтверждает влияние сложившихся стереотипов. К. Маркс считал, что монгольское, азиатское влияние настолько затронуло Русь, что она не смогла оправиться от последствий набегов степных кочевников. Даже после падения монгольского ига Русь осталась частью ужасного азиатского мира. В работе «Разоблачения дипломатической истории XVIII века» К. Маркс писал: «Московию вскормила и взрастила ужасная и омерзительная школа монгольского рабства. Она выказывала силу, только становясь virtuoso в искусстве раболепия. Даже будучи освобожденной от монгольского ига, Московия продолжала мастерски выполнять свою традиционную роль раба» [7: с. 11].

Изучение национальных характеров дело сложное и теоретически не разработанное. «Подлинно научное изучение национальных различий находится пока еще в младенческом состоянии» [29: p. 142]. «...обобщения относительно всех членов конкретной нации могут оказаться опасными и дезорентирующими» [29: p. 142]. Английский исследователь Э. Ленджиэл, описывая русского человека советского периода, охарактеризовал его как агрессивное существо, одержимое жаждой власти, которое не изменяло своих привычек «и при царях, и при коммунистах» [30: p. 142]. Совсем по-другому видит русских социолог П. Сорокин: «к существенно важным характерным чертам русской нации относятся: ее сравнительно долгая жизнь, огромная жизнеспособность, удивительная стойкость, исключительная готовность со стороны ее членов идти на жертвы ради ее выживания, а также необычайный рост территории, населения, политический, социальный и культурный рост» [31].

Изучением национальных характеров на научной основе занимается этнопсихология, одно из новых направлений этнологии.

«Специфику национального характера следует искать в неповторимом сочетании общих для человека психических свойств, в особой выразительности тех или иных черт, а не в наличии неких исключительных признаков. Таким образом, задача ученого, как нам представляется, не акцентировать

односторонне психологические различия, а раскрыть разнообразные формы проявления общечеловеческого. На данном этапе исторического развития общечеловеческое находит своеобразное проявление именно в национально особенном. Поэтому в национальном, которое при поверхностном подходе изображается как совершенно уникальное, на деле заключена частица общего» [2: с. 84].

Духовная сторона русской жизни, выраженная в многочисленных литературных произведениях, очаровала Запад, который стал проявлять огромный интерес к творчеству А. Пушкина, Л. Толстого, Ф. Достоевского, И. Тургенева. Многие общечеловеческие ценности, утраченные западной цивилизацией в ходе промышленной революции, открылись ей при более близком знакомстве с русской культурой.

Великий русский историк и философ В. Соловьев одним из первых поставил вопрос «о смысле существования России во всемирной истории» [23: с. 3]. Географическое положение, сложный исторический путь русского народа, его высокая культура и духовность позволили России стать неотъемлемой частью мировой цивилизации. «Когда видишь, как эта огромная империя с большим или меньшим блеском в течение двух веков выступала на мировой арене, когда видишь, как она по многим второстепенным вопросам приняла европейскую цивилизацию, упорно отбрасывая ее по другим, более важным, сохраняя таким образом оригинальность… когда видишь этот великий исторический факт, то спрашиваешь себя: какова же та мысль, которую он скрывает за собою или открывает нам; каков идеальный принцип, одушевляющий это огромное тело, какое новое слово этот новый народ скажет человечеству, что желает он сделать в истории мира?» [23: с. 3].

Приняв в 988 году православие, Россия стала христианской страной и вошла в европейскую семью христианских народов. «Имя Христа соединяет Россию и Европу» — писал Г.В. Флоровский [24: с. 340]. «Евразийское сознание отодвигает Его (Христа) на задний план» — отмечала Р.А. Гальцева [8: с. 92].

Огромные неосвоенные пространства страны наложили глубокий отпечаток на душу каждого русского, сформировали его духовность и лиричность. Еще Н.А. Бердяев писал о «власти пространства над русской душой». «Ширь русской земли и ширь русской души давили русскую энергию, открывая возможность движения в сторону экстенсивности. Эта ширь не требовала интенсивной энергии и интенсивной культуры. От русской души необъятные русские пространства требовали смирения и жертвы, но они же охраняли русского человека и давали ему чувство безопасности» [3: с. 67]. Н.А. Бердяев считал, что это необъятное пространство было не только внешним, материальным, природным фактором, но и внутренним, духовным фактором жизни человека [3: с. 67].

Огромное воздействие на формирование русского национального характера оказали восточные влияния. «Восток сформировал «географию русской

души», и существенным проявлением этого влияния были слабость формообразующих начал в русской культуре, слабость срединной культуры, способствующей организации устойчивости повседневности. Неизбежным следствием такой структуры русской духовности стала особая роль государства в регуляции политической и хозяйственной жизни, а также цивилизационных структур» [10].

Рождение и развитие молодого Русского государства происходило на огромных территориях части Европы и Азии. До возникновения Московского государства эта территория была заселена многочисленными племенами евразийской общности, культура которых органически влилась в русскую культуру. Как сказал П.Я. Чаадаев, «стихии азиатские и европейские перерабатываются в оригинальную Русскую цивилизацию» [25: с. 192]. Многие «евразийцы» пытались осмыслить и объяснить процессы, происходящие в России. Влияние Востока казалось им определяющим моментом в историко-культурном развитии страны. Негативное отношение к западной культуре и выделение православия как главной религии в многонациональной стране со множеством конфессий отличали их позиции от позиций других философов. Одна из главных идей, идея евразийской общности России, объединила многих русских мыслителей. «Нет двух Россий «европейской» и «азиатской». Есть только одна Россия — «евразийская», или Россия-Евразия», — писал Г.В. Вернадский [6: с. 101]. Сильная, централизованная власть, по мнению «евразийцев» являлась основным государствообразующим фактором, влияющим на все формы многонационального культурного творчества. «Мы не только славяне и татары, мы наследники великого Востока (Византии). Родина наша была и есть гигантский котел, столетиями вываривавший из смеси племен и рас нечто совсем свое, и совсем особенное» [12: с. 374].

Гордость за свой народ, за свое великое прошлое, за своих великих предков испытывал русский поэт А.С. Пушкин, хотя деспотизм и невежество царского правления глубоко возмущали его легко ранимую душу. В письме к П.Я. Чаадаеву он писал: «Я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя… но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков» [20: Т. 10, с. 689].

Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл отмечая важную роль исторического прошлого России в современном мировом культурном и историческом процессе писал: «зреет серьезное понимание того, что у России свое геополитическое предназначение, своя роль в мировом процессе. Она определилась не сегодня, за ней тысячелетняя традиция, построенная в том числе и на евразийском статусе нашей страны. Всему миру важно сегодня, чтобы эта историческая роль России не была утрачена» [16: с. 85–88].

На призывы быстрого интегрирования России в западную мировую систему ценностей служитель Русской православной церкви ответил, что: «этот огромный материк никуда интегрироваться не может без того, чтобы не сло-

мать ту систему, куда он войдет», «появится совершенно новая политическая, экономическая, духовная структура, которая многообразно перекроит не только европейское, но и все мировое пространство… Россия нужна всему миру как сильная и самостоятельная политическая величина, как некий полюс геополитики» [16: с. 88].

Многие современные историки и экономисты считают что базис цивилизации заложен в производственных отношениях, которые являются определяющими в развитии исторического процесса, принижая роль духовности в жизни общества. Немецкий ученый Роман Редлих считает, что в историческом становлении России духовность играла более важную роль, чем экономика и политика. «…И в русском царстве, и в российской империи плодоносили не Малюты, Иваны и Годуновы, а Сергий Радонежский, Андрей Рублев и Филипп Московский, Пушкин, Достоевский и Соловьев, независимо от способов производства поставившие нашу культуру в ряд виднейших мировых культур» [19: с. 14, 17].

Известный ученый академик Е.П. Челышев считает, что без возрождения духовности все экономические реформы обречены на провал. «Естественно, что экономические проблемы, от решения которых зависит благосостояние общества, выдвигаются сейчас как первостепенные. Но без установления нравственных устоев общества, духовных основ всей национально-государственной жизни, без оздоровления отношений между людьми, без устранения вульгарно-социологизаторского отношения к культуре как производной от экономики все наши стремления осуществить экономические реформы будут тщетными» [26: с. 17]. В Введении сборника «Образ России в мировой культуре и образы других стран в русской культуре XIX–XX веков» Е.П. Челышев поставил очень насущные вопросы, определяющие направление будущих исследований: «…правомерно ли считать, что само существование «образа России» в других странах является свидетельством включенности русской и российской культуры в мировую?». «И, наконец, вопрос об истинных и иллюзорных образах России в культурах других стран и образов других стран в культуре России: какова в этом плане роль встречных течений различных культур, граней и сторон образа страны и народа, наиболее интенсивных «очагов влияния» (личностей, направлений, периодов и эпох), синхронности и асинхронности культурных процессов, метропольных и эмигрантских пластов национальной культуры» [26: с. 20].

«Образ иностранца» в русском ментальном восприятии неоднозначен и имеет множество исторических оттенков. «Этнические представления» одного народа о другом складывались в различные исторические периоды и зависели от множества обстоятельств: близости границ, религиозных конфессий, экономических связей. «Представления об иных этносах и культурах — неотъемлемая и принципиально важная составляющая национального самосознания, ибо именно эти представления позволяют судить о том, как данная нация видит свое место в мире, как она определяет отношение своей культу-

ры к другим культурам, своей системы к системам ценностей иных народов» [4: с. 21]. Духовная жизнь неразрывно связана с этническими представлениями общества. «Этнические представления являются органической частью духовной жизни общества, которая складывается из идей, концепций, мировоззрений и чувств, господствующих в данное время в обществе» [11: с. 9]. Они «отражают не одну, две реальности, или, точнее, два народа — и тот, чей образ формируется в сознании другого народа, и тот, в среде которого эти представления слагаются и получают распространение» [11: с. 21]. Представления об иных народах зачастую были очень противоречивы. Рассказы часто обрастали неправдоподобными подробностями. Незначительные контакты с иностранцами зачастую не могли дать полноценного представления друг о друге. «В процессе многоэтапной устной передачи события не только обрастали вымышленными подробностями, но нередко и кардинально меняли свой характер — в зависимости от представлений, симпатий и чаяний той среды, в которой распространялись слухи» [9: с. 209]. Различия между христианской и католической церквями порождали определенное непонимание и недоверие друг к другу. Незнание иностранных языков создавало непреодолимый барьер в общении. Различия национальных характеров и обычаев часто принимали форма неприятия друг друга, которые иногда могли перерасти в открытую вражду. Отрицание всего западного и католического имеет у русских глубокие исторические корни. Деятельность на Руси греческих церковнослужителей подвергла все слои населения сильнейшему византийскому влиянию и способствовала формированию взглядов, отрицающих все латинское [14: с. 263–266].

Бескрайние просторы Руси, населенные племенами с готовностью воспринявшими славянскую культуру и, в свою очередь, обогатившие ее достижениями своих народов, стали барьером, огородившим восточное славянство от западного влияния. Позднее, в XIII веке, «русские пространства», населенные мужественными воинами, спасут Европу от полного разорения. Последствия монголо-татарского нашествия надолго прервали отношения Руси с соседними западными странами. Лишь с середины XIV века начинают постепенно восстанавливаться международные отношения. Политика московского самодержавия, направленная на ограничение контактов с латинским Западом, способствовала почти полному прекращению связей с западными державами. Разорение Иваном Грозным вечевого Новгорода и начало Ливонской войны надолго определило изоляционную политику Русского государства и враждебность Запада. Падение в 1453 году Константинополя сделало Москву наследницей великой Византии. Доктрина «Москва — Третий Рим», получившая конкретное выражение, надолго определила религиозную политику Московского государства. Возведение на кафедру митрополита русского священника вместо греческого митрополита Исидора, без согласия греческой церкви, сделало Москву единственной достойной преемницей Византии. «Защита православия от латинян» с конца XV века стала важной государствен-

ной доктриной Москвы. «Все свое», по мнению русских, было много выше и лучше «чужого», и они презрительно относились ко всему иноземному, откуда бы оно ни шло — с Балканского ли Востока, или с Европейского Запада» [5: с. 3].

Агрессивная политика Ивана Грозного по отношению к Западу еще более усилила изоляцию России в середине XVI века. Ограничение связей с католическими западными странами было в этот период основной доктриной Московского государства. Со временем менталитет высших слоев общества менялся. Приходило понимание необходимости использования западных достижений для ускорения собственного национального развития. Еще русский царь Борис Годунов отправлял молодых дворян в Европу на учебу. Результат был плачевный: вернулся только один. Эпоха Петра I значительно усилила уже имевшиеся тенденции взаимного сотрудничества. Насильственная европеизация ускорила процесс научно-технической революции, но разрушала духовно патриархальный уклад жизни всего населения.

В обществе возникали множественные противоречия, главными из которых были борьба между верхушкой общества, ориентированной на западные ценности, и основной массой простого народа, стремившегося сохранить исконно присущую ему духовность и патриархальность. «Если в рамках большой культуры развитие образа Запада работало на модернизацию — способствовало изживанию манихейской парадигмы, рационализации культуры, выходу за пределы традиционного сознания, то низовой образ Запада имел обратную направленность. Он актуализировал архаические характеристики народной культуры — манихейскую компоненту, иррационализм, эсхатологизм мировосприятия и т. п.» [28: с. 117].

Многие российские общественные и политические деятели XIX века, сознавая необходимость европейских культурных заимствований, в то же время понимали всю сложность и ошибочность механического перенесения западных общественных моделей на русскую почву. К.П. Победоносцев, будучи по своей природе консерватором, с большой симпатией относился к политическим институтам старой Англии, однако неоднократно высказывался, что для российских национальных традиций английские варианты не подходят [22: с. 188].

Чистоту и свободу русской души не могли стереть даже жесткие крепостнические порядки, методически насаждаемые в Русском государстве. «Внутренняя свобода русского человека не уживается ни с каким рабским сознанием…» — писал И. Ильин [13: с. 181–182]. Л.Н. Толстой в романе «Война и мир» устами своего любимого героя Пьера Безухова, попавшего в плен к французам, выражает невозможность духовного порабощения своего героя грубым физическим насилием. «Русский дух», русскую душу невозможно поработить никакими формами насилия. Во многих поэтических произведениях «русская душа» существует как некая форма вселенского абсолюта. «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет», — писал А.С. Пушкин. В беседе с одним

иностранцем, посетившим Россию, он услышал мнение человека, впервые увидевшего простых русских крестьян и пораженного их нравственной чистотой и внутренней свободой. «Можно ли представить себе нечто более свободное, нежели его (крестьянина) обхождение с нами? Нет ни малейшего следа рабской приниженности в его манерах и речах» [13: с. 182]. В своих литературных произведениях Федор Достоевский отмечал вселенскую доброту и готовность русских жертвовать собой, даже ради других, нехристианских народов, как основную составляющую их духовного мира. Современник Достоевского русский философ В.С. Соловьев в своих основных работах «Русская идея» и «Национальный вопрос в России» озвучил идею «собирания славянского мира» вокруг России. По его мнению, объединение славянских племен вокруг России возможно только при условии установления устойчивого равновесия между Западом и Востоком. «…Дело России — показать, что она не есть только представительница Востока, что она есть действительно Третий Рим, не исключающий первого, а примиряющий собою обоих». По Соловьеву, Россия это философская категория, одинаково включающая в себя лучшие черты западничества и славянофильства. В то же время невозможно проповедовать равенство и свободу различных народов, одновременно проявляя национализм. «Нельзя безнаказанно написать на своем знамени свободу славянских и других народов, отнимая в то же время национальную свободу у поляков, религиозную свободу у униатов и русских раскольников, гражданские права у евреев». Соловьев писал: «Упраздняется не национальность, а национализм… мы различаем народность от национализма по плодам их» [23]. Только духовность, только отказ от применения насилия, только христианские заповеди спасут Россию и принесут удачу в делах ее. «Одно только мы знаем наверное: если Россия не исполнит своего нравственного долга, если она не отречется от своего национального эгоизма, если она не откажется от права силы и не поверит в силу права, если она не возжелает искренне и крепко духовной свободы и истины — она никогда не сможет иметь прочного успеха ни в каких делах своих, ни внешних, ни внутренних», «Христианство, упраздняя национализм, спасает народы, ибо сверхнародное не есть безродное», «и только полагая всю душу свою в сверхнародное вселенское дело Христово, народ сохранит ее».

«Особенность и сила русского народа в том именно и состоит, что он умеет, оставаясь собой, уживаться со всеми племенами, народами и верами. Таким сделала его история, географическое положение, культурный возраст, и дай Бог, чтобы в нем эта складка осталась навсегда», — писал К.Д. Кавелин [17: с. 77]. «Мы будем, как всегда были, демократами между прочих семей Европы, мы будем представителями чисто человеческого начала, благословляющими всякое племя на жизнь вольную и развитие самобытное», — вторил ему А.С. Хомяков [17: с. 77].

Взаимопознание и взаимопроникновение России и Запада рождали многочисленные литературные и философские течения, которые пытались осмыс-

лить всю сложность происходящего. «Так с самого начала два образа — России и Европы оказались неразрывно связанными, и там и там, порождая мощный двухвековой умственный диспут. В самом деле, особое призвание и особый путь России могут быть осознаны лишь на общем фоне европейского мира, ближнего человечества (куда входит и Россия) и зачастую — по оппозиции к нему» [8: с. 88].

Огромные размеры России во многом формировали культурные традиции проживавших в ней народов. Для русского человека необъятные пространства его родины это возможность нового эмоционального прорыва, скачка в неизведанное. Великий русский писатель Н.В. Гоголь писал: «Что пророчит сей необъятный простор? Здесь ли, в тебе ли не родиться беспредельной мысли, когда ты сама без конца? Здесь ли не быть богатырю, когда есть место, где развернуться и прийти ему?» Мысль Гоголя проста — огромные пространства рождают гигантов: великие народы, великие культуры и великие помыслы. Современная российская история стала свидетельницей борьбы двух основных форм развития: западной — унифицированной и формационной, и восточной — цивилизационной, включающей в себя все многообразие народных культур. Синтез этих форм развития, замешанный на русской терпимости и духовности, принесет будущим поколениям свои плоды.

Формационный западный универсализм, как гигантская мясорубка, перемалывает историю, переделывая народы под свои собственные стандарты. Все несовременное и устаревшее подлежит забвению или усовершенствованию. «Ведущая» универсальная западная культура поглощает «неведущие», «отсталые» культуры, давая взамен удобства, универсализм, стандартное материальное благополучие, теряя при этом духовное пространство и самобытность.

Соприкосновение двух культур неизбежно поставило на повестку дня вопрос, что представляет собой Россия и какое место она занимает в цивилизованном мире. «В поэзии М.В. Ломоносова уже в 1740-е годы обозначились основные признаки художественного воплощения темы «Россия и Запад»: 1. Мысль о пространственном величии России; 2. Мысль о военной непобедимости России, вытекающая из предыдущей; 3. Мысль о нравственно-религиозном единстве власти и народа в России; 4. Мысль о мире (стремление к миру как сильнейший внутренний стимул русского национального характера, обусловливающий моральную непобедимость России)» [18: с. 134–135].

Осознание наличия другого западного мира дало толчок к национальному самопознанию и самоизучению. Еще в 1783 году Д.И. Фонвизин в ряду других вопросов, обращенных к Екатерине II, задал два вопроса, имеющих непосредственное отношение к этому: 1. «Как истребить два сопротивные и оба вреднейшие предрассудки: первый, будто у нас все дурно, а в чужих краях все хорошо?» 2. «В чем состоит наш национальный характер?» [18: с. 135].

На формирование образа России в западном сознании наложил отпечаток фактор враждебности к малопонятным и неприемлемым с точки зрения

католической морали явлениям. Россия представлялась как восточная страна с деспотической формой правления, агрессивная ко всему европейскому. В то же время Запад поражали огромные просторы страны, ее великая история, особенности национального характера и духовно-психологического склада народа, его приверженность к христианской религии и общечеловеческим ценностям. «Русский феномен» надолго остался в сознании Запада как великий сплав древней и новой культуры, поражающий воображение человека.

Литература

1. *Баграмов Э.А.* Нация и национальная психология (В поисках концептуальных подходов) // Евразия. Народы. Культуры. Религии. — 1993, №1.
2. *Баграмов Э.А.* Этнические проблемы // Образ России (русская культура в мировом контексте). — М., 1998.
3. *Бердяев Н.* Судьба России. — М., 1990.
4. *Борисов Ю.С., Голубев А.В., Сахаров А.Н.* История. Россия и Запад // Образ России в мировой культуре и образы других стран в русской культуре XIX–XX веков. — М., 1998.
5. *Бочкарев В.Н.* Московское государство XV–XVII вв. по сказаниям современников иностранцев. — СПб., 1914.
6. *Вернадский Г.В.* Начертание русской истории // Евразия. Исторические взгляды русских эмигрантов. — М., 1992.
7. Вопросы истории. — 1989. №4.
8. *Гальцева Р.А.* Философская мысль. Россия и Европа // Образ России в мировой культуре и образы других стран в русской культуре XIX–XX веков. — М., 1990.
9. *Громыко М.М.* Мир русской деревни. — М., 1991.
10. *Ерасов Б.С.* Россия в евразийском пространстве // Общественные науки и современность. — 1994, №2.
11. *Ерофеев Н.А.* Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских. 1825–1853. — М., 1982.
12. *Зайцев Б.* Слово о Родине // Прометей. — М., 1990. №16.
13. *Ильин И.* Сущность и своеобразие русской культуры. — Москва, 1996. №1.
14. *Карташев В.* Очерки по истории Русской церкви. — Париж, 1959. Т. I.
15. *Кюстин А.* Николаевская Россия. — М., 1990.
16. *Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл.* Сохраним свою самобытность и духовность // Евразия. Народы. Культуры. Религии. — 1995. №1(3).
17. *Никулин Л.И.* Национальная политика России. История и современность. — М., 1993.
18. Образ России в мировой культуре и образы других стран в русской культуре XIX–XX веков. — М., 1998.
19. Посев. — 1995.
20. *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений, — М., 1962–1966.
21. Размышления о России и русских. — М., 1996. Вып. 2.
22. Русская политическая мысль второй половины XIX в. Сборник обзоров. — М., 1989.

23. *Соловьев В.С.* Русская идея. — М., 1911.
24. *Флоровский Г.В.* Евразийский образец // Современные записки. — Париж, 1928, №34.
25. *Чаадаев П.Я.* Сочинения и письма. — М., 1913–1914.
26. *Челышев Е.П.* Культура России в мировом контексте // Образ России в мировой культуре и образы других стран в русской культуре XIX–XX веков. — М., 1998.
27. *Челышев Е.П.* Современная культура России: Проблемы развития. — М., 1996, №1.
28. *Яковенко И.Г.* Противостояние как форма диалога. Текст II: Модернизация — процесс диалога субкультур // Рубежи. — 1995 №6.
29. *Klineberg O.* The Human Dimension in international Relations. — N. Y., 1966.
30. *Lengyel E.* Nationalism — the last Stage of Communism. — N.Y., 1966.
31. *Sorokin P.* The Essential Charakteristics of the Russian Nation in the Twentieth Century // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. — 1967. March.

О.А. Огородникова

Российские гастроли немецкой оперы в конце XIX века

На исходе XIX века немецкие оперные коллективы гастролировали в России дважды — в 1889 и 1898 годах. В сознании российского слушателя немецкая опера ассоциировалась в первую очередь с исполнением произведений выдающегося композитора Рихарда Вагнера, а в российской прессе тех лет труппы из Германии часто называли «вагнеровскими». О состоявшихся и неосуществленных проектах гастролей оперы в России — эта статья.

К концу XIX столетия Р. Вагнер был уже несколько десятилетий известен в России и как композитор, и как теоретик искусства. Знакомство с музыкой Вагнера, начавшееся для русской публики с оперных отрывков, регулярно включаемых в программы симфонических концертов, расширилось с освоением его оперных произведений отечественной императорской сценой. Поставленные Мариинским театром в 1860–1870-х годах музыкальные драмы «Лоэнгрин», «Тангейзер», «Риенци», являлись романтическими произведениями раннего периода творчества композитора. Публика, знакомая исключительно с «традиционным» Вагнером, но не с Вагнером-новатором зрелого периода, была лишена возможности составить более полное представление о его творчестве. Гастроли немецких артистов, исполнивших поздние произведения композитора, отчасти восполнили пробел в музыкальном просвещении российского зрителя и слушателя.

В ряде исследований, посвященных Вагнеру и судьбе его творческого наследия в России, отмечается, что постановки произведений композитора на отечественной сцене осуществились благодаря энтузиазму музыкальных деятелей и театральных руководителей, о двух же гастролировавших в России немецких труппах упоминается вскользь [1]. Кроме того, этим гастрольным выступлениям, как событию культурной жизни России, уделено недостаточно внимания в отечественной историографии. Считая такое положение не совсем справедливым, мы попытались «вернуть в историю» немецкую оперу.

Инициатива проведения первых гастролей 1889 года исходила от немецкой стороны в лице директора Королевского немецкого театра в Праге Анджело Неймана[1] и в целом не встретила затруднений с российской стороны. Весь комплекс организационных вопросов, связанных с гастрольной деятельностью, находился в ведении Дирекции императорских театров. Подготовитель-

[1] А. Нейман приобрел исключительное право на исполнение тетралогии у наследников Р. Вагнера в 1886 году Передвижная труппа Ноймана познакомила с «байрейтской трактовкой» «Кольца нибелунга» зрителей многих европейских стран [11: л. 1 об].

ный этап, растянувшийся на несколько лет, завершился в итоге подписанием контракта [13], в соответствии с которым «устройство вагнеровских представлений» было запланировано на время Великого поста, период, когда российские императорские театры, драматические и оперные, воздерживались от проведения спектаклей. В соответствии с обязательствами принимающая сторона предоставляла труппе Неймана помещение театра, технический аппарат, обеспечивала участие в гастрольных спектаклях оркестра и хора Мариинского театра, а гастролеры, в свою очередь, должны были провести определенное количество спектаклей и заблаговременно прислать дирижера для репетиций с русским оркестром и хором.

Благодаря энтузиазму и заинтересованности российской и немецкой сторон публика получила возможность познакомиться с неизвестными произведениями Вагнера в «байрейтской трактовке» на сцене Мариинского театра в период с 27 февраля по 23 марта 1889 года. На суд зрителей были представлены 4 оперных цикла, каждый из которых включал музыкальные драмы тетралогии «Кольцо Нибелунга» — «Золото Рейна», «Валькирия», «Зигфрид», «Гибель богов».

Спектакли исполнялись силами сборной труппы, специально скомплектованной из артистов различных немецких театров для поездки в Петербург и Москву. Основные принципы, по которым отбирались солисты, — наличие большого опыта исполнения вагнеровских партий, высокого профессионализма и популярности не только в Германии, но и за ее пределами. Такой подход характеризовал Неймана, с одной стороны, как человека добросовестного, а с другой, как мудрого организатора. В полной мере этим требованиям отвечал, например, коллега Неймана по Пражскому немецкому театру драматический тенор Адольф Вальнефер, зарекомендовавший себя талантливым исполнителем героических партий в операх Вагнера. Еще более популярной была солистка Дрезденской придворной оперы Тереза Мальтен, блиставшая в ведущих вагнеровских ролях в Байрейте, горячим поклонником творчества которой был сам маэстро, и, конечно, Карл Мук — «вагнеровский» дирижер с мировым именем, в то время первый капельмейстер Пражского театра.

Критика неустанно следила за ходом гастролей, анализируя достоинства и недостатки музыки, исполнения, спектакля в целом. Среди солистов особое признание получили: неподражаемая Брунгильда и Изольда, — «премьерша» Мальтен [7]; обладатель «чуть ли не самого красивого в труппе голоса» тенор Вальнефер — Зигмунд [9]; Фогль — «артист чрезвычайно опытный и талантливый» [8]; «симпатичная» певица Розен; исполнитель Эльблат с его «мощным басом» [7] и др. Однако замечательные вокальные данные исполнителей не так уж и важны: там, где «видное место» уделено оркестру, а по убеждению рецензентов в тетралогии Вагнера это именно так, им предоставлена всего лишь роль «декламаторов». Критики сочувственно и даже уважительно отнеслись к гражданской и человеческой позиции немецких исполнителей, которые, понимая «всю неблагодарность вокальной части» вагнеровских про-

изведений последнего периода, «всю душу положили на служение делу того, который составляет гордость их страны» [7].

Естественно, пресса не осталась в долгу перед «пропагандистом произведений Вагнера» А. Нейманом, выражая особую признательность за возможность услышать «произведения Вагнера в лучшем виде» и в лучшем же исполнении «оперных величин Германии». Превознося заслуги Неймана, не упустили возможности «уколоть» российских антрепренеров, устраивающих гастроли русской оперы за границей и не поступающих столь же достойно [7].

Действительно хороши, по мнению большинства журналистов, были: во-первых, «свой» оркестр — «украшение спектакля» [4]; во-вторых, «свой» оркестр под управлением «знатока своего дела» К. Мука [5]; в-третьих, «свой» же оперный хор, поразивший всех своей «полнотой отделки, … уверенностью и музыкальностью» [7]. Из «чужого» понравились умение артистов работать в ансамбле и, пожалуй, костюмы, которые создавались специалистами «с отличным знанием древнегерманского быта» [17]. С сожалением писали о ветхих, но подлинных байрейтских декорациях [17].

Идея организаторов провести цикл вагнеровских спектаклей (в отличие от Петербурга довольно сокращенный) в Большом театре не встретила поддержки у театрального руководства Москвы. Нежелание принимать у себя немецкую труппу администрация Московской конторы императорских театров мотивировала прежде всего «незначительной материальной выгодой» [13: л. 24, 24 об.]. Тем не менее гастроли немецких артистов в Москве по настоянию Дирекции театров все же состоялись и проходили в Большом театре.

Гастроли труппы Неймана была «первой ласточкой», первой вполне удавшейся попыткой «экспорта» из Германии в Россию оперной музыки Вагнера. Успех Неймана убедил немецких антрепренеров в том, что путь в Россию исполнителям вагнеровских произведений открыт. Мы знаем по крайней мере еще о двух запланированных, но неосуществленных по ряду причин гастролях немецкой оперы.

Одно из предложений об устройстве в течение поста 1894 года в Мариинском театре «вагнеровских» спектаклей поступило от Бернгарда Поллини — директора Городского театра в Гамбурге, человека весьма авторитетного в музыкальном мире Германии [14]. Не последнюю роль в стремлении антрепренеров «осваивать новые территории» играли причины финансового характера. Назначая неоправданно высокие цены на билеты, организаторы подчас были слишком самонадеянны, рассчитывая, что публику, желающую услышать «модную» вагнеровскую музыку в иностранном исполнении, это досадное обстоятельство не смутит, однако тут они просчитались. Существовавшая система подписки на абонементы предусматривала оплату только половины цены, но заранее и в строго оговоренные сроки. В том случае, если подписка не достигала обусловленной суммы, контракт между дирекцией императорских театров и иностранной антрепризой, как правило, расторгался. Так произошло с импресарио Поллини, который, получив «высочайшее разрешение»

на спектакли [14: л. 8], назначил слишком высокие цены, в результате чего абонементы не были распроданы. Поллини, стремясь спасти предприятие, попросил дирекцию о разрешении подписки по «уменьшенным ценам», однако, как следует из рапорта директора императорских театров И.А. Всеволожского, в этом ему было совершенно справедливо отказано «во избежание могущих быть недоразумений и неудовольствий со стороны публики» [14: л. 6 об.].

Дальнейшие события характеризуют Поллини как человека в высшей степени настойчивого и целеустремленного. Несмотря на неудачу первой гастрольной кампании, антрепренер решил повторить попытку и обратился с ходатайством о предоставлении ему Мариинского театра в течение поста 1896 года [14: л. 6 об.]. Опасаясь повторения ситуации, Поллини счел для себя возможным использование «запрещенных приемов» — в обход Дирекции обратился к «покровительству и милости Ее Императорского Величества», что, как и следовало ожидать, было расценено театральной администрацией как «желание рекламировать свое предприятие», а само поползновение — «по меньшей мере, неуместным» [14: л. 15, 15 об.]. Обращение к императрице не повлияло на ход подписки, не достигшей суммы, оговоренной контрактом. И только тогда Поллини «сдался»: обратился в дирекцию с заявлением, что «не находит для себя возможным выполнить при существующих условиях» заключенный контракт, который и был расторгнут [14: л. 31].

Директор Пражского немецкого театра Нейман, несомненно, остался доволен прошлыми гастролями, так как второе предложение исходило именно от него [15]. Как только контракт между дирекцией театров и Поллини был расторгнут, он обратился с просьбой о проведении очередных гастролей в течение Поста 1896 года, планируя еще раз продемонстрировать российским зрителям все части «Кольца». Однако театральная администрация, убедившаяся, что оперы Вагнера по «повышенным» ценам у публики особым спросам не пользуются, уставшая от настойчивости Поллини и не желающая новых неприятностей, предложение отвергла.

Идея организации гастролей 1898 года и заслуга ее осуществления принадлежала известному театральному деятелю — российскому немцу Георгу Парадизу [1].

Парадиз, будучи страстным поклонником творчества Вагнера, посетившим практически все представления его опер в Байрейте, намеревался познакомить русскую публику как с уже известными, так и с незнакомыми произведениями композитора в исполнении «самых выдающихся первых сил» Бреславльского городского театра под дирекцией Теодора Леве [19: л. 1, 1 об.]. Цикл гастрольных спектаклей планировался в Петербурге и Москве.

Воспоминания о предыдущих неудачных попытках организации «вагнеровских» спектаклей были еще свежи, и директор театров Всеволожский, в числе музыкальных предпочтений которого Вагнер стоял отнюдь не на первом

[1] Г. Парадиз был известен не только как организатор значительных турне иностранных артистов в России, но и как директор основанного им в Москве театра.

месте, затеи Парадиза не приветствовал. Для Министерства двора, а именно от этой инстанции в конечном итоге зависело, состоятся ли гастроли, директором был найден вполне благовидный предлог для отказа: Мариинский театр на время поста «следует предоставить» для «устройства инвалидного концерта», после чего потребуется время для приведения театра в порядок, невозможно предоставить и Большой театр, так как с середины Пасхальной недели открываются спектакли императорских театров [19: л. 3, 3 об.].

Все доводы Всеволожского потеряли смысл, когда из Кабинета его Величества дирекции сообщили, что царю «благоугодно было» наложить следующую резолюцию: «очень желательно, чтобы предприятие это осуществилось» [19: л. 8]. Тем не менее «предприятие осуществилось» только в Петербурге, москвичам же возможность принять у себя немецкую труппу предоставлена не была.

После принятия положительного решения, начался следующий этап подготовительной работы — составление контракта между дирекцией императорских театров и Г. Парадизом, содержание которого мы не будем специально освещать. Однако на одном из центральных пунктов контракта — финансовом, следует остановиться подробнее. С момента первых гастролей немецкие вагнеровские труппы «упали в цене», соотношение суммы, причитающейся дирекции театров и антрепренеру из валового сбора за спектакли, составило для труппы, приглашенной Парадизом, 30 и 70% соответственно [19: л. 6], такой же вариант был предложен Поллини в отличие от Неймана, настоявшего на 25 и 75% [19: л. 1 об.]. Однако Нейман был пионером в деле популяризации музыки Вагнера в России и являлся, не в пример последующим претендентам, фигурой, более «весомой» в музыкальном мире. На снижение суммы гонорара гастролерам влияли и другие факторы: недостаточная заинтересованность публики, несоответствие «цены и качества» — слишком высокие цены за билеты на спектакли подчас среднего уровня — и, наконец, конкуренция среди немецких антрепренеров.

Труппа Леве была скомплектована по тому же принципу, что и у предшественников: сборная, состоявшая преимущественно из артистов немецких театров, она обладала действительно «крупными оперными величинами Германии». Не менее «звездным» был дирижерский состав во главе с «истинным вагнерианцем» Гансом Рихтером.

Некоторые исполнители, в числе которых были Т. Мальтен и А. Вальнефер, запомнились петербургской публике по гастролям труппы Неймана 1889 года. Более «узкому кругу» были знакомы директор Т. Леве и его коллеги по театру — главный режиссер Т. Габельман и певица С. Зейдельмайер, принимавшие участие в торжественных представлениях Бреславльской оперы 1896 года в честь «русской императорской четы», за что были удостоены «высочайшего одобрения» [2: с. 73]. Дирижер труппы Б. Ставенхаген и солист Т. Рейхман запомнились по концерту в честь коронования Николая II, организованному германским посланником в Петербурге в 1897 году [2: с. 81, 113].

И последний штрих к характеристике труппы. В ее составе были выходцы из России: служивший в Бреславльском театре А. Мюльман был из Кишинева, а баритон Берлинской Королевской оперы Л. Френкель — из Одессы [2: с. 107, 117]. Замечательная певица Ф. Литвин родилась в Петербурге[1].

С 27 февраля по 27 марта Мариинский театр был предоставлен для гастрольных спектаклей немецкой оперы. В отличие от своих коллег — труппы Неймана, продемонстрировавшей «все четыре драмы громаднейшей оперы в мире», Леве ограничил репертуар двумя частями «Кольца Нибелунга» — «Валькирией» и «Зигфридом». Остальные оперы вагнеровского цикла включали как ранние произведения — музыкальные драмы «Моряк-скиталец», «Тангейзер» и «Лоэнгрин», так и оперы «Тристан и Изольда», «Нюрнбергские майстерзингеры», относящиеся к последнему периоду творчества композитора[2].

Данные о посещаемости Мариинского театра в дни гастролей позволяют судить о популярности у зрителей спектаклей труппы Леве [10]. Если большинство спектаклей русской оперы в Мариинском театре собирали полный зал — 1750 человек, то для представлений немецкой труппы столь высокая посещаемость не была характерна, что объясняется не отсутствием у публики интереса к операм Вагнера, а ценами на билеты, которые превышали обычные в 3–4 раза. Утверждения критиков, что некоторые спектакли проходили при «переполненном зале», не всегда соответствовали действительности, в среднем присутствовало чуть больше 1000 зрителей.

На первом месте по посещаемости была опера «Тристан и Изольда», она же имела наибольший успех, что немало удивило критиков, убежденных в том, что при всей глубине содержания «Тристан и Изольда» «не может привлечь внимание публики интересным спектаклем» [16: с. 385]. Гораздо меньший интерес вызвали ранние оперы композитора.

О труппе в целом у критиков сложилось положительное представление: большинство артистов обладают прекрасными голосовыми данными, замечательно держатся на сцене и владеют искусством декламации и, кроме того, «хорошо носят свой живописный костюм и типично воплощают вагнеровских героев» [5].

Анализируя выступления солистов после каждого спектакля, рецензенты выделяли несколько имен, исполнению которых всегда или почти всегда давалась высокая оценка. Создавшая «идеальный образ Брунгильды» и «восхитительная» в роли Изольды Т. Мальтен, как и девять лет назад, очаровала критиков [3: с. 131]. Благоприятное впечатление произвел И. Решке, особенно запомнились критикам созданные им образы Лоэнгрина и Тристана [3: с. 132].

---

[1] Ф. Литвин родилась в 1863 г. в Петербурге, ее отец был русским, мать — канадка. Артистическая деятельность Литвин проходила за границей.

[2] Программа труппы Леве состояла из 11 опер, 4 оперных отрывков и 2 концертных отделений. Кроме серьезных вагнеровских произведений в репертуар вошли несопоставимые с ними развлекательные оперы Гольдмарка, Масканьи, Спинелли и Гуно.

Отмечая солиста А. Вальнефера, рецензенты сравнивали его теперешнего с ним же самим девятилетней давности и убеждались, что он остался «превосходным певцом и вдумчивым артистом» [18: с. 204].

Выступления молодой артистки Ф. Литвин вызвали исключительный интерес «тружеников пера»: во-первых, потому, что она «наша соотечественница», а перед русской публикой выступала впервые, а во-вторых, потому, что она «считается за границей одной из лучших, если не лучшей исполнительницей роли Изольды» [10]. Прослушав исполненную певицей партию Брунгильды, многие пришли к убеждению, что Литвин заслуживает признания не менее Мальтен, высказывались и более категорично: Мальтен не может составить Литвин конкуренцию [16: с. 386–387]. Попутно выражалось сожаление и даже недовольство дирекцией императорских театров, которая «упустила» такую артистку для русской оперы. Заметим, что Литвин в дальнейшем принимала самое непосредственное участие в первых постановках опер «Кольца Нибелунгов» на российской сцене, чем уже в 1903 году заслужила звание солистки Его Величества.

По сложившейся традиции хвалили оркестр Мариинского театра, с ним одинаково легко работалось дирижерам: К. Муку — в 1889 году, Г. Рихтеру — в 1898 году. Замечательные качества оркестра с течением времени не изменились: для блестящего исполнения сложнейших вагнеровских опер требовалось всего 2–3 репетиции [12]. Оркестр был неизменно хорош и в операх Вагнера, и в собственном бенефисе, устроенном в рамках гастролей.

В отношении декораций особых «восторгов» не выражали. Это уже не были те подлинные байрейтские декорации, представленные труппой Неймана. Более того, не вся обстановка спектаклей была привезена из Германии, многое «позаимствовали» на месте, собрали совместными усилиями «с бору по сосенке» при самом активном участии главного балетного режиссера Мариинского театра Лангаммера. В результате обстановка была скомбинирована вполне «искусно», правда «без той роскоши», к которой «привыкли на Мариинской сцене» [16: с. 204].

Общее впечатление от восприятия прессой вагнеровских спектаклей — позитивное, те немногие недостатки, на которые указывали критики, сглаживались в потоке достоинств постановки и исполнения. И все же недостатки были. Так, к серьезным просчетам антрепризы, и это единодушное мнение журналистов, относили участие в немецкой, а тем более вагнеровской опере смешанного хора, включавшего помимо хора Мариинского театра, «несколько десятков итальянских ревунов, приглашенных из Милана» [14: №3 с. 295]. При этом все участники пели одновременно на разных языках, в итоге зрители с трудом воспринимали «коктейль» из немецкого, русского и итальянского языков.

Художественный успех немецкой оперы, получившей признание и публики, и критики, был очевиден, чего нельзя сказать о финансовом результате гастролей. Итог мероприятия не оправдал ожиданий Леве: за две недели до

окончания гастролей стало понятно, что покрыть убытки сборами с оставшихся представлений уже невозможно. Находчивый антрепренер решил поправить свое материальное положение, предложив возместить ему убытки из причитающихся дирекции театров 30% от прибыли [19: л. 79]. Заметим, что подобный пункт не был предусмотрен контрактом. Тем не менее было принято решение удовлетворить просьбу Леве. Более того, по окончании гастролей, когда ситуация стала для антрепренера критической, он снова обратился с ходатайством о выдаче ему всего валового сбора [19: л. 88–89]. Просьбу в дирекции удовлетворили[1].

Несмотря на постигшую неудачу, Леве обратился к Всеволожскому с просьбой предоставить ему на будущий, 1899 год такую же антрепризу. Вызывает недоумение надежда импресарио на то, что будущий сезон окажется «более удачным и даст возможность вернуть убытки» [19: л. 49 об.]. «Заманчивое» предложение, как и следовало ожидать, было отклонено.

Одно из немногих отрицательных следствий гастролей заключается в том, что они повлияли на отношение российской театральной администрации к немецким вагнеровским антрепризам вообще и возможному сотрудничеству с ними в будущем. Дирекция императорских театров, напуганная материальными убытками, условиями, поставленными Леве, его непредсказуемостью и прочими «затруднениями», приняла твердое решение «на будущее не сдавать театра для подобного представления» [19]. Выступления труппы под управлением Леве стали последними гастролями немецкой оперы в дореволюционной России.

Наиболее значимым результатом для русской музыкальной и оперной культуры стало то, что, под воздействием гастрольных выступлений двух немецких оперных трупп и во многом используя их опыт, Мариинский театр в Петербурге и Большой театр в Москве обратились к новым произведениям Вагнера и обновили уже поставленные оперные спектакли[2].

Литература

1. *Гозенпуд А.* Рихард Вагнер и русская культура. — Л., 1990.
2. В.Л. Немецкая опера. Ч. II. Биографии оперных артистов. — СПБ., 1898.
3. *Витол Я.* Воспоминания, статьи, письма. — Л., 1969.
4. Московские ведомости. — 1989. – №87.
5. Новости и биржевая газета. — 1898. №56.
6. Новости и биржевая газета. — 1889. №58.
7. Новости и биржевая газета. — 1889. №60.
8. Новости и биржевая газета. — 1889. №63.
9. Новости и биржевая газета. — 1889. №66.
10. Новости и биржевая газета. — 1889. №68.

[1] Леве получил в итоге 150 742 р. 80 к. (70% + 30%) [19: л. 112].

[2] Опера Р. Вагнера «Летучий голландец» вошла в репертуар Большого театра в 1902 г., Мариинского — в 1911 г. Первая постановка «Зигфрида» была осуществлена в Москве в 1894 г., с 1900 по 1905 г. в Мариинском театре были поставлены все драмы «Кольца Нибелунга», с 1907 г. тетралогия исполнялась полностью.

11. Новости и биржевая газета. — 1889. №87.
12. Новости и биржевая газета — 1898. №65.
13. РГИА. Ф. 497. Оп. 6. Ед. хр. 3951.
14. РГИА. Ф. 497. Оп. 6. Ед. хр. 4306.
15. РГИА. Ф. 497. Оп. 6. Ед. хр. 4365.
16. Русская музыкальная газета. — 1898. №4.
17. Русские ведомости. — 1889. №63.
18. Театр и искусство. — 1898. №10.
19. РГИА. Ф. 497. Оп 18. Ед. хр. 249, п. 1, 1 об.

Т.М. Порхова

Предпосылки становления системы управления образованием в Российской империи в XVIII веке

Развитие России в XVIII веке, обеспечившее постепенный выход из средневековой изоляции, реформаторские процессы, охватившие многие стороны русской жизни и направленные на укрепление государственного устройства, вызвали необходимость в большом количестве специально обученных людей-профессионалов. Это, в свою очередь, потребовало проведения реформы просвещения. Коренное изменение положения церкви, превратившейся в орудие светской власти, приводило к потере ею контроля над образованием, который постепенно переходил в руки государства. Начинался новый, «государственный» период в истории российского просвещения, когда оно стало подчиняться государству и служить его интересам.

В XVIII веке процесс «огосударствления» способствовал новому пониманию образования, проникновению в российское общественное самосознание духовных ценностей века Просвещения. Ранее, при господстве церковно-религиозного мировоззрения, воспитание и обучение, по сути одинаковое для всех социальных слоев, имело единую цель — формирование христианско-религиозного сознания. Созданию сильного светского государства должен соответствовать новый воспитательный идеал человека — светски образованного, обладающего широким взглядом на мир, сохраняющий в то же время национальные традиции, преданного Отечеству.

В обществе возникали предложения о развитии просвещения в России. Автором одного из проектов был Ф. Салтыков, сторонник реформ, сын тобольского воеводы, придворный и дипломат, обучавшийся в Голландии и Англии морскому делу. Он считал, что дело организации сети учебных учреждений должно быть обязанностью государства. В каждой губернии следовало открыть одну или две «академии», использовав для их размещения и содержания монастыри и обязав родителей отвечать за образование своих детей от 6 до 23 лет. Выпускники должны идти на гражданскую или военную службу.

По мнению Ф. Салтыкова, если в каждой «академии» будет обучаться по 200 студентов, то через 17 лет Россия сравняется с европейскими государствами в науках и со временем опередит их [5: с. 20–23.]. Одним из первых он поставил вопрос о женском образовании, предложив «во всех губерниях учинить женские школы и на то обратить женские монастыри» [5: с. 20–23.]. Таких школ он предлагал открыть 18 — по две на губернию по 500 учениц от 6 до 15 лет в каждой школе. Он считал необходимым также учреждать ремесленные и торговые училища, организовать солидные библиотеки в губернских городах.

Проекты организации образования, представленные Петру I, в полной мере реализованы не были, так как не учитывали реальных особенностей и возможностей государства того времени, но они свидетельствовали об относительно широких масштабах стремлений передовых российских людей в организации просвещения. (Феофан Прокопович, Стефан Яворский, братья Лихуды, И.Т. Посошков, Ф. Салтыков). В то же время под влиянием этих проектов единый тип образования, характерный для Петровской эпохи, разделился на два направления — церковное и светское. Главной характеристикой светского образования стали различные профессиональные школы. Другой важнейшей чертой образования стало преобладание сословного принципа его организации. Акцент начала XVIII века на профессиональную подготовку привел к тому, что государственных школ общеобразовательного характера в России долго не создавалось. Эту задачу пытались решить частные школы, которые пользовались в то время субсидиями от государства. Частные школы во многом послужили основой для дальнейшего развития школьного дела в России. Ярким представителем светского направления в русской педагогической мысли XVIII века был В.Н. Татищев, в работах которого отражены идеи практицизма и профессионализма, деловой характер эпохи[1]. Созданные им уральские горнозаводские школы существовали до конца XIX века. Центральная школа в г. Екатеринбурге была своеобразным административным и методическим центром для подобных школ.

Преемники Петра I лишь декларировали продолжение его образовательной политики. Во второй четверти XVIII века большее внимание уделялось развитию сословных, прежде всего дворянских, учебно-воспитательных учреждений: кадетских корпусов, благородных пансионов, домашнего воспитания; оформилась своеобразная система дворянского воспитания. Образование становилось постепенно признаком принадлежности к дворянскому сословию.

Для развития педагогической мысли и школьной практики в России в 40–60-х годах XVIII века большое значение имели взгляды и деятельность

---

[1] См.: *Татищев В.Н.* Записка об учащихся и расходах на просвещение в России; Разговор двух приятелей о пользе наук и училищ; Духовная моему сыну; Учреждение, коим порядком русским школам имати поступать; О порядке преподавания в школах при уральских казенных заводах и др.

М.В. Ломоносова. Ученый-энциклопедист был сторонником идеи переустройства общественной и личной жизни людей средствами правильно поставленного школьного образования, разделяя позиции деистов, пытавшихся примирить науку и религию. Цели воспитания он формулировал в рамках идеологии Просвещения, в духе демократических взглядов на обучение детей всех сословий. Деятельность Ломоносова и его учеников способствовала формированию типа ученых-исследователей, служивших Отечеству и народу.

К развитию образования проявляло большой интерес городское население страны. В 1760 году была учреждена Комиссия для рассмотрения положения русской торговли и промышленности. В магистратских донесениях на ее запрос 1764 года о состоянии городских посадов подчеркивалось большое значение образования для экономического и духовного развития народа и указывалось на необходимость последовать примеру «просвещенных политических наций», которые не только в городах и пригородах открыли школы, но на государственные средства содержат школы и в деревне [3: с. 113.]. Историк и географ Севера, член-корреспондент Академии наук В.В. Крестинин высоко оценивал роль школы в экономическом развитии, высказывался за всеобщее обучение, в том числе девочек, за открытие школ во всех городах и селах. В 1764 году Архангельский магистрат одобрил и направил в Сенат разработанный Крестининым «План всеобщего обучения посредством открытия малых школ для обучения всякого чина детей обоего пола». Сенат направил проект на утверждение в придворную канцелярию Екатерины II, где он и был «похоронен» [6: с. 566]. В проекте предлагалось учреждать государственные городские школы. Они должны были находиться на попечении местных органов самоуправления, которые обязывались вести учет детей школьного возраста, наблюдать за посещаемостью и штрафовать тех родителей, которые не обеспечивали обучения детей.

Православная традиция воспитания и обучения детей в XVIII веке сохранялась в народной крестьянской и посадской среде и оставалась вне сферы внимания государства. Образование крестьянских детей зависело от инициативы самого населения, которое приглашало «вольных учителей» обучать традиционно элементарной грамоте, чтению, счету и письму по рукописной азбуке и церковным книгам. Рождение новых форм школы требовало времени, опыта, воли для преодоления косности и инерции, укоренившихся в представлениях о том, каким следует быть образованию. В созданной петровскими преобразованиями школе новыми были предметы обучения, формы их преподавания оставались традиционными, идущими из прошлых веков. Устаревшая методика обучения была серьезным и объективно существующим препятствием к созданию новой массовой школы наряду с причинами экономическими, социального, политического плана.

На педагогические воззрения Екатерины II и ее окружения несомненное влияние оказывали идеи французских философов-энциклопедистов. Главным

условием формирования «новой породы людей» (выражение императрицы) она считала воспитание. По свидетельству секретаря императрицы А.В. Храповицкого, Екатерина придавала школе исключительное значение. Екатерина II считала, что заведение и утверждение народных школ приведет к тому, что «в 60 лет все расколы исчезнут», а «невежество истребится само собой», при этом «разнообразные в России обычаи приведутся в согласие и исправятся нравы» [4: с. 9].

К 60–80-м годам XVIII века окончательно оформилась идея создания общеобразовательной школы для широких слоев населения (кроме крепостного крестьянства) не с узкопрофессиональной и сословной, а с педагогической целью воспитания. Заимствованная, прежде всего у Ж.-Ж. Руссо, и имевшая антисословное, антипатриархальное содержание, идея создания «новой породы людей», формы и методы воспитания, подсказанные французским философом, привлекли внимание императрицы, «творчески» переработавшей эти положения. Программным документом стал «Наказ» Екатерины II. Он определил направления государственной политики в области образования и просвещения второй половины XVIII века, закрепляя сословную организацию общества. Воспитание преданного самодержавию и законопослушного гражданина должно стать задачей правильно поставленной школы, изолировавшей ребенка в период его обучения от общества.

Представляет интерес рассмотрение вопросов постановки школьного дела членами Уложенной комиссии в 1767–1768 годах. В числе образованных Большим собранием Уложенной комиссий была созданная в мае 1768 года «Комиссия о училищах и призрения требующих». Она составила проекты устройства 4 групп учебных заведений и передала их в дирекционную комиссию. Комиссия считала необходимым создать 1) нижние деревенские училища; 2) нижние городские училища; 3) средние училища; 4) училища для иноверцев. Надзор за школами был возложен на духовенство и выборных представителей дворянства, главное заведование школьным делом — на архиереев и губернаторов. Управление гимназиями носило двойственный характер, подчиняясь архиереям и губернаторам; архимандриту, назначенному Синодом, и светскому ректору, назначенному университетом. Комиссия была закрыта в 1771 году, не успев рассмотреть университетский вопрос [4: с. 13]. В комиссии все же был поставлен вопрос об организации управления школьным делом. Академия наук предложила учредить центральное учебное управление. Оно должно было состоять из 9 лиц и находиться в ведении верховной власти, не давая никому отчета, кроме государя. В состав членов этой комиссии трое должны избираться из «знатных просвещенных любителей наук», остальные — из ученых. Если кто-то из членов выбывал, то полагалось выбирать трех кандидатов, а верховная власть должна была утвердить одного из них. Эти люди должны были заведовать всеми учебными заведениями, составлять общий план и уставы учебных заведе-

ний, осматривать их. Комиссия инициативу не поддержала, в записке от 3 августа 1770 года отметила, «чтобы особливого правления не делать, а подчинить оные Правительствующему Сенату».

Единственным законодательным актом 70-х годов XVIII века, коснувшимся вопросов народного образования и связанным с деятельностью Комиссии, было «Учреждение для управления губерний Всероссийской империи». Следуя идее Петра I о возложении обязанности устройства элементарного образования на органы местного управления, Екатерина II вверяла «попечение и надзирание о установлении и прочном основании народных школ» на приказы общественного призрения. Это пожелание осталось на бумаге, так как в распоряжении приказов не было ни денежных средств, ни учителей, ни школьных помещений, ни учебных руководств. Д.А. Толстой, министр народного просвещения России в 1866–1880 годах, считал, что Екатерина II даже не знала о трудах комиссии по вопросам народного образования. Эти планы в совокупности представляли систему народного просвещения с центральным учебным управлением во главе и, хотя они не были осуществлены, свидетельствовали о назревшей в передовых слоях русского общества потребности в ней. Общество в определенной степени востребовало просвещенного человека, сочетавшего общую образованность с профессиональной подготовкой, и предлагало свои планы решения этой задачи. Государство стремилось инициативу создания такой школы не упустить из своих рук. В 1779 году в ответ на сообщение о том, что передовое дворянство Калужской и Тверской губерний собирается самостоятельно открыть школы, Екатерина II нашла такое усердие «преждевременным» и предложила «ожидать от императрицы общих правил и инструкций об открытии школ» [2: с. 352.].

Принципы организации воспитания и обучения, принятые в народных школах, правительство устраивать не могло. Предложенные в ряде проектов идеи всесословности, всеобщности, участия общества в школьном деле также не могли быть приняты за основу создаваемой российской системы воспитания. Мысли Екатерины II о преобразовании дела воспитания и образования молодежи были воплощены в документах школьной реформы 1782–1786 годов. В этот период своего царствования она во многом пересмотрела свою просветительскую позицию и сделала акцент на создании школ для мещан в губернских и уездных городах по всей России. К идее воспитания «новой породы» людей она уже не возвращалась.

Для Екатерины II 70-е годы XVIII века были временем поиска материалов о школах, гимназиях, университетах. Она обращалась к «господам философам» (Гримм, Дидро) за рекомендациями по этим вопросам. Только в начале 80-х годов XVIII века, после свидания с Иосифом II, познакомившись с успехами австрийских нормальных школ, она остановились на мысли ввести эту «методу» в России. Обратившись к иностранному опыту, власть пришла к решению перенести в Россию Саганскую систему обуче-

ния, положенную в основу школьной реформы, проведенной в 70-х годах XVIII века в Австрии[1].

Для введения этой системы в России Екатерина II по рекомендации императора Иосифа пригласила в Россию директора народных школ в Темешварском Банате православного серба Ф.И. Янковича де Мириево (1741–1814), под руководством которого в этом районе было открыто около 100 школ, работавших не строго по Саганской системе, а под влиянием славянской педагогической традиции и педагогики Я. Коменского [3: с. 147.].

Выступления представителей городского населения в Комиссии по составлению нового Уложения с требованиями о создании школ, развитие общественной инициативы в организации народных училищ, возникающее в правительственных кругах опасение, что дело воспитания детей может оказаться независимым от контроля администрации, заставили вплотную заняться устройством городских школ. Школы были крайне необходимы для подготовки чиновников, мелких служащих государственного аппарата на местах, который в эти годы увеличился в связи с проведением мероприятий по укреплению административных органов власти.

Высочайшим указом 7 января 1782 года была создана Комиссия под руководством сенатора П.В. Завадовского для рассмотрения плана Янковича о школах [1]. Комиссия должна была представить его на утверждение императрице, а также начать «заведение народных школ», начав со школы, где директором был назначен Янкович. Членами комиссии были назначены академик Ф. Эпинус и высокопоставленный чиновник П.И. Пастухов, челобитные в кабинете императрицы принимал Янкович [4: с. 16, 17]. Созданное учреждение через 20 лет стало ядром Министерства народного просвещения. По указу 7 сентября 1782 года Комиссия об учреждении народных училищ в Российской империи должна была: 1) составить и постепенно приводить в исполнение общий план народных училищ; 2) подготовить учителей; 3) перевести на русский язык или написать необходимые учебные руководства. Таким образом, правительство возложило на нее разработку государственного школьного устава, составление учебных планов школ, издание учебников, методических

[1] Система (Саганский метод), зародившаяся в Пруссии, была упрочена и разработана австрийским церковным деятелем и педагогом И.И. Фельбигером, настоятелем августинского монастыря в г. Сагане (Силезия). В 1774 г. императрица Мария-Терезия пригласила его для преобразования австрийских школ, назначив директором нормальной школы (учительской семинарии) в Вене и членом центральной австрийской учебной комиссии, поручив разработать положение о начальном народном образовании. В этом уставе, утвержденном 6 декабря 1775 г., были изложены основы новой системы. Народные школы делились на элементарные, средние и нормальные, т.е. образцовые школы или учительские семинарии, готовившие учителей для народных училищ. Каждая школа управлялась своим попечителем, а несколько школ — главным попечителем. В каждой провинции учреждалась училищная комиссия с участием в ней директора нормальной школы или учительской семинарии. Главное управление народным начальным образованием было в Вене — General-Direction des Deutschen Schulwesens, при которой состояла главная учительская семинария.

руководств, наглядных пособий и подготовку учителей. Никто из членов комиссии не занимался прежде школьным делом, им пришлось приглашать к работе в комиссии научные учреждения и отдельных педагогов. Для заведования учебной частью к ней был прикомандирован Ф.И. Янкович, назначенный членом комиссии в 1797 году, после смерти императрицы.

«План к установлению народных училищ в Российской империи» Екатерина II утвердила 21 сентября 1782 года. По этому плану училища делились на три разряда: малые или низшие, средние и главные. Опыт применения новой системы в Петербургской губернии был удачен, и в 1786 году решили распространить его на всю страну. К этому времени были подготовлены учебные пособия и преподавательские кадры (100 учителей). В апреле 1786 года последовало высочайшее провозглашение об открытии главных народных училищ в 25 губерниях. На губернаторов возлагались подготовка училищ к открытию и выделение денег для их содержания из средств местных приказов общественного призрения. Комиссия выработала главный документ школьной реформы — новый «Устав народным училищам в Российской империи», высочайше утвержденный 5 августа 1786 года. Он сменил временный учебный план 1782 года и впервые ввел «прочные основы всеобщего народного образования в России», создавая стройную, единую образовательную систему [4: с. 19.].

По «Уставу» 1786 года народные училища делились на главные (срок обучения 5 лет) и малые (2 года). Средние училища были признаны лишними. Главное управление народными училищами оставалось в руках Комиссии, которая называлась Главным училищным правительством и подчинялась непосредственно верховной власти. Местное управление училищами в губерниях вверялось губернатору. На содержание главного народного училища отводилось 2500 рублей, малого училища — 500 рублей в год [4: с. 20]. Руководство учебной частью в каждой губернии вверялось директору народных училищ, назначаемому генерал-губернатором, который заседал в Приказе общественного призрения по училищным делам и был обязан раз в неделю осматривать губернское училище, а уездные училища по крайней мере один раз в год. Должность директора народного училища была штатной и оплачиваемой, что делало ее достаточно привлекательной для чиновников. В «Уставе» ничего не говорилось о запрете совмещать эту должность с другими видами службы, в том числе и в местной администрации. Это открывало возможность занимать ее по совместительству, не покидая ради нее более престижных и доходных мест.

В то же время должность смотрителя уездных народных училищ, выбираемого Попечителем, то есть губернатором из жителей городов, где имелись малые народные училища, выглядела малопрестижной. Смотритель был обязан контролировать учителей, учеников, училищные здания и нужды, собирать и отправлять в Приказ общественного призрения различные сведения об училище и др.

Комиссия в 1783 году издала также «Правила для учащихся в народных училищах», «Руководство учителям первого и второго класса» И.И. Фельби-

гера, адаптированное к русским условиям Ф.И. Янковичем. «Руководство» разъясняло смысл и принципы организации классно-урочной системы обучения, которая российскими учителями не практиковалась.

По замечанию Д.А. Толстого, в «Уставе» 1786 года «так подробно разработавшем систему народного образования, особенно поразительным является полное умолчание о духовенстве». Это, по его мнению, было вызвано тем, что духовенство не было готово к учительской деятельности и светские учителя преподавали Закон Божий по учебнику, написанному Янковичем.

По положению 1786 года заботы о дальнейшем развитии системы народных училищ были возложены на Комиссию, которая обеспечивала училища учителями и учебными пособиями. По плану Ф.И. Янковича органы местного управления должны были подбирать помещения, приглашать и готовить учителей, выделять училищам материальные средства. Почти ничего этого сделано не было. Учрежденная при комиссии учительская семинария как временное учреждение скоро пришла в упадок. В 1792 году учение прекратилось, в 1794 году возобновилось, а в 1801 году был последний выпуск учителей. Всего в ее стенах было подготовлено 420 учителей [4: с. 21].

Вместе с тем Комиссия обращала внимание, что в Московской губернии, «изо всех богатейшей», «едва и в половине городов» организованы училища, «да и в самой Москве малых и народных училищ, да и то не самым лучшим образом содержимых, считается только шесть, число ни пространству, ни многолюдству города не соответствующее». В ряде других регионов существовали только главные училища, открытые стараниями прежде всего столичной училищной Комиссии по прямому указанию верховной власти.

В 1789 году член Комиссии О.П. Козодавлев провел в 10 центральных губерниях ревизию народных училищ. Кроме обнаружившихся недостатков он отметил, что их курс слишком высок для потребностей городского населения, родители не видят пользы от учения в старших классах. Всего в 1801 году в России было 315 училищ, 790 учителей и 19 915 учащихся, в том числе 1787 женского пола. «Все сии школы находятся везде в совершенном единообразии», — сообщала комиссия Непременному совету [4: с. 22]. В этих государственных, организованных по западноевропейскому образцу школах учились преимущественно дети дворян, духовенства и части купечества. Народными эти училища не были, так как проектируемый план народного образования осуществлялся частично. Тем не менее следует признать, что в XVIII веке была предпринята попытка создать в России сеть учебных заведений с едиными учебными планами, классно-урочной формой обучения, едиными методиками и учебниками, началась профессиональная подготовка учителей. Комиссия об училищах по «Уставу» 1786 года во многом выполняла организационные функции координирующего центрального органа. Все это послужило основой для создания в XIX веке централизованной государственной системы образования.

Новой учебной системе были подчинены все общеобразовательные и некоторые специальные учебные заведения, возникшие в разное время, находящиеся в разных ведомствах и не объединенные каким-либо общим планом (немецкие училища, частные школы и пансионы). Вне влияния Комиссии оставались польские училища, подчиненные или приказам общественного призрения, или эдукационной комиссии[1] при польском правительстве. Доклад о преобразовании польских училищ западного края по образцу русских народных училищ 6 декабря 1801 года был представлен комиссией Александру I. Однако с учреждением Министерства народного просвещения, Учебное управление западного края стало превращать школу в орудие польского влияния.

Духовным школам также рекомендовались учебные планы и методы народных школ. Комиссия участвовала в преобразовании учебных планов некоторых заведений, отличавшихся по своему типу от народных училищ. Такие разнородные заведения, как училища Воспитательного общества благородных и мещанских девиц, Сухопутный шляхетский корпус, казенные гимназии, Инженерный кадетский корпус, училища солдатских детей, Рязанское дворянское училище, следовало приблизить к главным народным училищам.

Указом от 29 января 1786 года определялся следующий этап работы комиссии, который должен был завершить создание учебной системы, а самой комиссии придать авторитет Министерства народного просвещения: ей следовало приступить к составлению планов университетов и гимназий. Комиссия считала, что только в последней четверти XVIII века, когда на прочных основах поставлена система начального образования, наступило время «насадить» в России высшее образование. Для этого предполагалось на основе устава Московского университета и плана учебных заведений Австрии создать три университета — в Пскове, Чернигове и Пензе. В состав проектируемых университетов богословский факультет не входил. Университеты должны были включать три факультета — философский, медицинский и юридический [4: с. 26]. Цель университета, как отмечали члены комиссии, «доставление государству людей, могущих отправлять служения». При приеме в эти высшие учебные заведения не должно быть сословных ограничений: «путь к просвещению отверзается каждому». Науки должны были преподаваться на русском языке. Во главе университета стояло правление: ежегодно избираемый ректор и «надзиратели» факультетов. Права куратора или попечителя принадлежали местному генерал-губернатору. Высшим начальством над университетами являлось «Главное училищ правительство, именуемое комиссией об учили-

[1] Комиссия национальной эдукации [Komisja Edukacji Narodowej (от лат. *educatio* — воспитание)] — руководящий орган просвещения в Польше в 1773–1794 гг. Основана после ликвидации ордена иезуитов для использования его материальной базы в целях создания новых школ. Реформировала систему среднего и высшего образования, придав ему светский характер, расширив преподавание естественно-научных предметов, утвердив преподавание на польском языке. Деятельность комиссии имела большое значение для развития польской культуры и просвещения.

щах». На ежегодное содержание каждого университета определялось не более 40 тыс. рублей [4: с. 27]. Этот план должен был лечь в основание университетского устава.

Однако создать полную систему народного образования комиссии не удалось: более или менее прочно и удачно были поставлены элементарные школы — малые народные училища. Главные народные школы не удовлетворяли потребностям общества и не готовили к высшей школе. Вопросом о гимназиях как школах, дающих законченное среднее образование и готовящих в университет, комиссия не занималась. Подробно разработанный план университетов остался в проекте. Положение самой комиссии как Главного училищного правительства было недостаточно устойчиво и определенно. Во все время своего существования она имела характер скорее временного, чем постоянного учреждения, входившего в состав высшего государственного управления.

«Устав» 1786 года поставил комиссию как Главное училищное правительство под непосредственное ведение монарха. Свои доклады и отчеты комиссия обязана была представлять только императрице. Сначала Екатерина II с особенным вниманием следила за учебной реформой. Ей представлялись на утверждение все, даже мелкие постановления комиссии. Впоследствии комиссия считала возможным обходиться без высочайшего утверждения, «не отягощая ее величество оными докладами» [4: с. 28].

Император Павел I рескриптом от 3 января 1797 года на имя П.В. Завадовского выразил признательность комиссии за труды «в распространении училищ, служащих к просвещению народному и пользе общественной». Указом от 24 июля 1797 года Павел I повелел «называть училища школами». Комиссия по учреждению училищ также решила себя называть Комиссией по учреждению школ.

Придав комиссии как Главному училищному правительству авторитет министерства, «Устав» 1786 года не коснулся ее отношения к Сенату, третий департамент которого по закону 1763 года занимался делами Академии наук, Московского университета, Академии художеств и всех прочих гражданских школ и училищ. До 1800 года Сенат не имел никаких сведений о подведомственных ему заведениях и не вмешивался в дела комиссии. По предложению генерал-прокурора Обольянинова 15 марта 1800 года Сенат предписал комиссии представить отчет о количестве школ и о правилах, которыми они должны руководствоваться. Такие же сведения должны были доставить и гражданские губернаторы о подчиненных им учебных заведениях. Комиссия в апреле 1800 года представила Сенату краткую характеристику состояния народных училищ. В феврале 1801 года Сенат вновь потребовал от Комиссии об учреждении училищ, юстиц-коллегии, польско-католического департамента, всех губернских правлений представить необходимые сведения об учебных заведениях с приложением подробных списков всех воспитанников. Этим ограничились сношения комиссии с Сенатом, не приведя ни к каким результатам.

По восшествии на престол Александра I комиссия по своей инициативе представила рапорт о своей деятельности. Вслед за тем генерал-прокурор Беклешов обратился в «первоприсутствующему» в комиссии Свистунову с предложением представить члену Непременного совета сенатору Трощинскому, на основе Высочайшего указа Сенату от 30 марта 1801 года о доставлении сведений о состоянии дел в учреждениях российской империи, все сведения об учебных заведениях. Комиссия представила свой первый доклад Сенату, добавив ведомость о доходах комиссии, числе школ, учителей и учащихся, реестр изданных книг и пособий.

До ноября 1799 года председателем комиссии был граф П.В. Завадовский. После его увольнения председателем стал член комиссии сенатор П.С. Свистунов [7: S. 188.]. Сначала комиссия собиралась 2 раза в неделю — по вторникам и субботам в 10 часов утра в доме Завадовского, с 1785 года — в доме Главного народного училища в Петербурге. С октября 1784 года комиссия собиралась только раз в неделю. С 1787 года заседания стали еще реже и в неполном составе. Делопроизводство комиссии вела канцелярия. По утвержденным 16 марта 1784 года штатам на жалованье 2 секретарям, переводчику и 2 писцам, на наем сторожа и на канцелярские расходы было назначено 2600 руб. ежегодно [4: с. 28.]. Кроме этой штатной суммы финансовые средства комиссии состояли из доходов с дома купца Щукина, купленного казной и указом от 18 июля 1783 года пожалованного комиссии. Отдавая в этом доме в наем лавки и торговые места, комиссия увеличила приносимый им доход с 10 090 до 50 009 руб. Из этой «экономической» суммы ежегодно расходовалось до 35 000 руб. на содержание учительской семинарии, издание книг и учебных пособий, путевые расходы на доставку студентов из духовных семинарий, отправку учителей по требованиям Приказов общественного призрения. Излишек доходов вносился в Государственный Земельный банк для приращения капитала, который в 1801 году достигал 192 000 рублей [4: с. 30].

Таким образом, во второй половине XVIII века не все образовательные проекты в области народного просвещения были осуществлены. Современники замечали, что дело народного образования в конце XVIII века представляло необычную смесь и пестроту, не было создано законченной системы народного образования. Главной причиной этого были недостатки в организации центрального учебного управления. Комиссия, учрежденная с целью ввести в России австрийскую систему народных школ, не обладала полнотой власти, авторитетом и материальными средствами, чтобы довести до конца здание этой системы. На рубеже XVIII–XIX веков из всех очередных вопросов народного просвещения на первый план выдвигался вопрос о создании центрального органа управления, объединяющего в своих руках и проводящего правительственную политику в народном образовании.

Следует согласиться с теми исследователями, которые отмечают, что спонтанное развитие русской светской школы на путях профессионального и сословного образования, начатое Петром I и его ближайшими преемниками,

не затронуло основную массу населения городов, не говоря уже о селе. Даже значительная часть дворянства, особенно провинциального, была вынуждена удовлетворяться традиционными и домашними формами обучения. Создание научного центра в лице Академии наук и основание первого русского университета в Москве не смогли сами по себе стимулировать развитие общего массового образования, соответствующего новому времени.

Российское общество оказалось не способным ни подтолкнуть традиционную школу грамоты к эволюции в более развитые формы, ни предложить новые виды частных или общественных учебных заведений. Инициативу в деле развития общего образования, как и в отношении специального образования, должно было взять на себя государство. Однако оно могло сделать это в начале XIX века в связи с реформой высшей администрации, преодолевая узкие прагматические и корпоративные представления о роли школы.

Литература

1. ПСЗ. Т. 21, №15507.
2. *Милюков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. Ч. III. — СПб., 1904. Вып. 2.
3. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. XVIII в. — первая половина XIX в. — М., 1973.
4. *Рождественский С.В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. — СПб., 1902.
5. *Салтыков Ф.С.* Пропозиции. — СПб., 1891.
6. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Кн. XIII. — М., 1965. Т. 26.
7. *Amburger E.* Geschichte der Behörgorganisation Russlands von Peter dem Grossen bis 1917. — Leiden: Brill, 1966.

Е.И. Щулепникова

Из опыта преподавания исторического краеведения в 1920-е годы

Одна из основных задач фундаментальной общеобразовательной подготовки будущего учителя — изучение истории.

Двадцатые годы прошедшего столетия историки называют «золотым десятилетием советского краеведения». Изучение родного края, его прошлого — ответственная задача и в наши дни. О невиданном подъеме развития отечественного краеведения эта статья.

Изучение истории — неотъемлемая часть фундаментальной общеобразовательной подготовки будущего учителя. Поэтому и ответственность, лежащая на нас, преподавателях, очень велика. Мы обязаны не только грамотно и профессионально изложить материал, но и заинтересовать студента своим предметом, помочь ему понять величие и многоаспектность русской истории, ее место во всемирно-историческом процессе. Понятно, что уровень подготовки студентов может быть различным. Не секрет, что во многом нам приходится заполнять пробелы в знаниях учащихся, оставленные после окончания средней школы. Жаловаться на слабые знания студентов не хотелось бы. Многие из них искренне любят историю и старательно изучают эту дисциплину на хорошем уровне. Но есть школьный предмет, который, кажется, «прошел мимо» большинства выпускников столичных школ. Этот предмет — «Москвоведение». Нередко мы не можем получить от наших учеников ответы на самые простейшие вопросы по истории Москвы и Подмосковья. Молодые люди, помнящие даты правления Ивана Калиты и Ивана III, не могут вспомнить, в какую эпоху строился Московский Кремль. Многие из них могут подробно рассказать о внутренней и внешней политике Екатерины II, но затрудняются назвать памятники зодчества Москвы XVIII века и тем более вспомнить их создателей и определить архитектурные стили. Еще плачевней кажутся представления ребят о географии нашего края. Знакомство с Московской областью ограничивается местоположением собственной дачи и летнего лагеря, где они отдыхали в детстве. Коренные москвичи часто не знают, где находятся исток и устье реки Москвы, какие еще реки протекают в нашем регионе, не могут назвать крупнейшие лесные массивы Подмосковья. Почти никто не имеет представления о редких исчезающих видах животных и растений, сохранившихся в нашем регионе. Разумеется, есть исключения, но они, как известно, не отменяют правил. Ни в коем случае не стоит винить в сложившейся ситуации отдельные школы и тем более учителей. Очевидно, что серьезные ошибки

были допущены на общемосковском уровне еще в 1990-е годы, когда курс «Москвоведение» повсеместно внедрялся в столичных школах. В настоящее время число часов, отведенных на этот предмет, сокращается, многие школы полностью от него отказались. Думается, это неверный путь — ведь интерес к родному краю и его прошлому у нашей молодежи есть. Студенты очень любят организованные преподавателями экскурсии, часто вспоминают интересные экскурсии, которые посещали, еще учась в школе. Для того чтобы решить вопрос о преподавании в школах краеведческих дисциплин, представляется полезным обратиться к опыту педагогов 1920-х годов.

Двадцатые годы — расцвет краеведения. Краеведческое движение, зародившееся и оформившееся еще в дореволюционную эпоху, переживало невиданный подъем. Краеведческие организации работали не только в губернских городах, но и в уездах. Всего по стране существовало около двух тысяч краеведческих обществ [19: с. 157]. Было создано Центральное бюро краеведения, которое возглавлял выдающийся востоковед академик С.Ф. Ольденбург. Он писал, что одно из первых мест в краеведческой работе принадлежит учителю: «…при надлежащем использовании краеведения в школе он имеет под рукой кадры учеников, которых он может постепенно приобщить к делу, научив их наблюдать над явлениями окружающей природы и человеческой жизни» [7: с. 40].

Педагог и краевед М.Я. Феноменов определил три аспекта краеведческой работы. По его мнению, краевед может позиционировать себя как патриот, как хозяйственник и, наконец, как ученый-теоретик. Педагог, занимающийся краеведческой работой среди детей и молодежи, обязан умело сочетать в своей деятельности все три эти аспекта [16]. М.Я. Феноменов предлагал внедрять в отечественных школах методику немецкого педагога-историка Текленбурга, где курс истории Германии и истории немецкой литературы увязывался с историей конкретного города. В его книгах учащимся предлагалось определить, как выглядел город, кто его населял, какие из существующих ныне зданий были построены в ту или иную эпоху. Размышляя о задачах, выполняемых при применении такой методики, М.Я. Феноменов делает интересный вывод. «Ни в каком случае, — пишет этот автор, — нельзя ставить целью при изучении истории — дать ученикам известный моральный кодекс. Исторические образы должны действовать на душу ребенка как образы художественные, и в этом их воспитующее значение» [15: с. 18].

Разумеется, точка зрения М.Я. Феноменова в наши дни представляется спорной. Однако в контексте воззрений на историю и методы ее преподавания в то время многое становится понятным и объяснимым. Во-первых, в 1920-е годы педагоги все чаще задумывались над проблемами междисциплинарных связей истории и литературы. В педагогических журналах предлагалось проводить уроки на темы «Россия в эпоху Николая I по «Мертвым душам» и «Запискам охотника», «1860-е годы по роману «Что делать?» и т.д. [3: с. 8–9]. Во-вторых, и это, наверное, главное, историческая наука пережи-

вала тогда непростые времена. Господствующие позиции завоевывала школа М.Н. Покровского. Историческая наука все более попадала под пресс партийно-идеологического диктата и должна была строиться на единой марксистско-ленинской методологии. Н.М. Покровский возглавил Главное управление архивным делом. Обращаясь к коллегам-архивистам, он говорил: «Спасая старые архивные документы, вы сохраняете то оружие, при помощи которого рабочий класс вел, ведет и будет вести борьбу со своим классовым противником» [9: с. 23]. Еще более радикальными были взгляды историка-марксиста на преподавание истории. Выступая перед педагогами, М.Н. Покровский характеризовал античную историю следующим образом: «В основе лежат, вероятно, какие-нибудь сказки, былины, народные легенды… на основании этого можем ли мы восстановить действительную историю Римской империи ранних веков? Ведь это очень трудно. Это все равно что на основании какого-нибудь памфлета, написанного белогвардейцем и «исправленного» черносотенцем, восстанавливать историю Советской России». Исходя из этого, М.Н. Покровский предлагал начинать изучение истории с эпох бурной классовой борьбы: историю стран Европы с XIV–XV вв., а историю России с «бунташного» XVII века [8: с. 13].

Мы, преподаватели начала XXI века, часто говорим о сложных задачах, которые поставила перед нами переходная эпоха. Нам необходимо, сохраняя традиции предшественников, включать в свой курс и в свою методику новые подходы, концепции, суждения. А каково было педагогам 1920-х годов, воспитанным на трудах С.М. Соловьева, В.О. Ключевского, Н.И. Костомарова, воспринимать вульгарно-классовый подход к истории! Думается, краеведение приходило им на помощь. Ведь история родного края почти свободна от идеологической тенденциозности. Разумеется, веяния послереволюционного времени вторгались и в эту сферу. Однажды группа рабочих написала в газету резкое письмо с жалобой на экскурсовода, знакомившего их со знаменитой усадьбой «Архангельское». Суть претензии состояла в том, что экскурсовод освятил лишь эстетическую ценность памятника и ничего не рассказал о жизни княжеских крепостных и о классовой борьбе [10: с. 109]. И все же местная история легче преодолевает подобные трудности, чем история страны в целом. История родного края может включать в себя и социально-экономическую историю, и историю культуры, и многое другое. Исходная точка ее изучения — не начало классовой борьбы, как хотел М.Н. Покровский, а основание того или иного города или села.

Приобщение школьников к краеведческой работе приветствовало руководство Наркомпроса. Н.К. Крупская говорила: «Вот на каждом шагу ощущаешь необходимость того, чтобы всю нашу работу пропитало всестороннее знакомство с краем» [19: с. 162].

Краеведение рассматривалось как комплексная дисциплина. История родного края изучалась наряду с его географией, природой, экономикой и культурой. Например, краеведы из Переславля Залесского составили краткую

анкету под названием «Познай самого себя» [19: с. 163]. В 1923 году съезд педагогов-естественников принял специальную резолюцию, где говорилось: «Применение исследовательского метода мыслится в тесной связи с изучением местного края» [1: с. 169]. Формирование методических и практических основ краеведческой работы среди учащихся проходило через дискуссии и обсуждения. Однажды «Учительская газета» упрекнула краеведов в излишней усложненности заданий для школьников. Ученикам предлагалось самостоятельно обследовать предприятия своего региона, выяснить степень их хозяйственной независимости, установить социальный состав пассажиров ближайшего вокзала и т.д. В ответной статье участники краеведческого движения пояснили, что они никогда не навязывали и не собираются навязывать подобные задания ни школьникам, ни учителям. Все краеведческие программы и планы, по мысли краеведов, служат исключительно формированию у подрастающего поколения «альтруизма, чувства гражданственности, являясь одним из важных средств школьного воспитания» [14: с. 331–334].

Остановимся подробнее на деятельности краеведов Москвы и Подмосковья. Основанное в 1925 году, Общество по изучению Московской губернии (с 1930-х годов Московское областное бюро краеведения) было одним из самых сильных по численности и составу. К 1930 году в общество входило 595 человек, 35% из них имели звание профессора. Председателем был С.Б. Веселовский, среди активных членов можно назвать такие имена как Л.А. Виноградов, Ю.В. Готье, А.В.Чаянов, С.В. Бахрушин, А.В. Арциховский, Б.Б. Кафегауз [17]. Особого внимания заслуживает деятельность будущего академика М.Н. Тихомирова. В те годы он организовал музей в подмосковном Дмитрове, ставший одним из самых значимых центров музейной и краеведческой работы [14: с. 159]. Имел Михаил Николаевич и опыт работы школьным учителем. Поэтому в числе прочих он участвовал в школьной секции общества. М.Н. Тихомиров составил для школьников атлас и рабочую тетрадь по изучению Московской области. В этих пособиях была применена новейшая для того времени методика. Тематические карты снабжались фотографиями и диаграммами. В комплект входили и контурные карты [18: с. 308–309].

Большой вклад в дело изучения Москвы внес А.Н. Гейнике. А.Н. Гейнике по праву считается основателем туризма и экскурсионного дела в нашей стране. Он разработал методические пособия и планы по проведению экскурсий, где органично сочетаются географический, исторический и историко-культурный подходы. Экскурсии по Москве Николай Александрович считал нужным начинать с показа природных объектов — рельефа местности и водоемов. В трудах А.Н. Гейнике указывалось, где после подробного рассказа о московских реках, составе почв и возвышенностях следует плавно перейти к исторической части экскурсии. Он объяснял экскурсоводам, в какой части экскурсии следует рассказать о происхождении названий Песковские переулки, Сивцев Вражек и т.д. Н.А. Гейнике составил подробный план рассказа по истории Красной площади, московских слобод и улиц. По его мнению, руко-

водитель экскурсий должен максимально раскрыть возможности зрительного восприятия человека. Он рекомендовал не поучать экскурсантов, не навязывать им своего мнения. Н.А. Гейнике стремился к тому, чтобы на основе увиденного и услышанного экскурсанты научились самостоятельно запоминать и осмысливать историю нашей столицы [2].

Оригинальную методику преподавания истории и краеведения разработал Е.А. Звягинцев. Еще до революции он прославился как организатор народных школ и учительских курсов в разных регионах страны. Е.А. Звягинцев настаивал на том, что учебный курс истории в школе должен быть построен по принципу изучения «групп исторических явлений». К таким группам, согласно методике Е.А. Звягинцева, относились «история культуры материальной, развитие культуры духовной, развитие форм общежития, суда, политических учреждений». Особое значение он придавал «местному элементу в изучении истории» [4]. Экскурсии для детей Е.А. Звягинцев предлагал начинать не с достопримечательных мест, а с улиц, находящихся в районе данной школы. После этого он рекомендовал перейти к плану города в целом, чтобы дети увидели процесс московского градостроительства в его историческом развитии. Одним из последних этапов экскурсионной работы в Москве должно было стать знакомство с Кремлем и его историей [10: с. 116–117].

Выдающимся педагогом-краеведом был А.Ф. Родин. Необычно широк был круг интересов Александра Феоктистовича. Его интересовали русская история эпохи Смуты, просветительская и научная деятельность М.В. Ломоносова, реконструкция городов, детское творчество. Все это с большим успехом могло совместить в себе краеведение. Краеведческую деятельность А.Ф. Родин начал еще до революции. С 1910 года вместе с группой единомышленников он организовал экскурсии в исторические районы Москвы, в Архангельское, Ясную Поляну и другие памятные места. В это же время А.Ф. Родин стал заниматься внешкольной педагогикой среди московских детей. Эту деятельность он продолжил и после революции, работая инспектором отдела реформы школы Наркомпроса. Сотрудники отдела, помимо всего прочего, разрабатывали проект школы-клуба, где образовательная сторона учебного процесса была бы тесно связана с воспитательной. Группа педагогов, куда кроме А.Ф. Родина входили С.Г. Розанов, Л.Г. Марц, Н.П. Булатов, составляла планы внешкольной работы, программы детских утренников, сценарии праздников и т.д. В своих воспоминаниях Н.И. Сац писала: «Они владели зрительным залом, как хороший дирижер симфоническим оркестром… Для них не составляло никакого труда рассадить посетителей детских спектаклей по росту на ненумерованные места, затеять на бульваре игры с сотнями ребят» [11: с. 86]. А.Ф. Родин организовал краеведческий кружок в московской школе №290, находившейся в районе 1-ой Мещанской улицы. Опыт работы со школьниками, которым педагог первой половины XX века поделился с читателями в своих воспоминанях «Из минувшего», как представляется, может послужить своеобразным мастер-классом для педагогов нашего времени. А.Ф. Родин мог рас-

сказать детям много интересного по истории их школы. До революции в здании школы находилось коммерческое училище, выпускником которого был сам Александр Феоктистович. Училище называлось «набилковским» по фамилии купца Набилкова, еще в первой половине XIX века открывшего здесь приют для детей. Жизнь Федора Федорович Набилкова — яркий пример благородства и бескорыстного служения людям. Крепостной графа Шереметева, он занялся торговлей, сумел разбогатеть и, заплатив огромный выкуп, освободиться от крепостной неволи. У одного из вельмож он купил роскошный особняк. В семье купца произошла страшная трагедия: трое его детей сгорели во время пожара в цирке. Вскоре после этого в 1830 году в Москве вспыхнула эпидемия. Много детей лишились родителей. Набилков отдал свой особняк под детский приют и внес на его содержание личные средства. Но этим благородным делом благотворительная и общественная деятельность русского предпринимателя не ограничивалась. Он был членом Человеколюбивого общества, Общества садоводства и Общества любителей истории и древностей российских. А.Ф. Родин знал, что рассказ о великодушном купце заинтересует школьников. Но свою работу с детьми он начал не с этого. На первом занятии он показал им план Москвы и предложил найти на нем район их школы. Вскрылась картина, типичная, к сожалению, и для наших дней. Дети много работали с глобусом, картами полушарий и материков, но почти не ориентировались в плане родного города. С радостью и удивлением они находили на нем свои улицы и переулки. После этого А.Ф. Родин перешел к сути краеведческого знания. По его выражению, оно состоит «в том, чтобы вскрыть сокровенное, незаметное для поверхностного взгляда, которое предстоит перед нами как простое, обычное, примелькавшееся, подметить существеннейшее, значительное, увлекательное и, возможно, возвышенное, относящееся как к настоящему, так и к прошлому, и к будущему городу, улицы, дома и этим духовно обогатить себя». Именно поэтому, педагог стал спрашивать у детей, знают ли они, почему улица, на которой расположена школа, называется Первой Мещанской? Ученики только удивились, почему раньше они об этом не задумывались. А.Ф. Родин рассказал школьникам о значении слова «мещане» и происхождении названия улиц. Затем последовало вводное занятие на тему «Прошлое Москвы в названии улиц и площадей города». И только на втором занятии ребята услышали от педагога рассказ о купце Набилкове и истории его приюта. Следующим этапом изучения прошлого города стала самостоятельная работа учащихся. На основании рекомендованной педагогом литературы они должны были сами подготовить рассказ о жизни, учебе, досуге своих сверстников, учившихся в здании их школы без малого столетие назад. Под руководством А.Ф. Родина дети посещали не только музеи, но и архивы, учились самостоятельно искать документы, сами становились исследователями [10: с. 122–126].

Аналогичные кружки работали в разных районах Москвы и Подмосковья. Журнал «Народный учитель» писал об участии московских школьников в археологических раскопках в Коломенском, о подготовленном школьниками из

Шатуры описании крестьянских хозяйств своего края [12: с. 41–44]. Особенно интересно сотрудничество школы и музея в подмосковном Дмитрове, где, как уже говорилось, основателем музея был М.Н. Тихомиров. На работу в музее учебные планы отводили два учебных часа в неделю, проводились специальные экскурсии для учителей. По словам местных работников образования, в Дмитрове не было грани между музеем и школой. В музее школьники изучали историю, одновременно пополняя его собрание [5: с. 53; 13: с. 56–57].

Репрессии против интеллигенции рубежа 1920–1930-х гг. «дело академиков» и процесс Трудовой крестьянской партии положили конец «золотому десятилетию краеведения». Краеведов обвиняли во вредительстве, отправляли в тюрьмы и ссылки. Многое из их научного и творческого наследия было уничтожено или забыто. Подлинное возрождение краеведческого движения в нашей стране наступило лишь в годы перестройки.

Краеведение никогда не претендовало и не претендует на право называться самостоятельной наукой. По отношению к географии, истории, биологии и другим наукам оно выполняет вспомогательную, хотя и очень важную роль. Функции краеведения в педагогике, в деле обучения и воспитания подрастающего поколения, особенно в изучении истории, никак нельзя назвать второстепенными. Краеведческое знание комплексное, оно позволяет увидеть взаимосвязь между естественными и гуманитарными науками. Изучение родного края формирует элементарные навыки научно-исследовательской работы и развивает творческие способности учащихся. Историческое краеведение способно соединить в себе методологию и взгляды самых разных научных школ. Много десятилетий назад краеведение стало своеобразным заслоном на пути вульгарно-классового подхода к истории. В наше время оно может помочь нам вытравить из общественного сознания разного рода антинаучные идеи типа печально знаменитой «Новой хронологии». Наконец, неоспорима огромная роль краеведения в воспитании гражданина и патриота своей страны. Как писал Д.С. Лихачев: «Любовь к родному краю, знание его истории — основа, на которой только и может осуществляться рост духовной культуры всего общества» [6: с. 7]. Методика краеведческой работы и преподавания краеведческих дисциплин очень сложна и разнообразна. Поэтому опыт краеведов и педагогов 1920-х годов заслуживает самого глубокого изучения и осмысления.

Литература

1. Вестник просвещения. — 1923. №9.
2. *Гейнике Н.А.* Культурно-исторические экскурсии. — М., 1922.
3. *Горев Б.* Русская художественная литература как материал для преподавания новейшей русской истории. — 1922. №2.
4. *Звягинцев Е.А.* История в народной школе. — М., 1919.
5. *Леонов Н.* Музеи местного края и новые программы трудовой школы // Народный учитель. — 1924. №3.
6. *Лихачев Д.С.* Учит земля родная // Вестник Союза краеведов России. — 1992.

7. *Ольденбург С.* Задачи краеведения // Народный учитель. — 1924. №3.
8. *Покровский М.Н.* Историзм и современность в программах школ II ступени. — М., 1927.
9. *Покровский М.Н.* Политическое значение архивов // Известия Центрального бюро краеведения. — 1925. №1.
10. *Родин А.Ф.* Из минувшего. Воспоминания педагога-краеведа. — М., 1965.
11. *Сац Н.И.* Дети приходят в театр. — М., 1961.
12. *Серпухова Н.* Краеведение в школе // Народный учитель. — 1924. №3.
13. *Соловьев К.* Дмитровский музей как центр краеведной работы уезда // Народный учитель. — 1924. №3.
14. *Успенский М.О.* О школьном краеведении // Известия Центрального бюро краеведения. — 1926. №10.
15. *Феноменов М.Я.* Опыт построения начального курса истории на основе родиноведения // Вестник просвещения. — 1922. №3.
16. *Феноменов М.Я.* Изучение родного края. — М-Л., 1926.
17. *Филимонов С.Б.* Историко-краеведческие материалы архива обществ по изучению Москвы и Московского края. — М., 1989.
18. *Филимонов С.Б.* Материалы о деятельности М.Н. Тихомирова в обществе изучения Московской губернии // Археографический ежегодник за 1973 год. — М., 1974.
19. *Шмидт С.О.* Краеведение в научной и общественной жизни России 1920-х годов // Путь историка. Избранные труды по источниковедению и историографии. — М., 1997.

Н.Н. Русеева

Российско-индийские отношения и их перспективы

Распад Советского Союза существенно изменил двусторонние отношения России и Индии.

В результате «нового мышления», появившегося в период Горбачева, в конце 80-х годов западный вектор уже преобладал в политике Советского Союза. При этом после распада СССР процесс ускорился. Внешнеполитические приоритеты новой России трансформировались. Главной целью российской внешней политики стало «вхождение в Европу», преобразование в часть «цивилизационного мира». Под этими лозунгами подразумевалось, что Россия должна играть роль младшего партнера Запада в международных делах. Отказ от развития сотрудничества с друзьями бывшего Советского Союза стал ключевым элементом внешней политики новой России.

В процессе деидеологизации внешней политики произошли серьезные изменения в политике Москвы по отношению к Индии. Пострадали двусторонние связи во многих сферах между Россией и Индией. Изменились приоритеты политики Москвы в Южной Азии. В новой внешней политике России приоритетное место вместо Индии занял Пакистан. Это было отражено во многих действиях российского руководства. Россия перестала рассматривать Южную Азию сквозь призму индийских интересов.

Отношения между Индией и Россией изменились в ноябре 1991 года, когда Москва голосовала в пользу пакистанского предложения в ООН об объявлении Южной Азии безъядерной зоной. Интересно заметить, что Франция и Япония воздержались. Россия же согласилась с пакистанским предложением о проведении международной конференции в составе США, России, Китая, Индии и Пакистана. Серьезное беспокойство у Индии вызвала позиция России по вопросу Кашмира. Россия отказалась поддерживать Индию в этом важном вопросе. В коммюнике, подписанном по итогам визита вице-президента России А. Руцкого в Пакистане в декабре 1991 года, отсутствовала обычная формулировка о том, что Кашмир является неотъемлемой частью Индии [8].

В коммюнике говорилось: «Пакистанская сторона сообщила Российской стороне об ухудшающемся положении прав человека в Кашмире и о принципиальной позиции Пакистана по конфликту вокруг Джамму и Кашмира. Российская сторона признала позицию Пакистана и выразила надежду, что этот вопрос будет решен мирным путем через переговоры между Пакистаном и Индией на основе международных договоров» [4: p. 37].

В коммюнике содержались также сведения о нарушении прав человека в Кашмире, что означало фактически признание Москвой проблемы нарушения прав человека в Кашмире. Этот факт показал изменение позиции Москвы по Кашмирскому вопросу.

Зимой 1992 года правительство России дезавуировало высказывания А. Руцкого, которые можно было расценивать как поддержку Пакистана в Кашмирском вопросе, а российский президент Б. Ельцин во время встречи в Нью-Йорке с премьер-министром Индии П.В. Нарасимха Рао дал заверение, что Россия выступает за сохранение целостности Индии [9].

В Индии особенно болезненно воспринимали заявления политических лидеров России о неприоритетности Юга во внешней стратегии страны. В январе 1993 года Президент РФ Б. Ельцин посетил Индию.

В ходе этого государственного визита он подтвердил российскую поддержку Индии по вопросу Кашмира [4: p. 56].

«У нас есть одинаковые интересы в сильной стабильности и территориальной целостности друг друга. Мы поддерживаем индийскую позицию по Кашмирскому вопросу твердо и без колебаний», — сказал Б. Ельцин.

Президент Ельцин также сделал категорическое заявление, что Россия не будет поставлять оружие Пакистану, что, несомненно, удовлетворило Индию.

Договор о военно-техническом сотрудничестве, подписанный в ходе визита российского президента в Дели, ликвидировал нестабильность в этом вопросе.

Президент в своем выступлении подчеркнул, что российско-индийское сотрудничество в военно-технической сфере не направлено против какой-либо третьей страны и его целью является помочь Индии в защите ее суверенитета, независимости, ее территориальной целостности и единства.

Говоря об индийско-пакистанском конфликте, Б. Ельцин заявил, что «Россия, как и остальное мировое сообщество, хочет нормализации отношений между Индией и Пакистаном. Мы приветствуем любой шаг, направленный на то, чтобы добиться взаимоприемлемого урегулирования, и мы готовы, по востребованию, оказать помощь Индии и Пакистану в этом направлении, которое будет приемлемым для обеих сторон [4: p. 59].

Борис Ельцин подверг критике Пакистан за продолжающую враждебность в отношении Афганистана и выразил беспокойство по поводу роста исламского фундаментализма в регионе. Российский Президент приветствовал стремление Индии укрепить стабильность в Южной Азии.

Однако все заверения Б. Ельцина не могли устранить сомнения Индии в отношении российской позиции по Кашмиру. И, очевидно, для этого были основания. Вскоре после визита Б. Ельцина в Индию российский министр иностранных дел А. Козырев во время визита в Пакистан в апреле 1993 года сделал заявление по вопросу Кашмира, которое противоречило российской позиции, объявленной российским Президентом. А. Козырев затронул вопрос о нарушении прав человека в Кашмире [4: p. 29], указывая, что обе стороны, Индия и Пакистан, должны соблюдать права человека [1].

Документ о полной нормализации отношений между Россией и Пакистаном был ратифицирован по инициативе Козырева. В ходе визита Козырев обещал также установить сотрудничество между Москвой и Исламабадом в военно-технической сфере в ближайшем будущем [6].

Возможность поставок российского оружия в Пакистан вызвала некоторую настороженность в Индии. Пакистанские средства массовой информации постоянно сообщали о намерениях своей страны приобрести российские боевые самолеты и подводные лодки, а также о проходящих переговорах по данным вопросам. С такой же регулярностью российская сторона опровергала сообщения об этих переговорах.

В ходе визита А. Козырева в Исламабад обе стороны готовили проект политического документа в стиле российско-индийского Договора о дружбе и сотрудничестве, подписанного во время государственного визита Президента Б. Ельцина в Индию в январе 1993 года. Ожидалось, что в ходе визита пакистанского премьер-министра Б. Бхутто этот договор будет подписан. Визит Б. Бхутто в Москву не состоялся, а проект документа забыт. В ходе визита пакистанского премьер-министра Н. Шарифа в апреле 1999 года никто даже не вспоминал об этом проекте Договора.

Козырев в ходе визита в Исламабад встретился с пакистанским президентом Г. Ханом, премьер-министром Н. Шарифом и вел переговоры с министром иностранных дел М.С. Кванзу. Обе стороны решили подписать двусторонние договоры о торгово-экономическом сотрудничестве, по консульским вопросам, а также о сотрудничестве в области культуры и науки. Они договорились подписать протокол об упорядочении политических консультаций между министерствами иностранных дел обеих стран. Также была достигнута договоренность организовать визит пакистанского премьер-министра в Россию (последний визит пакистанского премьера в Москву был в 1974 году).

Россия и Пакистан договорились создать совместную межправительственную комиссию в стиле Российско-индийской совместной комиссии в целях развития двустороннего сотрудничества.

Учитывая события в Чечне и Кашмире, для обеих стран — России и Индии остро стоит вопрос территориальной целостности в условиях существования многонациональности. Не случайно в ходе визита премьер-министра Индии Р.В. Нарасимха Рао в Москву в 1994 году была подписана Декларация о защите интересов многонациональных государств, в которой четко зафик-

сирована необходимость гарантировать территориальную целостность таких стран. Исходя из общности интересов и опираясь на Московскую Декларацию, Индия стала твердо поддерживать Россию в вопросе Чечни и воздерживаться от какой-либо критики ее действий в Чечне. А Россия одной из первых заявила, что если Пакистан внесет на Конференции по правам человека в Женеве (1994) проект по Кашмиру, она решительно выступит против [7]. Аналогичной была и реакция России на попытку обсуждения вопроса Кашмира в Совете Безопасности ООН.

Вопрос о нарушении прав человека в индийском штате Джамму и Кашмир постоянно поднимается Пакистаном в Организации Исламской Конференции, на сессиях Генеральной Ассамблеи ООН и в Комиссии по правам человека. Россия расценивает этот вопрос как гуманитарный, а не политический. По мнению российского ученого Т. Шаумян, в ходе переговоров с представителями Индии российская дипломатия призывает ее руководство уделить «особое внимание» этой проблеме, всячески добиваться ее урегулирования и создания такой обстановки, которая реально исключит возможность выдвижения обвинений в нарушении прав человека. По мнению России, Индии не следует закрывать доступ иностранным представителям, включая комиссии ОИК и Международную комиссию юристов, а также журналистов, в Джамму и Кашмир для личного ознакомления с положением в этих штатах. В то же время российская сторона выступает против излишней политизации этого вопроса и не поддерживает попытки Пакистана передать его на рассмотрение международных организаций [3: с. 131].

Московская Декларация о защите интересов плюралистических государств стала шагом вперед в определении четкой позиции России по Кашмирскому вопросу. Обе страны в этом документе заявили о необходимости «безоговорочного соблюдения принципов уважения территориальной целостности и единства государства как основной фактор функционирования многонационального государства». Россия и Индия подтвердили поддержку друг друга по вопросу сохранения целостности, определенной законом и Конституцией.

Подписав этот документ, российское руководство без всяких условий подтвердило свою поддержку Индии по вопросу сохранения ее территориальной целостности. Московская Декларация создала юридическую базу для России и Индии в деле оказания взаимной поддержки территориальной целостности друг друга. Индия, на основе этого документа, оказала полную поддержку России в ее стремлении сохранить территориальную целостность. Россия также, на основе Московской Декларации, полностью поддержала Индию по Кашмирскому вопросу. Однако российский ученый Т. Шаумян считает, что поскольку Индия ставит вопрос о необходимости освобождения Пакистаном оккупированной им части Кашмира, то это в определенной степени не совпадает с обязательствами уважать существующие границы, сформулированные в Московской Декларации [4: p. 139].

Парламентская делегация России во главе с председателем Государственной Думы — в ходе своего визита в Индию в ноябре 1994 года — и российский премьер В. Черномырдин — во время своего официального визита в Индию в декабре 1994 года — поддержали индийскую позицию по вопросу Кашмира. То, что Кашмир является неотъемлемой частью Индии, больше не находит место в официальных заявлениях России. Тем не менее российские заявления, в которых упоминается Кашмир, обязательно указывают: «Индийский штат Кашмир».

И хотя Индия до сих пор официально требует возвращения части штата Кашмира, оккупированной Пакистаном, российская сторона, по некоторым данным, дает понять, что она не против, если линия контроля будет признана как международная граница.

В совместном заявлении, опубликованном в конце официального визита российского премьера Е. Примакова, в декабре 1998 года, говорилось, что «Россия снова подтверждает свою поддержку Индии в ее попытках нормализовать отношения с Пакистаном на основе Симмльского Договора от 1972 г.».

В заявлении для печати, опубликованном МИД России в конце визита бывшего индийского премьер-министра И.К. Гузрала в Москву в июле 1999 года, говорилось: «Российская сторона подтвердила свою принципиальную позицию о том, что все проблемы между Дели и Исламабадом, включая вопросы Кашмира, должны быть урегулированы через мирные средства и на двусторонней основе, в соответствии с Симмльским Договором и договоренностями, достигнутыми в Лахоре». В этом контексте было подчеркнуто, что любое нарушение линии контроля, отделяющей Индию от Пакистана в Кашмире, будет иметь непредсказуемые последствия, которые будут угрожать миру и стабильности во всем Южно-Азиатском регионе [4: p. 127].

Россия снова подтвердила свою принципиальную позицию по Кашмирскому вопросу в ходе государственного визита Президента В. Путина в Индию в октябре 2000 года. Выступая в индийском парламенте, Путин сказал: «Мы знаем, что происходит в Кашмире в настоящее время. Сам факт, что Кашмирский вопрос еще не решен, делает отношения между Индией и Пакистаном напряженными, самыми худшими в течение последних 30 лет. Этот вопрос может быть урегулирован только на двусторонней основе компромисса и на безусловном уважении линии контроля. Любое иностранное вмешательство недопустимо» [2].

21 января 2002 года, находясь в Москве, спецпредставители Пакистана Н. Шейх и А. Вали передали Министру иностранных дел РФ И. Иванову личное послание главы пакистанского государства П. Мушаррафа Президенту России В. Путину. В послании изложены позиции Исламабада в отношении того, что касается снижения уровня противостояния с Индией, а также той помощи, которую может оказать в этом процессе Москва. «Этот конфликт — дело не только Пакистана и Индии, но и других стран. Россия как влиятель-

ная региональная и мировая держава могла бы сыграть здесь конструктивную роль», — подчеркнул Н. Шейх [5].

25 мая 2002 года в Санкт-Петербурге Президент РФ В. Путин заявил, что Россия предпринимает шаги, чтобы не допустить дальнейшего распространения индийско-пакистанского конфликта. Он отметил, что «рассчитывает встретиться» с президентом Пакистана и премьер-министром Индии в рамках Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА) в Алма-Ате. Таким образом, Россия вновь выступит в роли посредника, чтобы не допустить войны в Южной Азии.

В настоящее время основной задачей в российско-индийских отношениях является общность интересов России и Индии по урегулированию отношений со странами исламского мира. При этом речь идет как о нормализации отношений с этими государствами, так и о самом решительном противодействии проявлениям исламского экстремизма. В последнее десятилетие именно Россия и Индия стали превращаться в основную арену борьбы с исламским терроризмом и экстремизмом. Не случайно, что между двумя странами ведутся регулярные консультации на уровне заместителей министров иностранных дел по проблеме Афганистана и приграничных к нему территорий.

Президент РФ В. Путин предложил сделать 2008 год Годом России в Индии, а 2009-й — Годом Индии в России.

Масштабы России и Индии и их роль в мире таковы, что двусторонние добрососедские отношения тоже являются формой стратегического взаимодействия. И уже много лет они строятся на взаимовыгодном партнерстве.

Литература

1. Московские новости, № 32, 14.08.1994.
2. Новости и события. Путин начал визит в Индию. 3.12.2004. http://news.flexcom.ru/world/2004/12/03/83686/
3. Южная Азия: конфликт и геополитика. — М., 1999.
4. A. Mohanty. Indo-Russian Relations: from Yeltsin to Putin. — M., India Centre, 2001.
5. Newsweek. — 2002. April.
6. Pakistan Times, Islamabad, 08.04.1993.
7. The Economic Times, 27.02.94.
8. The Hindu, 23.12.1991.
9. The Hindustan Times, ND, 02.11.1992.

М.А. Емельянов-Лукьянчиков

Всероссийская научная конференция «1917 год: революции в России»

В 2007 году в Московском городском педагогическом университете прошла Всероссийская научная конференция «1917 год: революции в России», приуроченная к 90-летию Февральской и Октябрьской революций.

Для обсуждения на конференции был вынесен не только широкий круг проблем социальной, политической и экономической истории России конца XIX — начала XX века (особенности социально-экономического развития; политические противоречия в стране; политические движения и партии; надежды и реальность первых послереволюционных лет; политические деятели — активные участники революции; крестьянство и революция), но и редко обсуждаемые вопросы духовной и культурной жизни (место церкви в общественной жизни; Октябрь и национальный вопрос; отражение революционной ситуации в искусстве); а также такие актуальные темы как: источники изучения революционной ситуации; трактовка революционных событий в историографии; преподавание истории русских революций в высшей и средней школе; образ русской революции в современных СМИ.

Конференция вызвала широкий интерес научной общественности: в ней приняло участие более двадцати научных, образовательных и общественных учреждений из шестнадцати городов России и Украины (Архангельск, Брянск, Волгоград, Казань, Киров, Коломна, Курск, Москва, Пенза, Пермь, Санкт-Петербург, Саратов, Смоленск, Соликамск, Харьков, Ярославль). Среди участников конференции были доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН Я.С. Драпкин; доктор исторических наук, профессор О.В. Волобуев; профессора Российской академии Государственной службы при Президенте РФ, доктора исторических наук Р.Г. Пихоя и А.А. Чернобаев; главный специалист Центра по разработке и реализации межархивных программ документальных публикаций федеральных архивов Российского государственного архива социально-политической истории доктор исторических наук А.В. Репников; доцент, руководитель про-

граммы НИПЦ «Мемориал» К.Н. Морозов; ведущий специалист Российского государственного гуманитарного университета, кандидат исторических наук А.Л. Стародубова; ученый секретарь Всероссийского НИИ документоведения и архивного дела Т.В. Котюкова; профессор исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова Д.Ю. Арапов; доктор исторических наук, профессор, проректор по научной работе Поморского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Архангельск) В.И. Голдин; доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Пензенского государственного университета В.Ю. Карнишин; кандидат богословия, протоиерей Михаил Матвеенко (Харьков); профессор Харьковского национального университета А.Д. Каплин; доктор исторических наук, профессор Курского государственного университета А.Ю. Друговская. В работе конференции приняли участие ректор МГПУ доктор исторических наук, профессор В.В. Рябов; проректор по научной работе, доктор филисофских наук, профессор Н.П. Пищулин; декан исторического факультета профессор В.В Кириллов; заведующие кафедрами: отечественной истории — профессор В.А. Корнилов, мировых цивилизаций — профессор Е.И. Хаванов, экономической географии и социальной экологии — профессор О.В. Шульгина.

Работа конференции проходила на пленарном заседании и в рамках пяти секций: «Политическое и социально-экономическое развитие России в начале XX столетия»; «Революция 1917 года: проблемы источниковедения и историографии»; «Революция 1917 года: религия, искусство и культура»; «Революционные события 1917 года в современной философской литературе»; «Революции как общемировой процесс».

Спустя почти столетие интерес к русским революциям не ослабевает, и неудивительно, что между представителями разных мировоззренческих и историографических направлений возникла яркая и плодотворная дискуссия.

Среди представителей устоявшихся в советской историографии точек зрения выделялось мнение профессора Е.И. Хаванова и его доклад «Идея мировой революции в контексте общественно-политических процессов в XX столетии и доклад профессора И.И. Антоновича «Октябрьская революция и проблема прогресса». Первый докладчик высказал точку зрения, что материалистическое понимание истории К. Маркса и Ф.Энгельса и формационный подход сохранили свою актуальность, несмотря на все события XX–XXI столетий и активное развитие цивилизационного подхода к историческому процессу. Профессор Антонович также вызвал симпатию собравшихся тем, что «не смог изменить своим левым убеждениям… Эта позиция дает ему возможность высказать свою точку зрения без чрезмерного захваливания авторов Октябрьской революции и без эмоционального накала ненависти и неприятия...» Однако он признал, что Маркс и Энгельс «не оставили законченной концепции социализма» и, мало того, «все российские революции совершались не согласно, а вопреки канонам социалистической теории».

Многие позитивные аспекты цивилизационного подхода (раскрытые в ходе дискуссии кандидатом исторических наук М.А. Емельяновым-Лукьянчиковым), равно как и перспективность других научных направлений, позволили некоторым из собравшихся оспорить мнение профессора В.И. Голдина «1917 год в России: между политикой и историей», который полагает, что «сегодня очевидна тщетность попыток найти некую новую универсальную теорию и методологию изучения истории революционного процесса 1917 года в России».

Развивая эту тему, аспирантка Казанского государственного университета Т.В. Терехова «Историография Российской революции 1917 года историко-антропологического направления», отметила, что история революции 1917 года в России ныне стала объектом пристального внимания со стороны исследователей, причисляющих себя к таким новым течениям в исторической науке, как история ментальностей, новая социальная история и историко-антропологический подход: «...в отечественной историографии наметилась тенденция к переоценке исторических событий, в центре которых перестали быть государства и классы и появились обычные люди… Историки стали обращать внимание на быт, ритуалы, повседневные практики, стереотипы поведения, нравы и мораль, все то, что впоследствии было причислено к объектам историко-антропологических исследований». Свидетельством этого является и то внимание, которое было уделено участниками конференции отдельным персоналиям: обсуждалось отношение к революции В.Г. Короленко, В.И. Ленина, К.Н. Леонтьева, А.В. Луначарского, П. Н. Милюкова, И.И. Минца, Л.Н. Тихомирова, Л. Троцкого, С.Л. Франка и др. Так, профессор В.А. Корнилов (доклад «Читая И.И. Минца») раскрыл значение наследия известного историка, на примере фундаментального трехтомника «История Великого Октября» (Москва, 1967). Докладчик отметил, что в этой работе провозглашается не парламентский, а советский тип демократии (основанный на феномене Советов), что отвечает исторической реальности. Однако в связи с характерными особенностями историографии того периода в работе практически не привлечен материал, призванный показать судьбу простых людей, в первую очередь крестьянства.

Острую полемику вызвали выступления профессора О.В. Волобуева («1917 год разными глазами: идеология и историописание») и кандидата исторических наук Ю.В. Туйцына («Октябрьская революция 1917 года в свете соотношения объективных условий и субъективного фактора»), которые, характеризуя традиционный для советской историографии перечень причин русских революций, показали, что духовность и культура в нем уходят на второй план, а то и вовсе не упоминаются. Первый докладчик, отмечая, что для П.Н. Милюкова и Л. Троцкого основными двигателями революции были соответственно власть, — партии, лидеры, и массы, — пролетариат, большевики, констатировал, что «если мы возьмем серьезные научные труды, то в них вне зависимости от идеологических пристрастий авторов анали-

зируются и те и другие факторы». Имеются в виду в основном социально-экономические факторы.

Дискутируя с предыдущими докладчиками, а также с мнением Ю.В. Соколова «О роли внешних факторов в русской революции», который утверждал, что «вся структура советского общества формировалась под определяющим влиянием внешнего фактора», профессор Ю.Д. Акашев «1917-й год сквозь призму традиционных ценностей русского народа» сделал акцент на внутреннем кризисе отечественной духовности 1917 года.

Он отметил, что в годы революции и последующие десятилетия построения советского государства уничтожению подвергалось все, что составляло основу русской цивилизации: «гонения, которые обрушили на Русскую Православную Церковь большевики, по своему размаху и жестокости были исключительными не только в рамках истории России, но и в масштабе всемирной истории»; «из сознания народа самыми жесточайшими, дикими методами искореняется традиционное понятие Святой Руси, оно становится запретным. Вместо этого насаждается идея мировой революции — идея, совершенно чуждая русскому народу. Место русского народа занимает «мировой пролетариат». Под запрет попадает и слово «патриот», поскольку оно ассоциируется с врагами революции. Любить Россию, и уж во всяком случае говорить об этой любви вслух, стало смертельно опасно».

В итоге «русский народ понес потери, которые не сопоставимы ни с чем, их нельзя выразить ни денежным, ни каким-либо другим материальным эквивалентом». Но корни духовных ценностей русского народа оказались настолько глубокими и прочными, что «они сохранились и теперь вновь прорастают». Эту позицию разделили профессор А.Д. Каплин, М.А. Емельянов-Лукьянчиков и другие участники конференции.

Вместе с тем важность духовной составляющей русской цивилизации позволяет выйти и на понимание того, что одной из основных причин революции были негативные изменения в отечественной духовности, в частности в рядах священнослужителей Русской Православной Церкви. Это хорошо продемонстрировал в своем докладе «Православное духовенство в канун революций» к.и.н. из Кирова (Вятки) А.В. Скутнев. Он отметил, что опыт синодального периода истории Русской церкви в значительной мере привел к несамостоятельности оценок в рядах православного духовенства. Так, «служителям церкви предписывалось сообщать о готовящихся терактах, даже если они узнавали об этом на исповеди», что является вопиющим нарушением церковной этики. Но это оттенялось тем, что среди клириков «были невероятно сильны антигосударственные настроения. Особенно это было заметно во время Февральской революции 1917 года, когда иерархи церкви неожиданно для многих не только не поддержали самодержавие, но и активно приветствовали Временное правительство». Выступающий привел немало примеров того, как в семинариях процветали социалистические и либеральные увлечения: «Почти в каждой российской семинарии когда-либо существовал тайный кружок. Не

была исключением и Вятская духовная семинария». В январе 1907 года они организовали Семинарский союз, на средства которого выписывалась пресса социал-демократического и эсеровского направлений, издавались и распространялись листовки, воззвания. В 1910 году выездной сессией Казанской судебной палаты были заслушаны дела о 40 бывших воспитанниках Вятской духовной семинарии, обвинявшихся в соучастии в преступном обществе. Двенадцать из них были осуждены.

Вывод печален: процент выходцев из духовного сословия в среде революционеров был непропорционально велик: «Среди народников дети духовенства составляли 22%, в то время как в населении страны доля духовенства составляла лишь 0,9%. Лидеры РСДРП(б) А.И. Микоян, Н.Н. Подвойский и даже… И.В. Сталин вышли из стен духовной семинарии».

В докладах специалиста по консерватизму доктора исторических наук А.В. Репникова «Лев Тихомиров в 1917 году (по материалам дневника)» и кандидата исторических наук А.Ю Бурлиновой «С.Л. Франк о русской революции» были продемонстрированы такие черты наследия ярких представителей консервативной мысли, которые не позволяют идеализировать их мировоззрение.

В докладе аспиранта Д.М. Софьина «Охота на ведьм: офицеры и секретные сотрудники Пермского губернского жандармского управления после Февральской революции 1917 года» на материалах Государственного архива Пермской области было показано, как революционеры еще до победы большевиков расправлялись с теми, кто некогда мешал им разрушить ненавистный для них строй. Кадеты, эсеры, меньшевики одинаково испытывали ненависть к представителям тайной полиции Российской империи. В итоге в марте 1917 года по всей стране начались репрессии в отношении офицеров и секретных сотрудников спецслужб: «органы суда и следствия фактически капитулировали перед революцией... Февральский период стал прелюдией к полному отрицанию закона и к торжеству принципа «революционной целесообразности», т. е. беспредела… Сам факт отношения человека к одной из этих категорий был достаточен для его убийства. От рук большевиков погибло до 90% жандармских офицеров и неизвестное число секретных сотрудников».

Интересными были выводы докладчиков, обративших свое внимание на представителей либерального направления общества. Так, А.Л. Стародубова «Партия кадетов в 1917 году: трансформация либеральной модели реформирования России» отметила, что, «будучи интеллектуальным и интеллигентским, русский либерализм долгое время имел склонность к абстрактному теоретизированию», а кандидат исторических наук Е.А. Сазонова «Организации писателей и антиправительственное движение в России в начале XX века» показала, что «деятельность писательских объединений, а также творческих кружков и артелей на рубеже второй половины XIX — начала XX века свидетельствует»: литераторы «использовали легальные творческие и профессио-

нальные организации для политической борьбы, их роль была велика и ощутима в общественной жизни того периода».

Важен анализ, проведенный студентом Пензенского государственного университета И.В. Рябухиным «Количественный анализ депутатских запросов в I Государственной Думе», который на архивных материалах составил базу данных из 379 запросов. Из них 267 (80%) оказались касающимися борьбы властей с революцией.

Профессор О.В. Шульгина и доцент Д.П. Шульгинав в докладе «Образ российских революций 1917 года в живописи XX века», а также профессор А.Ю. Друговская в докладе «Песни борьбы и свободы как фактор революционного воспитания масс» продемонстрировали, как средствами культуры и искусства проводилась обработка общественного мнения как до революции, так и пос-ле нее.

Д.П. Шульгина и О.В. Шульгина провели анализ более чем 200 произведений живописи на революционную тематику и не ставят под сомнение, что для некоторых художников отражение в живописи революционной тематики было порывом искреннего вдохновения, но утверждают и значительную конъюнктурность этого явления. Большинством населения эти полотна воспринимались как незыблемая истина, а потому с изменением политической ситуации некоторые картины переписывались: на картинах В.А. Серова «В.И. Ленин провозглашает Советскую власть» и «Выступление В.И. Ленина на II съезде Советов», написанных в 50-х годах, рядом с Лениным изображен И. Сталин, но на полотнах этого же художника с теми же названиями, но датированных 1969 и 1973 годами, фигура И. Сталина заменена фигурами революционных матросов и рабочих. Так, «при участии художников утверждалась в сознании людей фальсифицированная интерпретация того, что происходило в реальности»

А.Ю. Друговская, в целом разделяя идеалы советской историографии, также отметила, что революционная песня стала массовым явлением еще в период революции 1905–1907 годов, когда сборники песен издавались и широко распространялись на Украине и в Сибири, в Закавказье, в центральных районах страны».

В докладах кандидата исторических наук А.Ф. Рагимовой «1917 год: революции в России и предпосылки нового этапа антиколониальной борьбы в странах Азии (20-е годы XX столетия)» и кандидата исторических наук С.А. Агуреева «Влияние Октябрьской революции 1917 года в России на развитие общественно-политической мысли восточноафриканских стран в 20–30-х годах XX в.» были раскрыты различные аспекты поведения молодого советского государства на международной арене.

Заканчивая обзор докладов, отметим выступление доктора исторических наук, профессора В.Ю. Карнишина, который актуализировал тему конференции посредством обращения к современной отечественной периодике «Опыт и уроки Февральской революции 1917 года: полемика в современной россий-

ской периодике». Он поделился с собравшимися информацией о том, как обсуждалась очередная публикация в «Российской газете» А.И. Солженицына, посвященная Февральской революции. В дискуссию на страницах газеты поспешили включиться российские политики, философы, политологи и литераторы (В.А. Никонов, академик РАН В. Маслов, Э.С. Радзинский, В.А. Сурков, А.С. Ципко, Г.А. Явлинский). Однако В.Ю. Карнишин высказал недоумение по поводу того, что «Российская газета» поместила всего два мнения специалистов, специализирующихся на изучении проблем российской истории начала XX века, — доктора исторических наук, профессора А.Ф. Смирнова и доктора философских наук, профессора А.А. Кара-Мурзы. В целом игнорирование знаний ученой среды характерно для современных средств массовой информации, создающих зачастую более чем профанные образы русской истории.

Конечно, в данном обзоре невозможно осветить все доклады, подготовленные для конференции. Нельзя не отметить, что почти половина докладов были основаны на архивных материалах. Такая источниковая фундированность, помноженная на подробное освещение вопросов историографии и преподавания истории, позволяет дать высокую оценку Всероссийской научной конференции «1917 год: революции в России».

Выступления показали, что в современной отечественной науке сохраняется многополярность оценок русской революции, но акцент все больше перемещается на духовность и культуру, значимость которых рассматривается никак не ниже (а то и выше), чем значение социально-политических предпосылок революции. Идет пусть медленное, но движение в сторону ухода от «единственно верных» идеологических догм, уход от идеализации какой-либо из сторон (не только либералов и социалистов, но и консерваторов). Отечественное общество приходит к пониманию того, что русские революции 1917 года были всесторонней трагедией, среди творцов которой не было безусловно правых и безусловно виноватых. Только на началах объективного комплексного анализа нашей истории мы сможем выйти к осознанию того, куда двигаться дальше.

Критика. Рецензии. Библиография

Отечественная история: Учебное пособие / Под. ред. проф. В.В. Рябова и проф. В.В. Кириллова. — М.: Московский городской педагогический университет, Московские учебники, 2007.

Преподавание истории в вузах России за последнее десятилетие претерпело такие изменения, каких не знала ни одна дисциплина в системе социогуманитарного образования. Новый Государственный образовательный стандарт, концепция преподавания отечественной истории XX века выдвинули цель дать студенту достоверное представление о роли исторической науки в познании прошлого во имя будущего, раскрыть основные этапы и содержание истории Отечества с древнейших времен и до наших дней, показать органическую взаимосвязь российской и мировой истории и научить его использовать опыт, накопленный человечеством. Все это требует создания нового поколения учебников, одним из которых является рецензируемое учебное пособие, подготовленное профессорско-преподавательским составом общеуниверситетской кафедры истории Московского Городского педагогического университета под руководством доктора исторических наук, профессора В.В. Рябова и кандидата исторических наук, профессора В.В. Кириллова.

В данном пособии в проблемно-хронологическом плане излагаются ключевые проблемы отечественной истории на основе многофакторного подхода к изучению исторического процесса, в котором действуют как общемировые тенденции, так и существуют свои закономерности развития. На конкретном историческом материале исследуются основные тенденции развития страны в соответствии с данными современной историографии, источниковедческой базы.

Такой подход, безусловно, прогрессивен, так как в разное время над проблемами соотношения общего и особенного в историческом пути России бились лучшие умы нашего Отечества. И это далеко не умозрительные вопро-

сы. История повторяется: от их правильного решения сегодня зависит судьба страны и ее возрождение, судьба каждого из нас.

Материалы, составившие основу данного учебного пособия, апробированы авторским коллективом в учебном процессе, дискуссиях, в процессе творческой работы над этим трудом в 1999–2006 годах.

Структура пособия составлена на основе программы курса «Отечественная история», подготовленной на общеуниверситетской кафедре истории МГПУ в 2005 году. Разделы огромного по объему и растянутого во времени материала охватывают историю России с древнейших времен до наших дней с учетом современной концепции отечественной истории, на основе научной методологии системного диалектического анализа.

Познание истории — это всегда диалог. Диалог, в ходе которого мы уточняем, взаимно дополняем друг друга, приближаясь ко все более глубоким выводам о смысле и роли тех или иных событий.

«Первая задача истории — воздержаться от лжи, вторая — не утаивать правду, третья — не давать никакого повода заподозрить себя в пристрастии или предвзятости», — писал римский государственный деятель, оратор и писатель Марк Туллий Цицерон. Думается, что авторам удалось, и в этом их несомненная заслуга, избежать односторонности в оценке исторических событий благодаря раскрытию основных тенденций развития страны через призму реальной деятельности людей, переживаний современников с учетом цивилизационных, этнических, религиозных и географических отличий России. Это тем более необходимо, что системообразующим фактором истории нашего Отечества является не экономика, не право, а власть, прежде всего государство — главная созидательная сила русской истории. Это определяют другие по сравнению с Западной Европой природно-климатический и геополитический факторы — основные базовые факторы отечественной истории.

Принципиальная новизна пособия состоит в использовании плодотворных исследований обновляющейся отечественной историографии, критическом осмыслении того, что сделано отечественными и зарубежными историками предшествующих поколений. Благодаря этому авторский коллектив сумел избавиться от суррогатов исторических представлений и заблуждений, то «буржуазных», то «пролетарских», которые изобиловали в прошлом и нередко воспроизводятся сейчас, и добиться подлинной научности, позволяющей четко определить, где истина, а где заблуждения и фальсификация.

Практическую ценность представляет методическое обеспечение пособия — контрольные вопросы, вопросы к размышлению, обновленная библиография, ориентированные на активизацию самостоятельной работы студентов в соответствии с государственными требованиями к специалисту нового поколения. Вполне логичным является и приложение к пособию в виде справочника основных событий отечественной истории с краткими комментариями, дополняющими, с одной стороны, текст пособия, а с другой — позволяющими повторить и осмыслить полученные знания.

Учитывая то, что история — это важнейший способ самопознания, идентификации общества, способ «ориентации» людей в социальном пространстве и форма социальной памяти человечества, данное пособие отвечает всем вышеобозначенным критериям. Выход в свет книги «Отечественная история» является ценным вкладом в повышение качества обучения студентов высших учебных заведений Российской Федерации.

Заведующий кафедрой истории российской государственности
Российской академии государственной службы при Президенте РФ,
заслуженный деятель наук, доктор исторических наук, профессор

Р.Г. Пихоя

Агуреев С.А. **Император Менелик II и российское общественное мнение в конце XIX — начале XX в. // Вопросы истории. — 2007. №9. С. 106–115**

Император Менелик был и остается одной из наиболее выдающихся фигур в истории Африки, с правления которого начинается история современной Эфиопии. В статье отражен интерес российской прессы к восхождению на престол и деятельностью нового эфиопского императора начала 90-х годов XIX столетия. Автор уделяет внимание литературе для народного чтения, издававшейся в России, которая освещает культуру, быт и историю Абиссинии и формированию положительного образа эфиопского императора в массовом сознании россиян.

Восхищение перед личностью эфиопского императора разделяли многие российские путешественники, дипломаты, ученые, цитаты из сочинений которых приведены в статье.

Воспитание гражданина — главная педагогическая задача государства и общества: Сборник статей / Сост. Е.И. Хаванов. — М. МГПУ, 2007. 162 с.

В сборник включены материалы «круглого стола», проведенного Комитетом Госдумы по делам общественных объединений и религиозных организаций и историческим факультетом МГПУ в 2006 году. В первой части — стенограмма, во второй части доклады и сообщения, прозвучавшие в ходе дискуссии, а также представленные в письменной форме. Материал подготовлен в рамках реализации проекта «Гражданское воспитание студентов», адресуется всем, кто занимается проблемами гражданского воспитания молодежи.

Московское образование в годы войны, 1941–1945 / Авт.-сост. А.Ю. Бурлинова, Е.Е. Кувшинова; Под ред. В.В. Рябова, Н.П. Пищулина, В.А. Корнилова — М.: Жизнь и мысль; Московские учебники, 2007. 528 с.

Московская система образования испытала на себе все политические потрясения XX века. Крупномасштабные социальные эксперименты, проводимые в стране, в полной мере отразились на учебных заведениях города, затронули судьбы педагогов и учащихся.

Предлагаемая книга является первой в серии изданий «Московское образование в документах и материалах». Инициатором издания серии «Москов-

ское образование в документах и материалах» является МГПУ, проводивший на протяжении последнего десятилетия разнообразные исследования о системе московского образования и сосредоточивший у себя высококвалифицированный состав ученых и специалистов.

В данном сборнике впервые публикуются архивные документы, отражающие различные направления деятельности московского образования в годы Великой Отечественной войны.

Сборник рассчитан на работников органов народного образования, педагогических учебных заведений, научных сотрудников и аспирантов, студентов педагогических учебных заведений.

Отечественная история: Учебное пособие / Под ред. В.В. Рябова, В.В. Кириллова. — М.: МГПУ; Московские учебники, 2007. 576 с.

Данное учебное пособие подготовлено коллективом преподавателей общеуниверситетской кафедры истории Московского городского педагогического университета. Основой учебного пособия стал принцип историзма, поэтому в пособии каждое историческое явление рассматривается в развитии, исследовании причинно-следственных связей, этапов развития и их резуль-татов.

Авторский коллектив стремился использовать при написании учебного пособия наиболее плодотворные исследования, это нашло отражение в списках рекомендованных источников и литературы к каждой главе учебного пособия, а также в предлагаемых студентам вопросах для самоконтроля и размышлений.

Материалы, составившие основу данного учебного пособия, апробированы авторским коллективом в учебном процессе МГПУ.

***Пашенцев Е.Н.* Китайский PR: вот ужо! // Советник. — 2007. 312. С. 62–65.**

Доктор исторических наук, профессор МГПУ, член Российской ассоциации по связям с общественностью и Российской ассоциации международных исследований Е.Н. Пашенцев и стажер-исследователь ЦКМ РНВШУ АНХ при правительстве РФ О. Полунина делятся в статье о поездке в Китай в Макао, где состоялся 13-й конгресс Международной федерации латиноамериканских и карибских исследователей.

Авторы характеризуют китайский PR как молодое, но перспективное направление и дают основные отличия от западного.

Пашенцев Е.Н. **Public relations в современной Болгарии. Взгляд из России // Советник. — 2007. №7. С. 54–57.**

О сфере связей с общественностью в Болгарии у нас мало известно. История ее развития в чем-то схожа с российской, считает Е.Н. Пашенцев, директор Международного центра социально-политических исследований и консалтинга, руководитель Центра коммуникационного менеджмента Российско-немецкой высшей школы управления Академии народного хозяйства при Правительстве РФ.

Автор является автором книг о современных СМИ и HR в Болгарии. История и культура России и Болгарии тесно переплетены, но о системе коммуникаций в Болгарии мало что известно, проблемы данной отрасли такие же, как и в России, а именно — староформатное мышление, менталитет бюрократического общества.

Проблемы новой и новейшей истории: Сб. науч. работ / ГОУ МГПУ, ист. факультет; отв. ред. В.В. Кириллов, сост. Е.И. Хаванов, Г.А. Ртищева. — М.: МГПУ, 2007. 185 с. (научные труды факультетов МГПУ).

В сборнике преподавателей и аспирантов исторического факультета МГПУ рассматриваются актуальные проблемы истории и международных отношений России XIX–XX веков. Многие статьи отражают позиции авторов диссертаций, а также участников научных конференций

О.Р. Арутюнова

Авторы «Вестника МГПУ» серия «Исторические науки», 2008, № 1 (22)

Арутюнова Ольга Романовна — заместитель директора фундаментальной библиотеки МГПУ

Боева Любовь Александровна — кандидат исторических наук, доцент общеуниверситетской кафедры истории МГПУ

Бурлинова Алла Юрьевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории МГПУ

Емельянов-Лукьянчиков Максим Александрович — кандидат исторических наук, научный сотрудник НИИ столичного образования МГПУ

Ершова Тамара Витальевна — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории МГПУ

Кириллов Виктор Васильевич — кандидат исторических наук, профессор, декан исторического факультета МГПУ

Корнилов Валентин Алексеевич — кандидат исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории МГПУ

Лобанов Николай Александрович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН

Огородникова Ольга Александровна — кандидат исторических наук, доцент общеуниверситетской кафедры истории МГПУ

Пихоя Рудольф Германович — заслуженный деятель наук, доктор исторических наук, профессор Российской академии государственной службы при Президенте РФ

Порхова Татьяна Михайловна — кандидат исторических наук, доцент общеуниверситетской кафедры истории МГПУ

Русеева Нелли Николаевна — соискатель МГПУ

Рябов Виктор Викторович — доктор исторических наук, профессор, ректор МГПУ

Ушаков Анатолий Васильевич — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории МГПУ

Фирсова Ольга Геннадиевна — кандидат исторических наук, доцент общеуниверситетской кафедры истории МГПУ

Щулепникова Екатерина Ильинична — кандидат исторических наук, доцент общеуниверситетской кафедры истории МГПУ

Вестник МГПУ

Журнал Московского городского педагогического университета

Серия «Исторические науки»

№ 1 (22), 2008

Главный редактор:
доктор исторических наук, профессор
В.В. Рябов

Составитель:
доктор исторических наук, профессор
Ф.А. Михайловский

Главный редактор выпуска,
кандидат исторических наук, доцент:
Т.П. Веденеева
Редактор:
Н.А. Косаковская
Компьютерная верстка, макет:
Е.Н. Анощенко
Корректор:
И.А. Теплова

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ПИ №77-5797 от 20 ноября 2000 г.

Подписано в печать: 14.04.2008 г. Формат 70×108 1/16.
Бумага офсетная.

Объем усл.: 9 п.л. Тираж 1000 экз.